Вл. Войтинскій.

ВНѢ ЖИЗНИ.

Очерки тюрьмы и каторги.

1911 г.

Обложка и заставки работы художн. ***Н. Войтинской.***

Инв.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

ИЗДАНІЕ В. С. ВОЙТИНСКАГО.

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе“. Спб., Забалканскій пр., № 75.

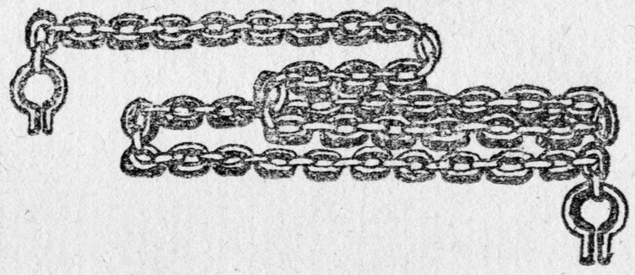
Эти страницы, написанныя въ тюрьмѣ и на каторгѣ,

посвящаю моей сестрѣ

Надеждѣ Савельевнѣ

Войтинской.

Авторъ.



Отъ автора.

Печатаемые здѣсь очерки написаны за время отъ 1908 до 1912 года. Эти годы авторъ провелъ въ тюрьмѣ и на каторгѣ въ обстановкѣ, открывшей ему возможность наблюденій надъ такими явленіями, о которыхъ свободные люди мало думаютъ, такъ какъ мало знаютъ. Авторъ считалъ своимъ долгомъ описать то, что пришлось ему видѣть. Это не публицистика, такъ какъ авторъ не задавался цѣлью убѣдить кого то въ чемъ бы то ни было. Это не беллетристика, такъ какъ авторъ ничего не сочинялъ и не задавался никакими художественными цѣлями. Это не мемуары, такъ какъ личныя переживанія автора для данныхъ очерковъ не имѣютъ большого значенія. Скорѣе всего — это отчетъ, который даетъ авторъ о видѣнномъ.

Собранные здѣсь очерки первоначально печатались за различными подписями въ различныхъи зданіяхъ[1]). Авторъ рѣшился переиздать ихъ, такъ какъ только собранные вмѣстѣ, въ естественной послѣдовательности, эти очерки могутъ дать болѣе или менѣе полную картину.

Иркутскъ
Январь 1914 г.

Вл. Войтинскій.

---

[1]) „Смертники“ — „*Вѣстн. Европы*“ — іюль-августъ 1910 г. „За желѣзной рѣшеткой“ — „*Русское Богатство*“ — №№ 6, 7, 8 за 1912 г. „Послѣ взрыва“ — „*Русское Богатство*“ — августъ 1913 г.

Оглавленіе.

	стр.
Смертники	7
Послѣ взрыва	79
За желѣзной рѣшеткой	115

Смертники.

Послѣдніе полтора-два года мнѣ пришлось провести въ тюрьмѣ одного большого города на югѣ Россіи. Этотъ городъ занимаетъ видное мѣсто въ кровавыхъ лѣтописяхъ послѣднихъ лѣтъ: это одинъ изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ вакханалія висѣлицъ и экспропріацій достигла наибольшаго развитія... Почти все время мнѣ пришлось жить среди людей, преданныхъ военному суду по всеобъемлющей 279 ст. XXII кн. свода военныхъ постановленій. А такъ какъ люди, сжатые въ тѣсномъ помѣщеніи безпощадными тюремными стѣнами, дышащіе однимъ воздухомъ, не имѣютъ тайнъ другъ отъ друга, то душевная жизнь этихъ людей была открыта передо мной. На моихъ глазахъ военные суды постановили больше двухсотъ приговоровъ и больше ста человѣкъ было за это время повѣшено. И хотя я ни разу не присутствовалъ при самомъ совершеніи казни, ни разу не видѣлъ *физической* агоніи повѣшеннаго, но въ теченіе многихъ мѣсяцевъ мнѣ пришлось изо дня въ день наблюдать *духовную* агонію людей, ждущихъ смертнаго приговора или уже приговоренныхъ къ смерти и ждущихъ казни. Нѣкоторыми изъ этихъ наблюденій я и хочу подѣлиться съ читателями.

I.

Еще въ 1906-мъ году, когда эпидемія смертныхъ казней въ Россіи только начиналась, когда смертные приговоры были сравнительно рѣдкимъ явленіемъ и, по

большей части, не приводились въ исполненіе, а замѣнялись каторгой, мнѣ пришлось встрѣтиться впервые со «смертниками», какъ называютъ въ тюрьмахъ людей, приговоренныхъ къ смертной казни.

Я былъ арестованъ судебнымъ слѣдователемъ и сидѣлъ въ одиночкѣ. Моя камера ничѣмъ не отличалась отъ камеръ одиночнаго заключенія въ знаменитыхъ «Крестахъ». Но надъ дверью ея была отдушина для вентиляціи. Такія же отдушины были и въ сосѣднихъ камерахъ, выходившихъ на тотъ же коридоръ. И благодаря этому заключенные изъ различныхъ камеръ могли свободно переговариваться между собой... Изъ сосѣднихъ келій доносилось непріятное, рѣзкое бряцаніе кандаловъ. Этотъ непривычный для меня звукъ невольно билъ по нервамъ и волновалъ меня. Мнѣ хотѣлось узнать, кто мои сосѣди по заключенію. Моихъ сосѣдей, повидимому, не менѣе интересовалъ вопросъ о моей личности. Естественно, что между нами скоро завязалась бесѣда. Мой сосѣдъ справа указалъ мнѣ на отдушину надъ дверью, научилъ, какъ ею пользоваться, и засыпалъ меня градомъ вопросовъ: кто я? за что сижу? что новаго на волѣ? Я отвѣчалъ, а затѣмъ самъ сталъ спрашивать его:

— Вы давно арестованы?

— Ужъ восемь мѣсяцевъ.

— Скоро судъ?

— Я уже судился.

— Къ чему приговорены?

— Къ смертной казни!

Я не видѣлъ своего собесѣдника. Но его молодой, звонкій голосъ звучалъ такъ бодро, такъ весело, что мнѣ показалось сперва, что онъ шутитъ.

— Какъ такъ къ смертной казни? — переспросилъ я.

— Ну, да, къ петлѣ. Очень просто. Приговорили повѣсить.

— Какъ же вы здѣсь?

— Командующій приговора не утвердилъ. Замѣнилъ на двадцать лѣтъ. Въ № 4 тоже такой же, какъ я, сидитъ... Тоже замѣненный.

— Мнѣ, братъ, на пятнадцать лѣтъ замѣнили... — Это говорилъ уже мой сосѣдъ слѣва. Его голосъ былъ не такой звонкій, не такой веселый, какъ моего перваго собесѣдника: въ этомъ голосѣ звучали болѣе глухія, подавленныя ноты.

Мои сосѣди сильно заинтересовали меня. Въ первый разъ я встрѣтился съ людьми, которымъ пришлось стоять подъ висѣлицей. И хотѣлось узнать, что испытывали эти люди въ ожиданіи казни, пока они не узнали объ отмѣнѣ приговора. Но какъ-то неловко было спрашивать ихъ объ этомъ. И мы говорили о самыхъ различныхъ вещахъ. Я разсказывалъ имъ новости съ воли; они передавали подробности суда надъ ними. Но все время на умѣ у меня вертѣлся одинъ вопросъ... Наконецъ, недѣли черезъ полторы послѣ перваго знакомства, я спросилъ своего молодого сосѣда:

— А что, страшно вамъ было, когда судъ объявилъ приговоръ?

— Да чего страшнаго, когда другого я и не ожидалъ. Я и теперь не знаю, съ чего имъ вздумалось замѣнить приговоръ. Вѣдь съ каторги я уйду. Это — какъ Богъ есть!..

— Все же, сердце дрогнуло?

— Я на свѣтѣ одинъ. Дрожать мнѣ не за кого. Жизнь я любилъ, вѣрно!.. Но ужъ до суда примирился съ судьбою.

— А послѣ суда какъ?

— Послѣ суда все то же. Вотъ только плохо, что заковали. А кандалы въ морозъ — смерть. Всего хуже — никакъ сразу не сообразишь, какъ брюки продѣвать

сквозь кольца. Да я теперь научился. Вамъ каторги не будетъ? . . .

— Нѣтъ.

— А-а-а! . . А то я научилъ бы васъ. Дѣло нехитрое, когда умѣешь.

И мой сосѣдъ началъ съ большимъ жаромъ объяснять мнѣ, какъ продѣваютъ брюки сквозь кольца кандаловъ. Я былъ пораженъ. Значитъ, человѣка, часы жизни котораго были сосчитаны, человѣка, который не зналъ, придется ли ему дожить до завтрашняго утра, вопросъ о томъ, какъ быстрѣе и легче переодѣваться съ кандалами на ногахъ, интересовалъ сильнѣе, чѣмъ всѣ великіе вопросы о жизни и смерти. А это былъ не грубый одеревенѣлый преступникъ: это былъ молодой, живой и энергичный рабочій, развитой и остроумный, осужденный за сопротивленіе полиціи при арестѣ.

Я обратился къ своему второму сосѣду:

— Ну, а вы испугались приговора?

— Нѣтъ, я тоже ждалъ. Но у меня хуже вышло. Мать-старуха была въ судѣ. Она, конечно, простая, безъ сознанія. Ну, многаго не понимаетъ. Ей-то, конечно, страшно . . . Плакать начала. Тутъ меня зло взяло. Такъ бы и сказалъ всѣмъ судьямъ . . . Послѣ я, конечно, стою около двери, а генералъ проходитъ мимо. Остановился, поглядѣлъ на меня и говоритъ: «Почему ты не вытянулся»? Я хуже разозлился: «Теперь — говорю — я ничего не обязанъ дѣлать и никого не признаю». Онъ кричать сталъ. Я говорю: «Чего кричите? Я все равно теперь ничего не боюсь»! Покричалъ, покричалъ, да и отсталъ. Мнѣ даже конвойный говоритъ: «Ты, братъ, не слишкомъ того . . . Еще замѣнить могутъ». А я говорю: «Куда ужъ тамъ»! . . Потомъ мать пришла въ тюрьму. Плачетъ, конечно, потому что какъ объяснить ей, старухѣ. Я говорю ей: «Не плачьте зря! Вѣдь лучше все

равно не будетъ» . . . А она: «Попробую — говоритъ — командующаго просить. Авось смилуется». «Бросьте — говорю — маменька. Какая отъ нихъ милость»? А она затвердила одно . . . Потомъ уже разсказывала, какъ командующій ее принималъ. Она ему въ ноги упала. Старуха, конечно, простая. А онъ говоритъ: «Я посмотрю. . . Жизнь за жизнь, старуха! Если твой сынъ, хоть и виноватъ, да не убилъ никого, а только покушался, такъ и онъ живъ будетъ. Помилую я его. Ты не больно убивайся. Если на немъ чужая жизнь, такъ и плакать о немъ нечего. А если не такъ, я уже посмотрю». Такъ и замѣнили мнѣ на пятнадцать лѣтъ . . .

— А умирать не хотѣлось?

— Да все одинъ конецъ. Только, конечно, старуху жаль было. Ей не растолкуешь: старый человѣкъ, все по своему норовитъ.

Мой собесѣдникъ, судя по всему, былъ парень простодушный и нѣсколько вялый, хотя и партійный. Я не смогъ передать его разсказъ вполнѣ точно. Но этотъ разсказъ глубоко растрогалъ меня: такъ живо рисовалась его убитая горемъ мать и такъ простъ былъ онъ самъ, не боящійся смерти, болѣющій лишь горемъ своей старухи матери, которой «никакъ не растолкуешь всего» . . .

Такова была моя первая встрѣча со смертниками. Такъ описывали они свои впечатлѣнія послѣ смертнаго приговора, свое состояніе въ ожиданіи казни. И больше всего поразило меня въ ихъ разсказѣ, что не было въ ихъ переживаніяхъ никакого слѣда тѣхъ романтическихъ ужасовъ, которые наполняютъ душу осужденнаго у Виктора Гюго или Оскара Уайльда.

Черезъ одну камеру отъ моей одиночной кельи сидѣлъ матросъ, приговоренный къ долгосрочной каторгѣ за возстаніе на броненосцѣ. Онъ судился вмѣстѣ съ сотней товарищей и многіе изъ его товарищей были приговорены

къ разстрѣлу. И въ безыскуственной формѣ онъ черезъ отдушину надъ дверью камеры разсказывалъ мнѣ, какъ бунтовалъ ихъ броненосецъ, какъ захватили ихъ въ плѣнъ, какъ судили ихъ, какъ вынесли многимъ изъ нихъ смертные приговоры, какъ сидѣли они вмѣстѣ, въ общей камерѣ, въ ожиданіи казни, и какъ, наконецъ, всѣмъ имъ пришлось присутствовать при разстрѣлѣ «зачинщиковъ» . . . Нѣкоторыя подробности его разсказа глубоко врѣзались мнѣ въ память. Когда судъ ушелъ въ совѣщательную комнату, они смѣялись и шутя спорили о томъ, сколькихъ и кого именно приговорятъ къ смерти. Но когда началось чтеніе приговора, всѣ затихли и ждали съ напряженнымъ вниманіемъ. А послѣ приговора осужденные на смерть цѣловались съ приговоренными къ каторгѣ, прощаясь съ ними навсегда. Приведенія приговора въ исполненіе пришлось ждать много мѣсяцевъ. Это время было очень тяжелое. И всѣ обрадовались, когда узнали, что день казни назначенъ. Наканунѣ казни одинъ изъ осужденныхъ смотрѣлъ на свои серебряные часы, подарокъ отца, и затѣмъ сказалъ: «Некому часы оставить. Вы, братцы, на каторгу идете, тамъ у васъ отберутъ. Домой отослать — все равно, пропадутъ. Отдамъ ихъ солдату, который стрѣлять въ меня будетъ. Вѣдь и мы такіе же были, и онъ когда-нибудь человѣкомъ станетъ»!

— Утромъ вывели насъ на дворъ, — разсказывалъ матросъ-каторжанинъ, — выстроили: насъ всѣхъ въ сторонку, а смертниковъ въ серединѣ . . . Солдаты здѣсь же рядомъ стоятъ. Товарищъ тутъ вынулъ часы, и говоритъ солдатамъ, да только тихо, чтобъ офицеръ не слышалъ: «Братцы, кто будетъ въ меня стрѣлять»? Молчатъ солдаты. А онъ тогда опять: «Хочу, братцы, память оставить тому, кто будетъ стрѣлять въ меня». Одинъ солдатикъ, совсѣмъ еще молоденькій, выходитъ: «Я» — говоритъ. Онъ ему часы отдалъ. «Смотри, — говоритъ, — вспоминай, какъ ты по приказу человѣка убилъ. Да лучше цѣлься. Чтобы не мучиться мнѣ». Поцѣловались они. Солдатъ часы взялъ . . .

Какъ похожа эта подробность жизни на старый обычай цѣлованія преступника съ палачомъ! . .

Я вскорѣ разстался со своими сосѣдями-смертниками. И мнѣ некогда было думать о ихъ судьбѣ и о судьбѣ другихъ людей, подобно имъ ожидающихъ казни. Некогда было думать объ этомъ, такъ какъ слишкомъ много другихъ вопросовъ будила тогда русская жизнь. И читая ежедневныя извѣстія о смертныхъ казняхъ въ 1907 году, я мало задумывался надъ смысломъ этихъ извѣстій.

II.

Въ послѣдній разъ я былъ арестованъ въ началѣ 1908 года. Предъявленное мнѣ полиціей предписаніе жандармскаго управленія гласило категорически: «подвергнуть безусловному задержанію, независимо отъ результатовъ обыска». На вопросъ о причинахъ задержанія, полиція отвѣчала: «Это намъ неизвѣстно». На вопросъ о томъ, куда меня отправятъ, полиція отвѣчала: «Политическихъ приказано въ N—ную часть отправлять».

Я жилъ далеко отъ N—ной части, на другомъ концѣ города. И трясясь съ городовыми на извозчикѣ по сонным улицамъ города, я вспоминалъ все, что слышалъ въ различное время объ этой части. О ней много говорили въ городѣ: здѣсь приводились въ исполненіе смертные приговоры, постановляемые военными судами; здѣсь, во дворѣ, передъ окнами арестантскаго корпуса, помѣщалась губернская висѣлица.

И когда, послѣ записи моего имени и званія въ канцеляріи части, два дюжихъ городовыхъ повели меня черезъ дворъ къ низенькому одноэтажному домику, съ рѣшетками въ окнахъ, я внимательно смотрѣлъ по сторонамъ,

ожидая увидѣть висѣлицу. Но во дворѣ не было никакихъ столбовъ, даже никакихъ выступовъ въ стѣнахъ, никакихъ кронштейновъ или крюковъ, которые можно было принять за часть висѣлицы . . .

Внутри арестантское помѣщеніе оказалось состоящимъ изъ двухъ большихъ и четырехъ маленькихъ камеръ, выходящихъ дверями на общій коридоръ, а окнами — на черный дворъ. Слѣва были расположены двѣ маленькія камеры, въ которыхъ помѣщались надзиратель и палачъ. Первый жилъ здѣсь постоянно. Второй содержался обыкновенно въ тюрьмѣ, а въ участокъ переводился лишь тогда, когда предстояла работа. Рядомъ съ маленькой камерой палача была болѣе обширная камера, разсчитанная человѣкъ на шесть или семь, но вмѣщавшая при мнѣ человѣкъ пятнадцать-двадцать, а порой и тридцать. За ней шли двѣ крошечныя камеры — секретки — со тщательно задѣланными толстой рѣшеткой окнами: здѣсь содержались приводимые изъ тюрьмы на казнь смертники. Рядъ камеръ кончался большой камерой, въ которой, по росписанію, могло помѣститься человѣкъ двѣнадцать, а въ дѣйствительности помѣщалось отъ двадцати до тридцати, а иногда и отъ сорока до пятидесяти.

Когда меня привели въ часть, секретки пустовали. Послѣдніе смертники были повѣшены за нѣсколько дней до моего ареста. Новыхъ смертниковъ изъ тюрьмы тоже не ожидалось, такъ какъ со всѣми осужденными послѣдней сессіей военнаго суда было уже покончено. Но палачъ, только что закончившій свою работу, все еще содержался здѣсь, въ части, во второй камерѣ слѣва.

Среди заключенныхъ, съ которыми я встрѣтился въ общей камерѣ, были разные люди: были здѣсь и убѣжденные члены соціалистическихъ партій, и революціонно настроенные рабочіе, и обыкновенные экспропріаторы, и совершенно темные крестьяне, попавшіе въ тюрьму неизвѣстно за что, и очень подозрительныя личности, промышлявшія на волѣ обыкновенной уголовщиной. Серьезный разговоръ плохо клеился въ такой разношерстной компаніи. Жили не дружно, ссорясь между собою, споря изъ-за всякой мелочи и оскорбляя одинъ другого дурными словами. Но все же между всѣми было *одно* общее, что сближало всѣхъ: это — ужасъ недавнихъ казней. Послѣдняя казнь была совершена всего за нѣсколько дней до моего ареста: тогда въ одну ночь было повѣшено пять человѣкъ. Казалось, тѣни казненныхъ, какъ какой-то кошмаръ, не даютъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ чудовищнаго дѣла, которое свершилось здѣсь нѣсколько дней тому назадъ. Ни о чемъ другомъ нельзя было говорить, ни о чемъ другомъ нельзя было думать въ этомъ мѣстѣ. Возникали шумные споры, начинались шутки, затягивалась пѣсня, завязывалась игра или возня, но снова и снова, днемъ и ночью, мысль настойчиво возвращалась къ *одному* . . .

Я не видѣлъ лицъ послѣднихъ пяти повѣшенныхъ, не слышалъ ихъ голосовъ, не присутствовалъ при томъ, какъ ихъ вѣшали, но изъ разсказовъ окружающихъ я узналъ всю картину казни, и эта картина стояла передо мной такъ же ярко, какъ передъ людьми, непосредственно наблюдавшими ее.

Это произошло наканунѣ большого праздника. Надзиратель съ утра проявлялъ необыкновенную суетливость. Онъ нѣсколько разъ заходилъ въ секретку, тщательно изслѣдуя рѣшетки, полъ и стѣны, поминутно подходилъ къ дверямъ общихъ камеръ, прислушиваясь къ разговорамъ арестантовъ. Послѣ обѣда онъ обратился къ заключеннымъ съ краткою рѣчью.

— Вотъ что, господа: шила въ мѣшкѣ, говорятъ, не утаишь. Такъ что я ужъ скажу вамъ, хоть приказано не говорить . . . Да ужъ все равно! Ну, приведутъ сегодня пятерыхъ . . . Вѣшать будутъ . . . Такъ вы къ волчкамъ

лучше не подходите и сидите тихо... Стражники будутъ. А имъ много ли надо? Да и приказъ есть такой: если хоть слово скажетъ кто, или кричать будетъ, или пѣть, или въ волчокъ выглянетъ, такъ чтобъ стрѣляли безъ предупрежденія. Вы, господа, сами поостерегитесь...

Вскорѣ затѣмъ коридоръ наполнился стражниками. Они разговаривали между собой, шутили, смѣялись... Одинъ изъ нихъ, сидя на подоконникѣ, громко пѣлъ. Вдругъ все стихло. Стражники выстроились въ коридорѣ, заслонивъ своими спинами волчки дверей.

— Смотри, ребята! — крикнулъ надзиратель и, позвякивая ключами, подошелъ къ выходной двери.

— Кто идетъ?

— Изъ тюрьмы. Принимай пятерыхъ.

Дверь отворилась. Въ коридоръ ввалилась толпа народа. Слышался топотъ тяжелыхъ сапоговъ, стукъ ружейныхъ прикладовъ, бряцаніе цѣпей.

— Стой... Повернись... Скинь поясъ... Разстегни рубаху... Дай ногу... Да портянку скинь...

На коридорѣ шелъ обычный обыскъ вновь прибывшихъ. И вдругъ послышалось паденіе на полъ тяжелаго тѣла и чей-то изступленный голосъ закричалъ:

— Да за что насъ, дѣдушка? Передъ Христомъ клянусь, невиновенъ я! Отпусти, дѣдушка! За что насъ?.. Вѣдь бумага придти должна!.. Ради Христа!..

Человѣкъ рыдалъ, бился головой о полъ, цѣпи его глухо звенѣли. Надзиратель, повидимому, смутился.

— Чего ты?.. Чего? — успокаивалъ онъ несчастнаго. — Кто тебя вѣшать будетъ!? Перевели сюда потому, значитъ, мѣстовъ въ тюрьмѣ мало... Посидишь здѣсь... А тамъ изъ Петербурга бумага придетъ... Можетъ и вовсе на свободу отпустятъ...

— Родненькій, помоги ради Христа, ради души спасенія! — Къ первому плачущему голосу присоединились еще два. Но новый рѣзкій и громкій голосъ вмѣшался въ ихъ вопли:

— Стыдись, старикъ! Зачѣмъ людей обманываешь? Вѣдь *сегодня* вѣшать будутъ! Чего виляешь? Не ты ли и палачомъ будешь?.. Вилять нечего. Собака!..

— Врешь, врешь! Самъ собака... Сволочь!.. — Надзиратель окончательно растерялся и поспѣшилъ закончить обыскъ. Захлопнулись двери секретокъ. Часть стражниковъ вышла на дворъ, часть осталась въ коридорѣ.

Все было тихо въ тюрьмѣ, никто не говорилъ ни слова. Изъ секретокъ не слышалось даже бряцанья цѣпей. И вдругъ тишину прорѣзалъ громкій звукъ пѣсни:

Слезами залитъ міръ безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый трудъ...

Голосъ пѣвца звучалъ твердо, увѣренно, и трудно было повѣрить, что это пѣлъ человѣкъ, ожидающій казни. Но это былъ тотъ самый голосъ, который только что спорилъ на коридорѣ съ надзирателемъ. Надзиратель въ тревогѣ бросился къ двери.

— Брось пѣть! Тебѣ говорятъ, замолчи! Чортъ окаянный!.. — Но смертникъ продолжалъ пѣть такъ же громко, такъ же увѣренно, какъ бы смѣясь надъ гнѣвомъ своего тюремщика. Только допѣвъ пѣсню до конца, онъ обратился къ нему.

— Чего кричишь? Я тебя, знаешь, не боюсь: на томъ свѣтѣ съ тобою посчитаемся.

— Да брось пѣть! Тюрьма здѣсь...

— Буду пѣть, пока всѣхъ пѣсенъ не пропою на прощанье...

И опять полились страстные звуки революціонной пѣсни:

Вихри враждебные вѣютъ надъ нами...

Старикъ-надзиратель отошелъ отъ секретки и подошелъ къ двери общей камеры, какъ бы ища у своихъ

узниковъ сочувствія при столь явномъ попраніи всѣхъ правилъ тюремной дисциплины.

— Анархистъ это! — заговорилъ онъ, заглядывая въ волчокъ, — за нападеніе судился... Отчаянный. А тѣ четыре — мужики деревенскіе... Немолодые все... За поджогъ, говорятъ. Плачутъ, что зря осудили ихъ, да кто ихъ разберетъ!.. Молятся теперь. А тотъ дьяволъ оретъ.

Арестанты сидѣли молча, слушая, какъ за стѣной человѣкъ пѣлъ, прощаясь съ жизнью. Хотѣлъ ли онъ звуками пѣсни заглушить страхъ смерти, поднимавшійся въ его сердцѣ? Или, прощаясь съ жизнью, онъ прощался съ любимыми пѣснями, съ которыми было связано для него такъ много святого? Но голосъ его звучалъ все сильнѣе, все красивѣе, и въ пѣснѣ выливалась вся его молодая душа. Никто не проронилъ ни слова въ общей камерѣ, но у всѣхъ было тяжело на сердцѣ.

Кончивъ пѣсню, пѣвецъ умолкъ, но не надолго. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова запѣлъ.

А изъ другой секретки неслись стоны и вопли. Осужденные метались по камерѣ, бились о дверь.

— За что, за что? Дѣдушка! Родненькій, заступись!. Оговорили вѣдь насъ... Ни за что гибнемъ... Безъ вины... Бумага вѣдь будетъ!.. Аль не то?.. Не будутъ вѣдь вѣшать?.. Правда? Смилуйся, дѣдушка, отпусти! Не мы вѣдь! Видитъ Богъ, не мы!..

Нѣсколько голосовъ кричало здѣсь разомъ. И рѣзче всего выдѣлялся изъ нихъ какой-то старческій голосъ, дребезжащій, надорванный. Стражники въ коридорѣ молчали. Надзиратель пытался возстановить порядокъ въ секреткахъ, и то кричалъ на молодого пѣвца, то принимался успокаивать плачущихъ мужиковъ.

— Полно выть-то... До бумаги здѣсь посидите... Здѣсь хорошо у насъ, не то, что въ тюрьмѣ. Харчи хорошіе. Вотъ завтра на базаръ пойду. Чего вамъ принести? А? Сказывайте! Чего принести?.. Я все могу... Хоть курицу къ обѣду. Хотите? Ну, ладно, такъ, значитъ, я себѣ отмѣчу, чтобъ курицу. Да вы хоть соснуть ложитесь. Поздно ужъ. А ты брось орать! Будетъ тебѣ глотку драть... Хуже людей разстраиваешь.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Не дай, не дай... — изступленно молились мужики.

А изъ сосѣдней секретки лились мощной волною звуки похороннаго марша:

Порой изнывали вы въ тюрьмахъ сырыхъ...

Такъ проходило время. Смѣнились стражники въ коридорѣ. Въ камерахъ зажглись лампы. Спустилась ночь. А изъ секретокъ неслись вопли отчаянія и звуки пѣсни.

Мужики то какъ будто успокаивались и начинали степенно объяснять суть своего дѣла надзирателю, то снова принимались молиться и плакать. А анархистъ въ сосѣдней секреткѣ все пѣлъ. Теперь онъ пѣлъ уже не революціонныя пѣсни, а народныя, волжскія. Въ голосѣ его звучала то грусть, то удаль, но нельзя было понять, пѣсня ли навѣвала ему эти чувства, или въ душѣ его предсмертная тоска боролась съ привычнымъ молодечествомъ. Пѣвецъ уже усталъ, и промежутки молчанія между пѣснями становились уже длиннѣе. И въ эти промежутки молчанія громче казались вопли приговоренныхъ къ казни крестьянъ.

Никто изъ заключенныхъ не смыкалъ глазъ въ эту ночь... Ждали развязки.

Было еще совсѣмъ темно, когда коридоръ снова наполнился людьми. Пришелъ усиленный нарядъ стражниковъ. Палачъ вышелъ во дворъ, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія. Наконецъ прибыли власти. Стражники какъ-то подобрались и вытянулись. Въ секреткахъ замолкли вопли, замерла пѣсня. Прибывшіе, громко разговаривая между собой, ходили по коридору.

Въ волчокъ общей камеры заглянуло чье-то лицо, интеллигентное, выхоленное, украшенное изящными усиками.

— О, сколько ихъ здѣсь! — произнесъ удивленный голосъ. — Одинъ, два, три... Больше двадцати, пожалуй. Не всѣ вѣдь сегодня?..

Другой, болѣе солидный голосъ возразилъ:

— Да нѣтъ же! Это не тѣ совсѣмъ... Здѣсь разные... На сегодня — въ сосѣдней камерѣ. Вы поглядите.

Господинъ съ интеллигентнымъ лицомъ, отошелъ отъ волчка.

Щелкнулъ замокъ у секретки. Въ коридоръ вывели анархиста-пѣвца.

— Какъ звать? — спросилъ суровый начальническій голосъ.

Осужденный отвѣтилъ отчетливо и твердо.

Затѣмъ послышалось быстрое чтеніе:

«По Указу Его Императорскаго Величества... признанъ виновнымъ въ томъ, что въ мѣстности, объявленной на положеніи чрезвычайной охраны... къ смертной казни черезъ повѣшеніе... издержки на счетъ суда... передать наслѣдникамъ»...

И прежній суровый голосъ спросилъ:

— Священника примешь?

— Къ чему?

— Да ты отвѣчай: примешь, или нѣтъ?

— Не приму...

— Ну и отлично... Ну, живо!... Пойдемте, господа!.. Топотъ многихъ тяжелыхъ ногъ, бряцаніе ружей, звонъ кандаловъ... и твердый, громкій голосъ:

— Прощайте, товарищи! За свободу...

Но никто не отвѣтилъ на этотъ послѣдній крикъ... Хлопнула дверь. За стѣной слышны были шаги, хрустѣлъ

снѣгъ, долетали отрывочныя слова разговора. Но вскорѣ и эти звуки затихли въ отдаленіи. Арестанты сидѣли безмолвные, подавленные.

Прошло нѣкоторое время, — можетъ быть пять минутъ, можетъ-быть часъ. Толпа снова вернулась на коридоръ.

— Слѣдующаго!

Щелкнулъ замокъ у второй секретки.

— Твое имя?

Въ отвѣтъ раздался надорванный вопль.

— Не я, ваше благородіе!.. Видитъ Богъ, не я!.. Не губите! Дѣдушка, родненькій, ты хоть скажи, что не я!.. Ради Христа!.. Помилуйте!.. Вѣдь бумагу писали... Бумага будетъ!... Родненькіе мои! Да какъ же такъ...

— Помолчи-ка лучше! Тебя какъ звать? А? Ну, хорошо... Вотъ и слушай.

И опять быстрое чтеніе:

«По Указу Его Императорскаго Величества... къ смертной казни... черезъ повѣшеніе»...

Мужикъ продолжалъ плакать.

— Священника примешь?

— Батюшка! Передъ Богомъ, невиненъ я... Семья дома...

И чей-то густой, благочестивый голосъ успокаивалъ его:

— Ну, хорошо, хорошо... Встань на колѣни... Вотъ такъ... Молись... И азъ, недостойный іерей, властью Его мнѣ данной прощаю и разрѣшаю... Ну, встань... Вотъ крестъ, поцѣлуй... Ну, такъ.

— Готово? — спросилъ суровый голосъ.

И благочестивый голосъ отвѣчалъ:

— Готово!

— Ну, такъ живо!.. Пойдемте.

И дверь захлопнулась за второй жертвой.

Такъ же взяли на казнь и третьяго, и четвертаго, и пятаго. Уже свѣтало на дворѣ, когда начальство покинуло часть . . .

Такъ описывали мнѣ эту казнь товарищи по заключенію. Два десятка людей, различныхъ и по умственному развитію, и по взглядамъ, и по характеру, разсказывали при мнѣ объ этой казни. И разсказъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ былъ одинъ и тотъ же. Всѣ черточки этой картины съ безпощадной ясностью врѣзались въ память невольныхъ свидѣтелей, и долго, долго не забудутъ они этой картины. И когда я сидѣлъ среди этихъ людей, въ этой части, картина казни днемъ и ночью стояла передо мной и нельзя было избавиться отъ нея.

Взобравшись товарищу на плечи, можно было черезъ окно окинуть взглядомъ задній дворъ части. Небольшой, запущенный дворъ . . . Въ глубинѣ его, шагахъ въ двадцати-пяти отъ арестантскаго помѣщенія, сѣрый бревенчатый сарай, съ потрепанной крышей, съ потемнѣвшими отъ времени и покосившимися стѣнами. Почти по серединѣ сарая широкія двери-ворота.

— Здѣсь вѣшаютъ, — объясняли мнѣ товарищи. — Здѣсь балка идетъ такая поперечная подъ стропилами. Такъ черезъ нее веревки перебрасываютъ. Скамейка больше тамъ стоитъ, а иногда ее и въ коридоръ къ намъ вносятъ. Кандалы ужъ послѣ казни сбиваютъ съ покойниковъ . . .

Палачъ жилъ подъ одной крышей съ нами, въ сосѣдней камерѣ за стѣной. Когда онъ проходилъ по коридору мимо двери нашей камеры, всѣ бросались къ волчку посмотрѣть на него. Сперва мнѣ было противно смотрѣть на палача, и я не подходилъ къ волчку. Но затѣмъ и мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ выглядитъ палачъ . . . Я увидѣлъ высокаго, плотнаго мужчину, лѣтъ

двадцати-пяти — двадцати-восьми на видъ, съ загорѣлой жилистой шеей, съ бѣлокурыми гладкими волосами. Ходилъ онъ слегка согнувшись и всегда отворачивался, проходя мимо заключенныхъ. Не сразу можно было разобрать черты его лица. И на первый взглядъ даже предубѣжденный глазъ не могъ открыть въ его чертахъ что-либо особенное, ужасное. Обыкновенное мужицкое лицо съ крупными правильными чертами. Только глаза его какъ-то странно бѣгали по сторонамъ, и онъ, повидимому, не могъ уже смотрѣть въ лицо человѣку. А когда онъ замѣчалъ, что на него устремлены враждебные, любопытные взгляды, онъ хмурился и какъ-то странно оскаливалъ верхніе зубы. Тогда видъ у него становился свирѣпый и противный.

И висѣлица, и палачъ въ N-ной части оказались сѣрыми, будничными. Не было въ нихъ ни капли тѣхъ романтическихъ ужасовъ, которыми окружила висѣлицу и палача легенда. Былъ въ нихъ свой ужасъ — но ужасъ сѣрый, будничный. И все же трудно будетъ забыть эту висѣлицу и этого палача . . . Особенно трудно потому, что теперь я знаю весь смыслъ казни, совершенной въ N-ной части за нѣсколько дней до моего ареста. Въ тюрьмѣ я узналъ, что мужики не лгали, когда клялись въ своей невинности; въ тюрьмѣ я узналъ, что въ тотъ день въ N-ной части дѣйствительно было повѣшено четверо невинныхъ крестьянъ, оговоренныхъ по злобѣ односельчаниномъ . . . Произошла судебная ошибка: вѣдь такъ естественно ошибиться при спѣшномъ разборѣ множества дѣлъ! . . .

Но не буду дольше останавливаться на впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ N-ной части. Слишкомъ блѣдны и незначительны эти впечатлѣнія сравнительно съ тѣмъ, что пришлось видѣть и слышать въ слѣдующіе мѣсяцы въ тюрьмѣ.

III.

Первое, что поразило меня въ тюрьмѣ, это необыкновенное *множество* заключенныхъ, имѣющихъ «смертныя дѣла», т.-е. привлекаемыхъ по обвиненію въ преступленіяхъ, караемыхъ смертною казнью... Въ тюрьмѣ содержалось около тысячи человѣкъ. Изъ нихъ человѣкъ сто составляли уголовную аристократію тюрьмы: это были рецидивисты-профессіоналы, частью приговоренные къ арестантскимъ ротамъ или къ каторгѣ, частью ожидавшіе такого приговора. Приблизительно столько же было въ тюрьмѣ мелкихъ уголовныхъ преступниковъ, попавшихъ въ тюрьму кто по несчастью, кто по легкомыслію, кто случайно. Значительно малочисленнѣе была группа политиковъ, привлеченныхъ или осужденныхъ за опредѣленныя политическія преступленія (принадлежность къ партіи, агитація, храненіе литературы и т. п.). Сравнительно больше было административно арестованныхъ, обвиняемыхъ невѣдомо въ чемъ, стоявшихъ на волѣ одинаково далеко отъ уголовщины и отъ политики, задержанныхъ по недоразумѣнію или, какъ выражались въ тюрьмѣ, «за покушеніе на подозрѣніе». Но всѣ эти четыре группы вмѣстѣ не составляли и половины населенія тюрьмы: другая, большая половина тюремнаго населенія состояла изъ «*смертниковъ*».

Всѣ эти люди ждали смертнаго приговора и казни... Рядомъ съ ними немало было въ тюрьмѣ и такихъ, которые были уже приговорены къ смертной казни предыдущими сессіями военнаго суда, но получили замѣну смертной казни каторгой на 15—20 лѣтъ или безъ срока.

И первое, что поразило меня въ тюрьмѣ, было то, какъ *много* здѣсь смертниковъ. Правда, статистическія данныя вблизи кажутся больше, чѣмъ на бумагѣ, и потому неудивительно, что сравнительно небольшая цифра 5, 10,

20 смертныхъ казней становится чудовищно огромной, если эти казни происходятъ на твоихъ глазахъ, въ двухъ шагахъ отъ тебя. Но меня поразило другое: неправильно вѣдь считать, что смертная казнь совершается только въ тотъ моментъ, когда намыленная веревка сдавливаетъ горло преступника, сердце его перестаетъ биться и изъ горла его вырывается послѣдній крикъ. Въ этотъ моментъ совершается лишь уничтоженіе преступника, умерщвленіе его. Смертная казнь, какъ высшая мѣра наказанія, *прекращается* въ тотъ моментъ, когда прекращается его жизнь; пытка *ожиданіемъ, страхомъ* смерти *кончается* въ тотъ моментъ, когда палачъ вышибъ скамейку изъ-подъ ногъ жертвы, сбрасываетъ преступника въ бездну. Но *начинается* эта пытка гораздо раньше: иногда послѣ того, какъ судъ постановилъ свой приговоръ; иногда послѣ того, какъ осужденный узналъ объ отклоненіи его кассаціонной жалобы, или о задержаніи ея командующимъ войсками; иногда еще значительно раньше, съ того момента, когда обвиняемый увидѣлъ въ своемъ обвинительномъ актѣ роковую статью 279-ую, или съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣдился, что охранное отдѣленіе подозрѣваетъ его и «лѣпитъ ему дѣло»...

Какихъ только людей не было среди «смертниковъ»! Казалось, тутъ переплелись всѣ теченія русской жизни, всѣ ея свѣтлые и мутные потоки. Большинство «смертниковъ» принадлежало къ разряду «политико-уголовныхъ», меньшинство — къ «политическимъ» или «уголовнымъ» въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. «Политическими» считались послѣдніе участники возстанія 1905-го года, обвиняемые по ст. 100-ой уголовнаго уложенія. «Уголовными» считались старые профессіональные грабители, судившіеся не разъ общеуголовнымъ судомъ, но попавшіе теперь подъ военный судъ потому, что при послѣднемъ нападеніи, вмѣсто обычнаго уголовнаго: «Ложись и ни съ

мѣста!», имъ вздумалось командовать по экспропріаторски: «Руки вверхъ!». «Политико-уголовные» привлекались кто за убійство или нанесеніе ранъ (терроръ), кто за нападеніе и грабежъ (экспропріація), кто за сопротивленіе и отпоръ полиціи при задержаніи, кто за поджогъ (аграрный терроръ), кто за разсылку угрожающихъ писемъ (вымогательство).

Какъ разнообразны были преступленія, за которыя ждала этихъ людей смертная казнь, такъ же различны были сами люди. Смертники-уголовные смотрѣли на все окружающее съ презрѣніемъ. Они ненавидѣли политиковъ: «Изъ-за васъ, подлецовъ, умирать приходится. Сколько людей вы сгубили! Раньше окружный судилъ или палата, а теперь, съ вашей революціи, пошелъ военный судъ! То получилъ бы лѣтъ десять, или роты, а изъ-за васъ, вотъ, петля. Сволочь»!.. И это была для нихъ неистощимая тема для ругани и насмѣшекъ надъ политиками. Судъ сильно волновалъ ихъ. Предстоящая казнь ихъ пугала, и уже задолго до суда они старались узнать форму прошенія о помилованіи.

Среди смертниковъ, ожидавшихъ казни за возстаніе 1905-го года, можно было замѣтить два рѣзко противоположныхъ теченія. Одни, оставшіеся вѣрными своимъ вѣрованіямъ, ждали суда и казни безъ страха, безъ трепета, съ традиціонной для русскаго революціонера стойкостью; другіе, проклиная свое увлеченіе, проклиная «впутавшихъ» ихъ въ это дѣло, жили въ безумномъ страхѣ за свою жизнь, каждый день переживая безысходный, отчаянный ужасъ смерти. Между спокойствіемъ первыхъ и отчаяніемъ вторыхъ контрастъ былъ поразительный... Нѣкоторые изъ политиковъ, спокойно ожидавшихъ смерти, искренно жалѣли своихъ павшихъ духомъ, мечущихся въ отчаяніи товарищей. Но среди послѣднихъ было много людей, готовыхъ на что угодно, чтобы выкупить свою голову изъ неумолимой петли. И потому большинство политиковъ, оставшихся вѣрными своимъ старымъ идеаламъ, смотрѣли на раскаявшихся товарищей съ враждой и презрѣніемъ. Мнѣ, какъ юристу, показалось цѣннымъ одно наблюденіе: я замѣтилъ, что смертная казнь, предназначенная по своей «идеѣ» для самыхъ нераскаянныхъ преступниковъ, всего менѣе страшна именно для того, кто остался такимъ же, какимъ былъ въ моментъ совершенія преступленія; мучительной и ужасной она становится для преступника съ того момента, когда онъ начинаетъ *раскаяваться* въ совершенномъ преступленіи, когда онъ уже перестаетъ быть тѣмъ, котораго «надо» было повѣсить...

Наибольшее разнообразіе типовъ приходилось наблюдать между смертниками «политико-уголовными»: среди нихъ можно было прослѣдить всѣ оттѣнки, отъ революціоннаго подвижничества до грубѣйшей уголовщины; среди нихъ были люди хрустальной душевной чистоты, люди, полные безкорыстнѣйшей пламенной любви къ ближнимъ — и рядомъ съ ними люди развращенные, глубоко павшіе въ нравственномъ отношеніи, стоявшіе иногда ниже обыкновенныхъ «уголовныхъ». Всѣ они объединялись въ тюрьмѣ подъ общимъ понятіемъ «уголовно-политическихъ», но общее было у нихъ лишь одно: то, что всѣ они были преданы военному суду и всѣхъ ихъ ожидала висѣлица по 279-ой статьѣ.

Уже среди лицъ, привлекаемыхъ за террористическіе акты, были люди совершенно противоположныхъ чувствъ и стремленій. Вотъ — человѣкъ, до глубины души ненавидящій всякое насиліе, ненавидящій всякое пролитіе крови — и все-таки вышедшій на террористическій актъ. Вотъ — молодой рабочій, который съ пьяныхъ глазъ, ни съ того ни съ сего, выстрѣлилъ два раза изъ револьвера въ постового городового. Вотъ — привычный экспро-

пріаторъ, подкараулившій и убившій человѣка, который раньше вмѣстѣ съ нимъ совершалъ экспропріаціи, но затѣмъ поступилъ въ охранное отдѣленіе. Вотъ — «человѣкъ браунинга», сдѣлавшій себѣ спеціальность изъ «шпикобойства», т. е. убійства низшихъ агентовъ полиціи, которыхъ онъ ненавидитъ всей душой, ненавидитъ не менѣе сильно, чѣмъ прежнихъ товарищей по партіи, съ которыми онъ давно разошелся . . .

Еще разнообразнѣе прошедшіе передъ моими глазами «экспропріаторы», составляющіе главный процентъ приговариваемыхъ къ казни и казнимыхъ во всѣхъ частяхъ Россіи. Идейныхъ людей среди нихъ было немного, и они рѣзко отличались отъ окружающей среды. Участники «партійныхъ» или «групповыхъ» экспропріацій, дѣйствовавшіе не ради личной наживы, люди, насильственно завладѣвшіе типографіей и захватнымъ путемъ, держа подъ дуломъ револьвера хозяина типографіи, отпечатавшіе здѣсь свои воззванія, отличались отъ другихъ политиковъ своимъ боевымъ темпераментомъ. Прямую противоположность имъ представляли «эксъ-исты» въ узкомъ смыслѣ слова. Изъ нихъ нѣкоторые имѣли революціонное прошлое, но они ужъ давнымъ давно порвали съ своей партіей. Грабя въ свою пользу лавочки, устраивая облавы на артельщиковъ, убивая время отъ времени, то городового, то стражника, и съ отчаянной смѣлостью отстрѣливаясь отъ погони, они на волѣ привыкли называть и считать себя «революціонерами», чаще всего — анархистами. Но ни съ революціей, ни съ анархизмомъ у нихъ не было ничего общаго. Тяжелую картину нравственнаго паденія представляли собою эти люди. Но къ смерти они по большей части относились такъ же хладнокровно, какъ наиболѣе стойкіе политики. Трепетали передъ ожидаемой казнью мелкіе вымогатели и грабители, усвоившіе нѣкоторые внѣшніе пріемы «мародеровъ революціи», но пользовавшіеся на волѣ революціоннымъ флагомъ съ сознательно корыстной цѣлью. Съ политиками эти мелкіе «эксъ-исты» вели войну еще на волѣ и, естественно, продолжали ее въ тюрьмѣ. Въ тюрьму попадали они, по большей части, довольно многочисленными группами, сразу по десяти-пятнадцати человѣкъ, такъ какъ при арестѣ каждый изъ нихъ спѣшилъ выдать товарищей. И въ тюрьмѣ они держались вмѣстѣ, тѣсно группируясь вокругъ своего предводителя (чаще всего — какого-нибудь мелкаго подрядчика, торговца или трактирщика). На допросахъ, стараясь выпутаться, они выдавали другъ друга; послѣ суда писали прошенія о помилованіи, доходили даже до предложенія своихъ услугъ для вѣшанія другихъ осужденныхъ . . . Крестьянъ-аграрниковъ въ тюрьмѣ было немного, еще меньше чѣмъ «идейныхъ» экспропріаторовъ. Тѣ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣтить, представляли трагическую картину смѣси недоумѣнія и отчаянія: они какъ будто не понимали, въ чемъ ихъ обвиняютъ, а мысль о грозящей имъ казни была для нихъ такъ ужасна, что они не могли обнять ее своимъ смятеннымъ разумомъ.

Я отмѣтилъ главнѣйшія группы смертниковъ, но не упомянулъ еще о двухъ *основныхъ* группахъ, на которыя дѣлятся они всѣ — политики, уголовные и политико-уголовные, террористы, эксъ-исты и вымогатели. Эти двѣ группы: ***виновные,*** т.-е. люди, дѣйствительно совершившіе то дѣло, за которое имъ предстоитъ отвѣчать передъ судомъ и затѣмъ идти на висѣлицу, и ***невинные,*** т.-е. люди, ни душой, ни тѣломъ не причастные къ тому дѣлу, за которое ихъ будутъ судить и несомнѣнно осудятъ, ибо противъ нихъ имѣются «улики».

Въ спорахъ о смертной казни всегда упоминаютъ о возможныхъ судебныхъ ошибкахъ. Сторонники висѣлицы указываютъ, что эти ошибки происходятъ крайне

рѣдко. Люди, агитирующіе противъ смертной казни, подчеркиваютъ, какъ ужасна самая возможность ошибокъ. Я приведу лишь нѣкоторыя наблюденія по вопросу о процентѣ «невинныхъ».

Въ каждой большой тюрьмѣ заключенные довольно хорошо знаютъ, какое у кого дѣло. Въ частности мнѣ пришлось близко ознакомиться съ дѣлами многихъ заключенныхъ, такъ какъ ко мнѣ обращались то за юридическимъ совѣтомъ, то съ просьбой составить прошеніе. И я убѣдился, что среди «политико-уголовныхъ» процентъ невинно обвиняемыхъ, невинно осуждаемыхъ и невинно казнимыхъ достигаетъ чудовищной высоты. Конвойные, сопровождающіе обвиняемыхъ въ судъ, нѣсколько разъ говорили мнѣ, что среди осужденныхъ на смерть лишь половину составляютъ виновные, а другую половину — невинные. Конечно, здѣсь есть преувеличеніе. Я думаю, что число невинныхъ среди приговариваемыхъ къ казни и казнимыхъ *рѣдко поднимается выше трети, а по большей части составляетъ не болѣе* $^1/_4$ *или* $^1/_5$. Цифра все же чудовищная! Вѣдь въ судебныхъ дѣлахъ по 279-ой статьѣ судъ почти никогда не принимаетъ свидѣтельскихъ показаній, клонящихся къ установленію alibi обвиняемаго. Вѣдь въ этихъ дѣлахъ главнымъ матеріаломъ обвиненія являются всегда агентурныя или провокаторскія свѣдѣнія, взаимный оговоръ обвиняемыхъ, ихъ сознаніе на допросѣ и опознаніе ихъ со стороны пострадавшихъ. За полтора года мнѣ пришлось наглядѣться на смертныя дѣла, основанныя на этихъ «несомнѣнныхъ» данныхъ обвиненія. Я не знаю почти не одной экспропріаторской шайки, въ которой не было бы провокатора. Если ему дорога жизнь, онъ не можетъ ограничиться передачей въ руки властей лишь опредѣленной группы людей, участвовавшихъ въ совершеніи преступленія: онъ долженъ оговорить гораздо большее число людей, долженъ оговорить

всѣхъ, кто соприкасался съ нимъ и съ жертвами его предательства, всѣхъ, въ комъ онъ можетъ подозрѣвать будущихъ мстителей. Не изъ-за простой денежной корысти такъ поступаетъ провокаторъ: иначе, по самому существу дѣла, онъ и не можетъ дѣйствовать, если не хочетъ на другой же день послѣ предательства получить пулю въ лобъ. Эта причина вовлеченія въ дѣло невинныхъ существуетъ во многихъ дѣлахъ, въ основаніи которыхъ лежитъ провокація. А на сколько мнѣ пришлось наблюдать, провокація лежитъ въ основаніи $^9/_{10}$ эксъ-истскихъ дѣлъ.

Взаимный оговоръ обвиняемыхъ приходится наблюдать въ подавляющемъ большинствѣ дѣлъ о мелкихъ шайкахъ эксъ-истовъ — «лавочниковъ» и «вымогателей». Эти мелкіе грабители, подъ вліяніемъ страха смерти, на первомъ же допросѣ начинаютъ «сыпать» всѣхъ, кого только могутъ. Приставъ, жандармскій офицеръ или, на лучшій конецъ, слѣдователь излагаютъ имъ свои подозрѣнія, свои догадки и предположенія — и они сейчасъ же спѣшатъ подтвердить ихъ, а затѣмъ, запутавшись въ собственныхъ показаніяхъ, поддавшись на увѣренія, что запираться безполезно, признаются и въ томъ, что дѣлали, и въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ никогда даже не слыхали. Во «взаимныхъ оговорахъ» и «чистосердечныхъ признаніяхъ» этихъ смертниковъ правда тонетъ въ ворохахъ лжи. И въ дѣлахъ, построенныхъ на подобныхъ данныхъ, нерѣдко половина обвиняемыхъ и половина осужденныхъ томится въ тюрьмѣ и идетъ на висѣлицу безъ всякой вины. На сколько мнѣ удалось замѣтить, это — не случайность, а неизбѣжный результатъ того, что обвиняемые и допрашиваемые находятся подъ страхомъ смертной казни. Судъ основывается на показаніяхъ, вырванныхъ у нихъ этимъ страхомъ.

«Опознаніе виновныхъ потерпѣвшими», играющее

столь видную роль въ военныхъ судахъ, тоже является источникомъ судебныхъ ошибокъ. Даже несомнѣннаго участника нападенія потерпѣвшій почти никогда не можетъ опознать съ полной увѣренностью. Военные суды привыкаютъ къ тому, что, при несомнѣнной виновности обвиняемаго, потерпѣвшій, вмѣсто категорическаго: «онъ!» — говоритъ болѣе уклончиво и осторожно: «кажется, онъ... Тамъ былъ одинъ похожій... Навѣрное не знаю». Свидѣтель, зная, что своимъ показаніемъ онъ отправляетъ человѣка на висѣлицу, рѣдко рѣшается показывать съ большей увѣренностью, какъ бы хорошо ни помнилъ онъ лицо обвиняемаго. А затѣмъ идетъ безконечный рядъ дѣлъ, въ которыхъ обвиняемый только похожъ на участника того или другого нападенія, похожъ или ростомъ или фигурой, или цвѣтомъ волосъ, или прической, усами, бородой, или типомъ лица. И свидѣтель опять мнется: «Навѣрное не знаю... Хорошенько я не разсмотрѣлъ, да и времени много прошло... А кажется былъ одинъ похожій... Только ростомъ повыше... А усы и борода вотъ такіе»... И суду этого достаточно: обвинительный приговоръ и смертная казнь. Такихъ случаевъ мнѣ пришлось наблюдать довольно много. И защитники, выступавшіе передъ военными судами, тоже знаютъ много такихъ примѣровъ. Подобныя «опознанія» невинныхъ фабрикуются охранниками съ величайшей легкостью.

Въ производствѣ имѣется множество дѣлъ о нападеніяхъ, участники которыхъ не обнаружены. По каждому дѣлу имѣется рядъ свидѣтелей, показанія которыхъ не дали пока въ руки правосудія необходимой нити для отысканія преступниковъ. И вотъ, арестовано лицо, замѣченное въ посѣщеніи опредѣленныхъ квартиръ, подозрѣваемое въ сношеніяхъ съ экспропріаторами. Опредѣленныхъ обвиненій противъ него нѣтъ. Естественно провѣрить, не принадлежитъ ли онъ къ числу разыскиваемыхъ, необнаруженныхъ злодѣевъ. Его карточку предъявляютъ свидѣтелямъ нераскрытыхъ преступленій, дѣла о которыхъ находятся въ производствѣ. Въ концѣ концовъ, въ числѣ этихъ свидѣтелей легко можетъ найтись одинъ, который покажетъ: «Не знаю... много времени прошло... А, кажется, былъ похожій... Вотъ только безъ усовъ и безъ бороды, а въ остальномъ похожій»... Свидѣтели, не опознавшіе карточки преступника, въ судъ не будутъ вызваны — а свидѣтель, «опознавшій» преступника, вызывается и повторяетъ свое показаніе: «Много времени прошло, такъ-что не помню!.. Навѣрное сказать не могу... Кажется, былъ одинъ похожій слегка... А впрочемъ, можетъ-быть и не онъ... Не знаю»... Подобнаго показанія для суда достаточно, такъ какъ и въ совершенно несомнѣнныхъ дѣлахъ потерпѣвшій и свидѣтели показываютъ немногимъ болѣе увѣренно и твердо.

И обвиняемые знаютъ, что значитъ «опознаніе»! Рано или поздно, среди десятковъ и сотенъ свидѣтелей найдется такой, который скажетъ: «кажется, похожъ»... Такимъ образомъ въ тюрьмѣ создается особая группа смертниковъ, не знающихъ точно, за какое преступленіе ихъ повѣсятъ, но убѣжденныхъ, что въ концѣ концовъ имъ не миновать висѣлицы. «Знаю, что за шею повѣсятъ, а больше ничего не знаю» — такъ говорятъ эти смертники, опредѣляя свое положеніе. Въ тюрьмѣ мнѣ пришлось видѣть людей, которыхъ безуспѣшно опознавали по пяти различнымъ дѣламъ, а потомъ вѣшали по шестому.

Что же удивительнаго, что среди смертниковъ бываетъ не менѣе 20—25 процентовъ невинныхъ? Вѣдь я не упомянулъ еще о жертвахъ сознательныхъ, злостныхъ оговоровъ (какъ тѣ четверо крестьянъ, повѣшен-

ныхъ за поджогъ), не упомянулъ и о жертвахъ провокаціи со стороны агентовъ охраны. Въ результатѣ, однако, у меня сложилось такое впечатлѣніе: прямыя злоупотребленія создаютъ лишь меньшую часть судебныхъ ошибокъ, а большая ихъ часть зависитъ просто отъ того факта, что въ дѣлахъ, которыя должны оканчиваться смертнымъ приговоромъ, все слѣдственное производство оказывается извращеннымъ и не ведетъ къ раскрытію истины.

Тюрьма знала, кто изъ смертниковъ сидитъ невинно. Какъ же эти невинные смертники сами относились къ своему положенію? Мнѣ не удалось замѣтить, чтобы ихъ отношеніе къ ожидающей ихъ казни существенно отличалось отъ того, какъ относились къ своей участи другіе смертники. Одни сохраняли полное равнодушіе и безъ всякаго страха ждали смерти; другіе метались въ отчаяніи, жили въ безумномъ ужасѣ и не знали, что предпринять, чтобы вырваться изъ петли.

IV.

Я встрѣчалъ людей, которые сидѣли по два — по два съ половиною года и больше въ ожиданіи суда по «смертной» статьѣ. Казалось бы, люди, которыхъ ждетъ висѣлица, должны были бы всячески стараться какъ-нибудь отдалить свой конецъ. Такое изображеніе состоянія осужденнаго мнѣ не разъ приходилось встрѣчать и въ литературѣ. Но, какъ я убѣдился въ дѣйствительности, большинство смертниковъ ждетъ суда съ нетерпѣніемъ. Арестантъ, которому предстоитъ черезъ нѣсколько недѣль выйти на свободу, не считаетъ дней съ такимъ волненіемъ, какъ смертникъ, ожидающій суда. И это не надежда «выкрутиться» на судѣ, а именно желаніе, чтобы все кончилось скорѣе. Это страстное желаніе можно было наблюдать и у наиболѣе стойкихъ, наиболѣе спокойныхъ изъ смертниковъ, и у тѣхъ, которые всего сильнѣе цѣпляются за жизнь, всего мучительнѣе, всего острѣе переживаютъ страхъ передъ казнью. И тѣ, и другіе одинаково думаютъ о томъ, чтобы скорѣе кончилось ихъ неопредѣленное положеніе.

Впрочемъ, иногда у смертниковъ, ожидающихъ суда, мнѣ приходилось наблюдать и обратное стремленіе — стремленіе какъ-нибудь отсрочить судъ. Это стремленіе я замѣчалъ, однако, не у кающихся преступниковъ, цѣпляющихся всѣми силами за ускользающую отъ нихъ жизнь и потерявшихъ голову отъ ужаса и отчаянія — а, наоборотъ, у людей стойкихъ, энергичныхъ, предпріимчивыхъ, любящихъ жизнь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не боящихся смерти, готовыхъ съ улыбкой идти на висѣлицу. У этихъ людей всегда тлѣетъ въ душѣ хоть искра надежды. Пока они живы, они борются за жизнь и надѣются... На что надѣются они? Да мало ли что можетъ случиться! Можетъ быть удастся бѣжать изъ тюрьмы; можетъ быть Дума отмѣнитъ смертную казнь; можетъ быть дѣло изъ военнаго суда перейдетъ въ палату... Мало ли что можетъ случиться!.. И какъ ни наивны эти надежды, ихъ достаточно, чтобы человѣкъ съ петлей на шеѣ жилъ спокойно изо дня въ день, не чувствуя себя обреченной жертвой. Эти надежды то угасаютъ, то вспыхиваютъ съ новой силой, когда вдругъ разнесется по тюрьмѣ слухъ, что отмѣняются военные суды или уничтожается смертная казнь.

Какъ должно отозваться въ человѣкѣ продолжительное ожиданіе смертной казни? На большинство людей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, столь ненормальное положеніе оказывало глубокое дѣйствіе. Развивалась страшная нервность. Всѣ мысли направлялись въ одну сторону — въ сторону мечты о мести, мечты, порабощавшей себѣ все мышленіе, подобно бредовой

идеѣ помѣшаннаго. Правда, я видѣлъ людей, которые встрѣчали смертный приговоръ съ другимъ, болѣе яснымъ настроеніемъ. Но мысли большинства были заполнены кошмарно-кровавыми мечтами о мести. И на этомъ фонѣ тѣмъ ярче вырисовывалась духовная сила тѣхъ людей, надъ чувствами и мыслями которыхъ безсиленъ былъ страхъ смерти, безвластенъ былъ ужасъ казни.

«Хотѣлось бы пожить еще хоть нѣсколько лѣтъ» — говорилъ мнѣ одинъ молодой рабочій, ожидавшій казни за нападеніе на типографію: «теперь я могъ бы поработать по-настоящему. Вѣдь на волѣ я только послѣдніе два года жилъ настоящей жизнью, а работать всего годъ пришлось, да и то неполный... Да, по правдѣ, хотѣлось бы еще хоть разъ повидать всѣхъ своихъ — семью, друзей, товарищей. Но я знаю, что повѣсятъ. Надеждами себя тѣшить, воздушные замки строить я не хочу... Значитъ, кончилось... А если бы выйти теперь на волю, я знаю, что нужно дѣлать»... И онъ начиналъ рисовать планъ широкой культурной работы среди рабочихъ, безъ бомбистики, безъ браунинговщины, безъ заговорщичества. Мечтать объ этомъ передъ казнью могъ только человѣкъ съ очень чистой и очень сильной душой.

Другой рабочій, арестованный еще въ 1905 г. за вооруженное возстаніе, въ которомъ онъ игралъ видную роль, такъ выражалъ свое отношеніе къ предстоящей казни: «Я и тогда шелъ навстрѣчу смерти, велъ съ собою другихъ людей и зналъ, на что иду, на что зову товарищей. Я ужъ давно, когда только вступилъ въ партію, взвѣсилъ все и все рѣшилъ. Тогда я рѣшилъ отдать жизнь за рабочее дѣло, за соціализмъ... И вотъ теперь отдаю жизнь. Если бы я другого ждалъ, такъ теперь, пожалуй, пришлось бы задуматься... Но когда къ этому я самъ шелъ, самъ выбралъ свой путь? О чемъ

теперь думать»?... И онъ, дѣйствительно, не поддавался ни страху, ни кошмарнымъ мечтамъ о мести, оставаясь до конца вѣрнымъ самому себѣ и своимъ идеаламъ.

А вотъ что пришлось мнѣ слышать отъ одного молодого человѣка, принадлежавшаго къ с.-р. партіи, но арестованнаго по чужому дѣлу и ожидавшаго казни по ложному обвиненію. «Мнѣ теперь все равно, — говорилъ онъ — если и на волю выйду. Изъ близкихъ никого не осталось въ живыхъ; друзья всѣ погибли. Кругомъ ужасъ что творится: развратъ, провокація, предательство»... И онъ шелъ въ судъ, не вѣря въ возможность оправданія, не надѣясь на оправданіе и почти не мечтая о свободѣ.

Такъ, или приблизительно такъ, смотрѣли на ожидавшую ихъ казнь лучшіе изъ смертниковъ-политиковъ. Кто примирялся съ нею, какъ съ неизбѣжностью, кто видѣлъ въ ней естественное завершеніе своей жизни, кто смотрѣлъ на нее какъ на избавленіе отъ тяжелой, кошмарной русской дѣйствительности...

Въ тюрьмѣ много говорили о висѣлицѣ, о палачѣ, о томъ, кого когда повѣсятъ. Это былъ неисчерпаемый источникъ для всевозможныхъ остротъ и шутокъ. Видно, французская пословица: «въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ» — сложилась не для русской тюрьмы. И сперва мнѣ казалось страннымъ, какъ могутъ люди, обреченные висѣлицѣ, такъ весело, такъ легкомысленно говорить о казни. Позже я понялъ, что не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ тюрьма переполнена смертниками, гдѣ сотни людей думаютъ объ одномъ, ждутъ *одного*...

«Послѣ суда» — разсказывалъ мнѣ одинъ изъ двѣнадцати приговоренныхъ къ смерти за участіе въ возстаніи 1905-го года — «насъ сейчасъ же заковали и отдѣлили. Правда, не въ секретку заперли, а въ большую отвели камеру. Написали мы кассаціонную жалобу, но больше

такъ себѣ, на авось: защитники заранѣе говорили, что толку не будетъ. Недѣли черезъ три отвѣтъ пришелъ, что командующій жалобѣ хода не далъ. На свиданіи намъ это передали. Ну, мы попрощались другъ съ другомъ и вечеромъ даже спать не легли: думали, той же ночью и на казнь насъ возьмутъ. Другой день съ утра тоже все ждали... Вообще первое время все ждали, ничѣмъ не занимались, даже не говорили между собой... Странно такъ: откроешь книгу — и не знаешь, придется ли страничку кончить; сядешь въ шашки играть — и не знаешь, придется ли партію окончить... Все ждемъ, А жили дружно: все свои, товарищи. Потомъ къ намъ въ камеру еще двоихъ посадили, осужденныхъ за нападеніе какое-то. Такъ прошло еще нѣсколько недѣль; подъ конецъ мы привыкли. Книжки у насъ были коекакія. Ну, стали заниматься, кто ариѳметикой, кто грамматикой, кто французскимъ языкомъ. Только по утрамъ занимались, а послѣ обѣда, какъ начнетъ темнѣть, такъ ужъ не могли заниматься. Все ждемъ и на дверь поглядываемъ. И утро быстро проходитъ, а вечеръ тянется, тянется и конца ему нѣтъ. Такъ мы сидѣли еще мѣсяцевъ шесть. Потомъ тѣхъ двухъ взяли... Мы за нихъ домой прощальныя письма писали. А насъ все не берутъ. Мы ужъ и ждать устали. Думаемъ, можетъ быть замѣнили намъ висѣлицу. Справились у администраціи. Начальникъ говоритъ: ничего еще неизвѣстно. Такъ еще шесть мѣсяцевъ прошло. Только черезъ четырнадцать мѣсяцевъ послѣ суда объявили намъ, что вѣшать никого не будутъ, что всѣмъ висѣлица замѣнена каторгой — кому на двадцать лѣтъ, кому безъ срока. Значитъ, четырнадцать мѣсяцевъ насъ продержали такъ, зря... Вѣдь они-то сразу рѣшили, замѣнять или нѣтъ. Зачѣмъ же издѣвались надъ людьми»?...

Другому смертнику предстояла висѣлица по «линку»,

т.-е. по чужому дѣлу. Три раза жандармы предъявляли его для опознанія старухѣ-крестьянкѣ, бывшей единственною свидѣтельницей какой-то экспропріаціи. Въ первый разъ старуха замахала руками: «Не онъ, не онъ. И не похожъ совсѣмъ!» Но жандармскій офицеръ строго сказалъ ей: «Смотрите хорошенько! Намъ отлично извѣстно, что это онъ самый; можетъ быть, онъ измѣнился. Теперь безъ усовъ, а тогда былъ съ усами. Платье тоже мѣняетъ. Смотрите хорошенько». Не добившись отъ свидѣтельницы толку, офицеръ отпустилъ ее. Но черезъ недѣлю новое опознаніе. На этотъ разъ старуха сказала: «Не видала я такого. Можетъ и былъ онъ, да я не припомню: давно ужъ было»... Еще черезъ мѣсяцъ снова призвали старуху, и офицеръ въ присутствіи обвиняемаго сталъ кричать: «Смотрите лучше! Что вы разбойника покрываете? Мы-то отлично знаемъ, что это онъ былъ! Не могли вы не видѣть; только сказать не хотите». Старуха перепугалась: «Я и то припоминаю, что былъ одинъ похожій... да измѣнился онъ сильно». И обвиняемый понялъ, что участь его рѣшена. Онъ не пытался ни оправдываться, ни защищаться, зная, что все будетъ напрасно. И, дѣйствительно, онъ былъ повѣшенъ. Задолго до полученія обвинительнаго акта, онъ зналъ уже, что ждетъ его, но былъ вполнѣ спокоенъ. Полученіе обвинительнаго акта, однако, взволновало его: въ обвинительномъ актѣ оказались подробности приписываемаго ему преступленія, подробности грязныя, постыдныя, и самое дѣло оказалось обыкновеннымъ грабежомъ, съ рядомъ звѣрскихъ убійствъ. И смертникъ, принадлежавшій на волѣ къ с.-д. партіи, мучился мыслью, какъ бы товарищи не повѣрили обвиненію, какъ бы не усумнились въ его честности. До суда и послѣ суда эта мысль волновала его сильнѣе, чѣмъ предстоящая смерть. И въ самый день казни онъ напи-

салъ на стѣнѣ своей секретки: «Товарищи! Передайте тѣмъ, кто на волѣ зналъ меня за с.-д., что я до смерти остался вѣрнымъ своей партіи, что я умираю какъ с.-д., что я не виновенъ въ томъ подломъ дѣлѣ, за которое меня повѣсили».

Сколько такихъ же краткихъ и такихъ же искреннихъ завѣщаній сохранилось на стѣнѣ тюремной секретки! А сколько человѣкъ сошло въ могилу, не успѣвъ нацарапать на стѣнѣ даже такого завѣщанія, такъ какъ у нихъ не было подъ руками ни обломка карандаша, ни гвоздя!

V.

Въ тюрьмѣ было четыре секретки. Всѣ четыре помѣщались ниже уровня земли. Узкія, сырыя, вѣчно полутемныя, онѣ невольно заставляли думать о могилѣ. Каждая секретка освѣщалась узкимъ окномъ, задѣланнымъ толстой рѣшеткой и поднимавшимся на аршинъ надъ землею. Особымъ коридорчикомъ двери секретокъ изолировались отъ остальныхъ помѣщеній тюрьмы, но окна секретокъ выходили въ тюремный дворъ и черезъ эти окна заключенные, сидѣвшіе въ противоположномъ корпусѣ тюрьмы, могли видѣть смертниковъ и сообщаться съ ними.

Во время сессій военно-окружного суда относительно смертниковъ соблюдался въ тюрьмѣ такой порядокъ. Утромъ въ день суда заключенные, обвиняемые по «смертной» статьѣ, выходили на коридоръ со всѣми своими вещами и съ казеннымъ матрасомъ. Дѣлалось это для того, чтобы приговоренный къ смерти не заходилъ послѣ суда въ свою камеру, гдѣ у него могло быть припрятано что-нибудь въ родѣ ножа, яда и т. п. Оправданный или приговоренный къ каторгѣ по возвращеніи изъ суда получалъ обратно матрасъ и вещи и помѣщался въ прежнюю камеру. Матрасы, оставшіеся на коридорѣ, показывали число приговоренныхъ въ этотъ день къ смертной казни. Осужденные на смерть не возвращались въ камеры: ихъ подъ воротами переодѣвали въ другое казенное бѣлье и платье, заковывали по рукамъ и по ногамъ и отводили въ одну изъ секретокъ. Въ теченіе сессіи военнаго суда съ каждымъ днемъ расло число заключеныхъ въ секреткахъ. Къ концу сессіи это число поднималось до пятидесяти и выше. Затѣмъ, послѣ закрытія сессіи, секретки начинали мало-по-малу освобождаться: нѣкоторымъ заключеннымъ объявляли замѣну казни каторжными работами, другихъ то по-одиночкѣ, по-двое, по-трое, то большими группами переводили въ N-ную часть и тамъ вѣшали.

Трудно, не видѣвъ, представить себѣ, что представляла собой жизнь смертниковъ въ этихъ секреткахъ. Если и въ другихъ камерахъ тюрьмы жизнь была не сладкая, то здѣсь былъ подлинный адъ.

Въ тѣсной, сырой камерѣ, безъ коекъ, безъ наръ, безъ всякаго подобія мебели, сидѣло по десяти-двѣнадцати человѣкъ. Скованные по рукамъ и по ногамъ, они не могли ни лечь, ни сѣсть на землю безъ того, чтобы желѣзо не впивалось имъ въ тѣло. Нельзя было ни расправить онѣмѣвшіе члены, ни перемѣнить бѣлье, ни согрѣться усиленнымъ движеніемъ. Секретки почти не отапливались; воздухъ былъ въ нихъ затхлый, сырой. Зимой вода струйками стекала со стѣнъ, стояла лужами на полу, а паръ отъ дыханія клубами держался въ воздухѣ. Разбитыя стекла въ окнахъ не вставлялись. Арестанты валялись на земляномъ полу безъ матрасовъ, не имѣя чѣмъ прикрыться. Нѣкоторые, чтобы согрѣться, ходили изъ угла въ уголъ. И днемъ, и ночью неслись изъ секретокъ рѣзкіе звуки бряцанія ручныхъ и ножныхъ цѣпей. Чтобы понять эту пытку, нужно знать,

что такое ручныя и ножныя цѣпи, въ которыя заковывались смертники. Ножныя цѣпи, налагаемыя по закону на всѣхъ каторжанъ, сами по себѣ не очень сильно стѣсняютъ движеніе. Онѣ мѣшаютъ только быстрой ходьбѣ, сильно утомляютъ ноги, вызываютъ въ ногахъ ревматическія боли. Мучительными становятся онѣ лишь зимою, при морозахъ и при отсутствіи теплой одежды и подкандальниковъ. Ручныя цѣпи, по закону, налагаются лишь на короткое время: при перевозкѣ арестантовъ, на буйствующихъ арестантовъ въ видѣ наказанія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на каторжанъ высшихъ разрядовъ. Эти цѣпи почти не обременяютъ рукъ (такъ какъ вѣсъ ихъ — отъ $1^1/_2$ до 2 фунтовъ — для рукъ мало ощутителенъ); ихъ кольца, довольно широкія и обшитыя кожей, не рѣжутъ тѣло. Въ этомъ отношеніи ручныя цѣпи представляютъ для арестанта менѣе тяжелую обузу, чѣмъ ножныя кандалы. Но ручныя цѣпи настолько коротки, что совершенно парализуютъ движенія арестанта. Совершенно невыносимо единовременное наложеніе ручныхъ и ножныхъ кандаловъ, особенно при той обстановкѣ, въ которой сидѣли смертники. Если смертники подходили къ окнамъ, шумѣли, если вообще они навлекали на себя чѣмъ-нибудь гнѣвъ администраціи, имъ заворачивали руки за спину и сзади за спиной сковывали ихъ. Въ такомъ положеніи не только нельзя было лечь на землю, не испытывая боли, но нельзя было ни ѣсть, ни пить иначе, какъ опустивъ голову въ кадушку съ водой или въ бакъ съ казеннымъ обѣдомъ. Въ такомъ положеніи смертниковъ оставляли иногда по нѣсколько дней. Въ это время натянутыя сзади оковы почти не брякали. Изъ секретокъ слышался лишь звонъ тяжелыхъ ножныхъ кандаловъ.

Смертники были лишены книгъ и письменныхъ принадлежностей. Большую часть времени они были лишены

также чая и сахара. Но, пожалуй, всего мучительнѣе было для нихъ лишеніе табаку. При страшномъ напряженіи нервовъ, при удручающей внѣшней обстановкѣ, въ ожиданіи дня и часа казни, человѣкъ до болѣзненности остро ощущаетъ потребность хоть чѣмъ-нибудь, хоть папироской одурманить себя... Въ литературѣ, при описаніи смертныхъ казней, часто рисуютъ осужденнаго, послѣднее желаніе котораго передъ казнью заключается въ томъ, чтобы ему дали выкурить папироску, сигару или трубку. Я допускаю, что въ этомъ нѣтъ натяжки: по крайней мѣрѣ смертники въ секреткахъ ни на что не жаловались такъ, какъ на отсутствіе табаку... Другіе заключенные старались помочь смертникамъ, старались облегчить ихъ положеніе, употребляли всевозможныя ухищренія, чтобы передать имъ хоть немного махорки и нѣсколько спичекъ. Иногда удавалось забросить пакетикъ съ табакомъ въ окно. Иногда пакетикъ отскакивалъ отъ прутьевъ рѣшетки, падалъ на землю подлѣ самаго окна — и смертники со скованными руками по полчаса, по часу бились, чтобы втащить въ камеру этотъ крошечный пакетикъ съ $^1/_2$ восьмушки махорки. Иногда подъ окнами секретокъ оказывался часовой съ жалостливымъ сердцемъ, и заключеннымъ удавалось склонить его передать смертникамъ немного табаку. Порой изъ секретокъ слышались взрывы смѣха, звуки пѣсни. Да! и въ этихъ ужасныхъ условіяхъ бодрость и веселость не всегда покидали людей. Тягостны были эти звуки неестественнаго веселья, вылетавшіе изъ секретокъ.

У смертниковъ часто выходили столкновенія съ часовыми изъ-за окна. Запертые въ душной и темной ямѣ, смертники невольно тянулись къ окну. Слишкомъ тяжело было дышать въ глубинѣ секретки. Слишкомъ темно было тамъ, слишкомъ мрачно. А въ окно виденъ былъ клочокъ неба, видны были окна противоположнаго корпуса тюрьмы, видны были сочувствующія лица другихъ заключенныхъ.

Въ окно иногда можно было перебросить парой словъ съ товарищемъ или знакомымъ, можно было уловить его участливый взглядъ, послать ему прощальную улыбку. Часовые не подпускали смертниковъ къ окну, штыкомъ отгоняли ихъ отъ рѣшетки, поминутно съ угрозами закрывали окна секретокъ. Часто смертники безропотно подчинялись требованію часового: отходили послѣ его окрика отъ рѣшетки, не пытались открыть закрытаго имъ окна. Но иногда приходилось наблюдать такія сцены.

За рѣшеткой секретки блѣдныя лица смертниковъ. Часовой остановился прямо противъ окна, но смертники какъ будто не замѣчаютъ его.

— Отойди отъ окна!..

Смертники стоятъ за рѣшеткой не двигаясь.

— Тебѣ говорятъ, отойди!

Изъ секретки раздается нетвердый просительный голосъ:

— Господинъ часовой! Дышать вѣдь нечѣмъ! Смотрите, сколько народу набито... Больные есть.

— Не разговаривай! Отходи, когда сказано!

Смертники что-то возражаютъ, но часовой съ шумомъ захлопываетъ окно и отходитъ съ видомъ побѣдителя, въ сознаніи своей силы. Но черезъ минуту окно снова открывается. Часовой опять бросается къ секреткѣ.

— Кто окно открылъ?.. Собаки!

— Господинъ часовой, дышать вѣдь нечѣмъ...

— Не разговаривать! Арестантская морда! Какъ собаку застрѣлю!.. Закрой окно!..

— Ну, стрѣляй, бей! Не боимся тебя.

Часовой цѣлится, наводя ружье то на одного изъ заключенныхъ, то на другого.

Арестанты, громко перебивая другъ друга, бранятъ часового, стараясь раздразнить его, стараясь заставить его выстрѣлить, чтобы пуля его ружья хоть одного изъ нихъ

избавила отъ этихъ мукъ. Но часовой сбитъ съ толку и не знаетъ, что дѣлать. Онъ продолжаетъ грозиться, продолжаетъ кричать, но не рѣшается стрѣлять и отходитъ отъ секретки. А смертники остаются за рѣшеткой у открытаго окна, съ блѣдными, унылыми лицами. Смерть, легкая, хорошая смерть отъ ружейной пули только что улыбнулась имъ, но они напрасно понадѣялись на нее.

Убить смертника для тюремной администраціи не представляло никакого смысла. И смертниковъ не убивали. Но били смертниковъ безпощадно. Били ихъ по жалобѣ часовыхъ и надзирателей за всевозможныя мелкія нарушенія дисциплины, били и безо всякаго повода. Въ секретку входило сразу отъ 10 до 12 вооруженныхъ надзирателей, и пока двое-трое изъ нихъ били, остальные держали толпу смертниковъ подъ дулами наведенныхъ револьверовъ. Слышны были звуки ударовъ, стоны избиваемыхъ, крики, бряцаніе цѣпей.

Въ окна видно было, какъ брали смертниковъ на казнь. Брали ихъ изъ секретокъ при вечерней повѣркѣ.

Вотъ въ секретку вошло сразу человѣкъ пятнадцать надзирателей. Револьверы у большинства въ рукахъ, у нѣкоторыхъ въ рукахъ берданки. Смертники, выстроившіеся у стѣны въ ожиданіи повѣрки, знаютъ, что это значитъ. Знаютъ они и то, чья сегодня очередь. Двое изъ надзирателей подходятъ къ намѣченному смертнику и берутъ его за плечи. Выведя его на середину секретки, его пригибаютъ къ землѣ, такъ что цѣпь, которою скованы его руки, оказывается на землѣ.

— Подыми ногу!..

Осужденнаго берутъ за ногу и заставляютъ его переступить черезъ лежащую на землѣ цѣпь, сковывающую его руки. Затѣмъ его тянутъ за плечи вверхъ и заставляютъ наполовину выпрямиться. Скрещенныя ручныя и ножныя цѣпи натягиваются, и несчастный окончательно лишается

способности двигать руками и ногами. Два надзирателя подхватываютъ смертника сзади, третій, съ ружьемъ наготовѣ, становится прямо передъ нимъ.

— Пошелъ!..

И группа изъ четырехъ человѣкъ двигается въ путь. Два надзирателя несутъ смертника, третій замыкаетъ шествіе. И не звенятъ крѣпко натянутыя скрещенныя цѣпи. И замираютъ на устахъ послѣднія слова:

— Прощайте, товарищи!

VI.

То, что я написалъ о жизни переполненныхъ смертниками секретокъ, можетъ дать лишь самое слабое представленіе объ этой жизни. Нужно быть художникомъ, чтобы изобразить этотъ адъ, а я не могу быть художникомъ. Я хочу только, какъ невольный наблюдатель, возможно точно передать хоть часть того, что видѣли мои глаза, что̀ слышали мои уши за послѣдніе полтора года. Но слишкомъ бѣдно мое слово сравнительно съ ужасомъ пережитыхъ непосредственныхъ впечатлѣній.

Казни какъ-то вошли въ обиходъ жизни, казались чѣмъ-то естественнымъ и обычнымъ. Всѣ сознавали, что̀ происходитъ передъ ними, но не чувствовали ужаса того, что̀ происходитъ. Или нѣтъ! Всѣ чувствовали этотъ ужасъ, задыхались отъ этого ужаса, но совершенно не воспринимали, не оцѣнивали отдѣльныхъ явленій, изъ которыхъ онъ слагался.

Однажды изъ переполненной секретки послышался страшный, отчаянный вопль. Этотъ вопль несся по всей тюрьмѣ, заглушая всѣ звуки. Заключенные бросились къ окнамъ. Въ окнѣ одной изъ секретокъ виднѣлся голый человѣкъ. На немъ не было никакой одежды, ни рубахи, ни штановъ. Только на рукахъ и на ногахъ его были цѣпи. Руки и ноги его были далеко просунуты между

прутьевъ рѣшетки. Впившись въ рѣшетку, онъ кричалъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Ни словъ, ни мысли, ни выраженія не было въ этомъ крикѣ. Какъ будто это былъ не голосъ человѣка, а вой животнаго. Сзади виднѣлись встревоженныя лица товарищей несчастнаго. Они пытались оторвать его отъ рѣшетки, успокаивали его, хватали его за плечи.

Къ окну подбѣжалъ часовой съ ружьемъ наперевѣсъ, съ наставленнымъ штыкомъ. Увидѣвъ сумасшедшаго, онъ остановился передъ нимъ въ недоумѣніи. Сбѣжались надзиратели, пришелъ помощникъ начальника тюрьмы. Но смертникъ никого не видѣлъ передъ собой, ничего не слышалъ и продолжалъ кричать. Его безсвязный крикъ сталъ только болѣе осмысленнымъ, и среди звуковъ звѣринаго воя можно было разобрать отдѣльныя слова:

— Оставьте... Пустите... Бою-юю-юю-сь... Стра-а-а-а-шно... Аа-а!

Нѣсколько надзирателей вошли въ секретку и силой оторвали сумасшедшаго отъ рѣшетки. Но изъ глубины секретки попрежнему несся его крикъ. Наконецъ звуки смолкли: несчастнаго куда-то увезли.

Другіе случаи умопомѣшательства носили болѣе тихій характеръ; но основная бредовая идея, пунктъ помѣшательства во всѣхъ случаяхъ были одинаковы.

Всегда ли такъ дѣйствуетъ крикъ сумасшедшаго, или этотъ крикъ казался ужаснымъ именно здѣсь — я не знаю. Но только... Я считалъ всегда, что у меня нервы крѣпкіе... И все же, когда я слышалъ крикъ сумасшедшаго, мнѣ казалось, что вотъ-вотъ, сейчасъ и я начну кричать, какъ онъ.

Другой сумасшедшій все время видѣлъ передъ собой какое-то ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно забавное зрѣлище. Онъ громко смѣялся, билъ въ ладоши, кричалъ, какъ бы охваченный какимъ-то бѣшенымъ вос-

торгомъ. И по нѣкоторымъ словамъ, прорывавшимся въ его крикѣ, можно было опредѣлить, что забавное зрѣлище, рисовавшееся его воображенію, было зрѣлище ... висѣлицы и смертной казни.

Этого человѣка администрація сперва сочла за симулянта, и его очень долго не брали изъ секретки.

Сумасшествіе являлось такимъ естественнымъ выходомъ изъ положенія смертника, что много разъ приходила мнѣ въ голову мысль: почему столь малый процентъ смертниковъ сходитъ съ ума? Почему сумасшествіе среди осужденныхъ на казнь не принимаетъ болѣе массового характера? По моимъ наблюденіямъ изъ ста приговоренныхъ къ висѣлицѣ съ ума сходятъ лишь три-четыре человѣка, не больше. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что у большинства смертниковъ уже до суда почти исчезаетъ страхъ смерти.

Другой естественный выходъ изъ положенія смертника — самоубійство. Нѣкоторыя самоубійства смертниковъ попадаютъ въ газеты; но еще больше такихъ случаевъ остаются неизвѣстными обществу. Въ тюрьмѣ самоубійства у всѣхъ на виду, и администраціи никогда не удается скрыть ихъ отъ заключенныхъ. При мнѣ девять человѣкъ изъ числа смертниковъ покончили съ собой. А пытавшіеся покончить съ собой, изыскивавшіе средства къ самоубійству составляютъ очень значительную часть всего числа смертниковъ.

Людямъ, у которыхъ есть завтрашній день, людямъ, которые не приговорены къ смертной казни, трудно представить себѣ, какое мѣсто въ жизни смертниковъ занимаетъ вопросъ о самоубійствѣ. У приговореннаго къ казни имѣются только два пути, избавляющіе его отъ висѣлицы: первый путь — замѣна смертной казни каторгой, второй путь — самоубійство. И кто не надѣется на замѣну, надѣется на то, что ему удастся избѣгнуть висѣлицы по-

средствомъ самоубійства. Но тѣ, въ комъ всего сильнѣе говоритъ голосъ страха смерти, только *думаютъ* о самоубійствѣ, не предпринимая никакихъ шаговъ для осуществленія этой мысли: на первомъ планѣ для нихъ остается надежда на замѣну висѣлицы каторгой. Остальные всѣ заняты изысканіемъ средствъ, какъ покончить съ собой. Различные способы самоубійства, преимущество различныхъ видовъ смерти — одна изъ обычнѣйшихъ темъ разговора между смертниками. Какую жилу легче всего вскрыть себѣ при помощи осколка стекла, чѣмъ можно вѣрнѣе всего отравиться, какой ядъ легче всего достать — вотъ кругъ вопросовъ, въ которомъ естественно вращается мысль смертника.

Призракъ висѣлицы дѣлаетъ для смертника отвратительной мысль о томъ, чтобы покончить съ собой при помощи самоудушенія; мнѣ пришлось за полтора года наблюдать лишь одну такую попытку. Еще рѣже смертники, задумавъ самоубійство, обращаются къ ножу. Происходитъ это по всей вѣроятности потому, что никто не вѣритъ въ возможность покончить съ собой сразу при помощи самодѣльнаго жестяного ножичка или осколка стекла. А слегка ранить себя, мучиться, чтобы потомъ все же умереть отъ руки палача? Нѣтъ! Лучше спокойно ждать, когда возьмутъ тебя на казнь ... Отъ такихъ отчаянныхъ способовъ самоубійства, какъ самосожженіе, попытка разбить себѣ голову объ камни, попытка уморить себя голодомъ, большинство удерживалось потому, что всѣ эти виды смерти сопряжены съ жестокими физическими мученіями. Вообще, какъ мнѣ кажется, такія отчаянныя попытки самоубійства не могутъ быть продиктованы простымъ желаніемъ избавиться отъ петли: за ними должны стоять другія, болѣе могущественныя, болѣе настоятельныя побужденія.

Многіе пытаются покончить съ собой при помощи

имѣющихся подъ рукой средствъ — напримѣръ, выпивъ густой настой изъ восьмушки махорки на одинъ стаканъ воды, съѣвши цѣлый фунтъ или полфунта чаю. Но эти средства оказываются недостаточными. Настой махорки вызываетъ сильный жаръ, иногда соединенный съ бредомъ, рвоту, кровохарканье; но эти страданія не приносятъ съ собой избавительницы — смерти. Большое количество сухого или размоченнаго въ водѣ чая сильно дѣйствуетъ лишь на людей съ больнымъ сердцемъ. Но и у нихъ дѣло ограничивается сильнымъ сердечнымъ припадкомъ, обморокомъ, продолжительной слабостью — а смерть не приходитъ. Остается, значитъ, одна единственная надежда: на «настоящій» ядъ. И люди, которымъ предстоитъ смертная казнь, усердно ищутъ яда. Съ неменьшимъ усердіемъ ищутъ его и тѣ, которые имѣютъ близкихъ и друзей, ждущихъ смерти въ секреткахъ. Какъ проникаетъ ядъ въ тюрьму? Какъ попадаетъ онъ въ руки смертниковъ? Да тѣмъ же путемъ, какимъ проходитъ въ тюрьмы оружіе, динамитъ: благодаря продажности тюремной стражи... Мечтой каждаго смертника былъ ціанистый кали. Но это средство и на волѣ достать очень трудно: оно оказывалось въ рукахъ лишь у тѣхъ, кто заранѣе, еще до тюрьмы, приготовился къ смерти и ухитрился пронести ядъ съ собою въ тюрьму... Гораздо чаще употребляли морфій и стрихнинъ. Но при попыткахъ отравленія морфіемъ — а такихъ попытокъ при мнѣ было не менѣе двадцати — обнаруживалось странное явленіе: морфій не дѣйствовалъ на смертниковъ. Не знаю, отъ чего это зависѣло. Можетъ быть, имѣвшійся въ распоряженіи смертниковъ морфій былъ ненадлежащаго качества. Можетъ быть, смертники слишкомъ дробили имѣвшійся у нихъ драгоцѣнный ядъ и принимали недостаточныя дозы его. Можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, дозы, напротивъ, были слишкомъ велики. Можетъ быть, наконецъ, морфій, который, кажется, поражаетъ центральную нервную систему, не дѣйствуетъ на людей, нервы которыхъ находятся въ черезчуръ напряженномъ состояніи. И тяжело было пробужденіе смертниковъ, безуспѣшно пытавшихся покончить съ собой при помощи морфія.

Гораздо вѣрнѣе дѣйствовалъ стрихнинъ. Въ тюрьмѣ былъ праздникъ, когда по камерамъ разносилась вѣсть, что одному-двумъ смертникамъ удалось покончить съ собой: вѣдь это была побѣда надъ висѣлицей.

VII.

У смертниковъ бросалось въ глаза отсутствіе какихъ бы то ни было духовныхъ интересовъ, въ частности — поразительное отсутствіе интереса къ политикѣ. Говорили о казни, о самоубійствѣ, о различныхъ нападеніяхъ, экспропріаціяхъ, террористическихъ актахъ, и во всѣхъ разговорахъ была кровь, кровь и кровь. Другихъ, болѣе «мирныхъ» разговоровъ среди смертниковъ почти не было.

Въ большомъ ходу были въ тюрьмѣ самосуды надъ предателями и надъ лицами, заподозрѣнными въ предательствѣ. Предателей среди заключенныхъ дѣйствительно было немало, такъ какъ на допросахъ, изъ страха смерти, многіе выдавали товарищей. Часто, однако, нельзя было установить съ достаточной точностью, кто кого оговорилъ, кто кого выдалъ. И тогда дѣло рѣшалось сплеча, безъ провѣрки обвиненія, даже безъ попытки разобраться въ немъ, и рѣшалось по большей части убійствомъ.

Кровавый самосудъ и раньше практиковался въ тюрьмахъ уголовными. Но среди уголовно-политическихъ это было новое явленіе, развивавшееся параллельно тому, какъ росло число смертниковъ. И самосуды, которые происходили при мнѣ, поражали своей жестокостью, отсутствіемъ необходимой осторожности. Казалось, что люди, осужденные на смерть, считали совершенно естественнымъ

осудить на смерть другого; ихъ совсѣмъ, повидимому, не пугала мысль, что убиваемый ими человѣкъ можетъ оказаться невиновнымъ.

Я встрѣтился въ тюрьмѣ съ однимъ человѣкомъ, который судился и военно-окружнымъ, и военно-полевымъ судомъ, привлекался по нѣсколькимъ смертнымъ дѣламъ и болѣе двухъ лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ между жизнью и смертью. На волѣ это былъ довольно грубый экспропріаторъ, обыкновеннаго, вульгарнаго типа. Можетъ быть, онъ обиралъ лавочки, можетъ быть и стрѣлялъ въ полицейскихъ. Но звѣрскихъ убійствъ за нимъ не было. Это былъ именно обыкновенный преступникъ. Въ то время, когда я встрѣтился съ нимъ, онъ готовъ былъ убить любого мало-мальски несимпатичнаго ему человѣка, если только это возможно было сдѣлать, не боясь отвѣтственности, если только кто-нибудь третій соглашался «взять дѣло на себя». Казалось страннымъ, какъ могъ человѣкъ дойти до такого забвенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Такимъ сдѣлала его жизнь съ веревкой на шеѣ.

Большинство смертниковъ только и бредили, что убійствомъ и местью. Для революціонера, даже прибѣгающаго къ террору, всякое убійство, всякое кровопролитіе всегда отвратительно, и если онъ идетъ на подобный актъ, то только потому, что считаетъ его необходимымъ. Мысль о мести, какъ таковой, безъ представленія о цѣляхъ движенія — это не мечта революціонера, а бредъ больного человѣка. И этимъ бредомъ отравлены были мысли каждаго смертника. За весьма немногими исключеніями, даже въ тѣхъ смертникахъ, которые продолжали считаться революціонерами, революція рисовалась въ томъ безобразно, уродливо-извращенномъ, безумномъ видѣ, въ какомъ она когда-то была изображена въ извѣстномъ стихотвореніи:

...Убійству я придамъ манящую красивость...
...И духъ возлюбитъ кровь, возлюбитъ крови алость.

Меня поразилъ одинъ особый пріемъ, которымъ довольно часто пользовались смертники, чтобы расплатиться со «шпиками» и провокаторами, которыхъ они знали на волѣ. «Эксъ-исты» всегда знали многихъ агентовъ охраннаго отдѣленія, такъ какъ порой вмѣстѣ съ агентами ходили на «дѣла», и во всякомъ случаѣ частенько вмѣстѣ съ ними пьянствовали. И видя, что съ висѣлицы ужъ «не сорваться», люди начинали сговариваться между собой, какъ передъ смертью сдѣлать «хоть одно доброе дѣло». Такимъ добрымъ дѣломъ было «взять съ собой на висѣлицу» — то есть оговорить — какого-нибудь агента охраннаго отдѣленія или «шпика». Иногда брали шпиковъ, которые дѣйствительно участвовали въ совершеніи преступленія, иногда другихъ, которыхъ знали по случайной встрѣчѣ или по общей выпивкѣ. Въ тюрьмѣ среди смертниковъ это встрѣчало почти общее сочувствіе и казалось дѣйствительно хорошимъ дѣломъ.

Иногда арестанты и другъ друга «брали съ собой по дѣлу» изъ мести. При оцѣнкѣ такого поступка арестанты обыкновенно спорили между собой о томъ, кто подалъ поводъ къ ссорѣ и т. п. Вопроса о принципіальной недопустимости извѣстнаго рода извѣтовъ не существовало въ насыщенной кровью атмосферѣ, среди людей, надъ которыми должна была совершиться казнь черезъ повѣшенье...

Вообще масса смертниковъ производила впечатлѣніе глубокаго нравственнаго одичанія. Но ясно было одно: не это одичаніе толкнуло ихъ на путь преступленія, а напротивъ — самое одичаніе явилось результатомъ ихъ уродливаго положенія, какъ смертниковъ.

Поразительно легкимъ отношеніемъ къ человѣческой жизни, естественно развивающимся среди смертниковъ, объясняются многія трагическія исторіи, разыгравшіяся за послѣдніе годы въ русскихъ тюрьмахъ. Я имѣю въ виду попытки массоваго побѣга, которыя часто предпринима-

лись безъ надежды на успѣхъ, даже безъ достаточныхъ стараній обезпечить удачу, — предпринимались смертниками «такъ себѣ», «на авось», «съ отчаянія» и давали тюремной администраціи поводъ для кровавой расправы съ арестантами.

Но попытки отдѣльныхъ смертниковъ бороться передъ смертью со своими палачами случались при мнѣ сравнительно рѣдко. Я помню всего лишь двѣ такихъ попытки. Кажется, и въ другихъ тюрьмахъ такія попытки случались немногимъ чаще. Много разъ мнѣ приходилось слышать отъ смертниковъ такія рѣчи: «Не понимаю, какъ можетъ человѣкъ спокойно ждать казни, когда ужъ, все равно, ему конецъ. Я послѣ суда ждать не стану... Или тамъ же въ судѣ брошусь на конвой... Или здѣсь, въ тюрьмѣ, что-нибудь сдѣлаю... Пусть убиваютъ! Все же лучше, чѣмъ ждать». И люди, говорившіе такъ, все же безъ протеста и безъ попытки бороться шли послѣ суда въ секретку, и такъ же покорно, безъ борьбы, отдавались въ руки палача, когда доходила до нихъ очередь. Болѣе смѣлые и болѣе твердые передъ самой казнью бранили палача, прокурора, священника, пытались сами накинуть петлю себѣ на голову... Но бороться, сопротивляться и они не пытались. Болѣе робкіе принимали священника и выслушивали отъ него напутственное слово. Самые слабые, не ожидавшіе казни, плакали, бились о землю...

Отъ чего происходила эта удивительная покорность казнимыхъ? Мнѣ кажется, что она вполнѣ объясняется упадкомъ энергіи, особой пассивностью, которая овладѣваетъ человѣкомъ, потерявшимъ надежду на жизнь, человѣкомъ, у котораго нѣтъ завтрашняго дня. Не надѣясь ни на что, ни во что не вѣря, живя изо дня въ день въ кошмарномъ бреду, въ хаосѣ физическихъ и нравственныхъ мукъ и мыслей о смерти, онъ уже не можетъ дѣйствовать. Ему трудно и самому покончить съ собою, и бороться за сохраненіе жизни. Остается лишь ждать дня казни.

VIII.

Съ вопросомъ о томъ, какъ вліяетъ атмосфера висѣлицъ на людей, тѣсно связанъ вопросъ о палачахъ. Это отвратительный вопросъ, какъ отвратительно и все остальное, о чемъ мнѣ приходится писать. Пройти молча мимо этого вопроса я не могу и хочу подѣлиться нѣкоторыми своими наблюденіями.

Въ той тюрьмѣ, гдѣ я сидѣлъ, въ 1906 году не было палача. Нѣсколько разъ выполненіе смертнаго приговора откладывалось на многіе мѣсяцы, такъ какъ властямъ не удавалось подыскать человѣка, который привелъ бы въ исполненіе приговоръ. Въ 1907 г. палачъ нашелся. Въ одной большой камерѣ арестанты-уголовные избили одного изъ своей среды. Неизвѣстно, на какой почвѣ произошла свалка. Избитый просилъ администрацію, чтобы его перевели въ отдѣльную камеру. Его перевели. Въ отдѣльной камерѣ онъ сталъ обдумывать планъ мести своимъ обидчикамъ, и, надумавъ, предложилъ начальству свои услуги въ качествѣ вѣшателя. Это былъ здоровый, сильный человѣкъ, съ очень обыкновеннымъ и очень тупымъ лицомъ. Сидѣлъ онъ за какой-то мелкій разбой съ убійствомъ. Начальство признало его годнымъ для роли палача.

Я видѣлъ этого палача въ N—ой части. На какихъ условіяхъ онъ работалъ, я не знаю. Надзиратели передавали, что за каждаго повѣшеннаго онъ получаетъ 25 рублей и три мѣсяца скидки со своего срока. Кромѣ того каждый разъ послѣ приведенія въ исполненіе приговоровъ, вынесенныхъ послѣдней сессіей военнаго суда, онъ получалъ въ подарокъ новое платье. Передъ каждой казнью его поили водкой.

Благодаря тому, что работы было много, этотъ палачъ весьма быстро «отработалъ» свой срокъ, и уже въ 1908 году вышелъ на волю. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его снова привели въ тюрьму — на этотъ разъ въ качествѣ смертника. Оказалось, что за короткое время, проведенное на свободѣ, онъ успѣлъ совершить цѣлый рядъ грабежей, изъ которыхъ нѣкоторые сопровождались убійствами. Не дожидаясь суда, онъ подалъ прошеніе о томъ, чтобы ему разрѣшили приняться за отправленіе своего прежняго ремесла, чтобы загладить этимъ путемъ свои преступленія. Его прошеніе было принято благосклонно. Но въ это время въ тюрьму былъ уже переведенъ изъ западнаго края другой палачъ — и товарищамъ пришлось дѣлить между собой работу.

Палачъ, переведенный изъ западнаго края, былъ невысокаго роста, очень широкоплечій, приземистый. Ходилъ онъ согнувшись, озираясь по сторонамъ, и всегда пряталъ въ рукавъ палку или камень, какъ будто вѣчно опасаясь нападенія изъ-за угла. Онъ никогда не смѣялся, не улыбался. Я даже не слышалъ, чтобы онъ говорилъ съ кѣмъ-нибудь. Встрѣтивъ его въ толпѣ, всякій невольно обратилъ бы на него вниманіе и невольно вздрогнулъ бы отъ отвращенія. Глубоко ушедшая въ плечи голова; узкій, косой лобъ; густыя черныя брови, почти сросшіяся на переносицѣ; маленькіе, безконечно злые глаза, безпокойно бѣгающіе изъ стороны въ сторону, почти закрытые падающими въ безпорядкѣ длинными черными волосами; маленькое безбородое лицо съ выраженіемъ хищника; большой неулыбающійся ротъ съ узкими неподвижными губами и крупными хищными зубами. Невѣроятно отвратительно было это лицо, и при видѣ его почему-то сразу являлась мысль, что такимъ, вотъ именно такимъ и долженъ быть палачъ.

Этотъ палачъ тоже былъ смертникомъ. Разсказывали,

что онъ служилъ гдѣ-то въ охранномъ отдѣленіи, совершалъ экспропріаціи ... Затѣмъ попался, угодилъ подъ военный судъ. Сейчасъ «отрабатываетъ» свой срокъ послѣ замѣны смертной казни. Оба палача сидѣли вмѣстѣ въ одной камерѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединился третій товарищъ. Этотъ палачъ не имѣлъ въ своей наружности ничего отталкивающаго, и сперва заключенные не подозрѣвали, какую службу онъ несетъ въ тюрьмѣ. Онъ стоялъ одно время дневальнымъ на томъ коридорѣ, гдѣ я сидѣлъ. Каждый день онъ приносилъ къ дверямъ нашей камеры хлѣбъ, воду, обѣдъ, кипятокъ. Мы брали изъ его рукъ воду и пищу, разговаривали съ нимъ и ни минуты не думали, что имѣемъ дѣло съ палачемъ. Это былъ еще совершенно молодой парень, безъ всякихъ признаковъ растительности на лицѣ, высокій и стройный, съ довольно безцвѣтнымъ и полнымъ лицомъ, съ длинными волосами, съ узкими, прищуренными въ видѣ двухъ щелокъ, глазами, съ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ. Всегда чрезвычайно вѣжливый, расторопный и услужливый, онъ больше всего походилъ на полового изъ трактира или на приказчика изъ сквернаго магазина ... И вдругъ разнесся слухъ, что этотъ молодой парень вѣшаетъ осужденныхъ, что онъ уже повѣсилъ шесть человѣкъ. Кто-то изъ заключенныхъ спросилъ его: правда ли это? Парень отвѣчалъ, что это злая клевета, и на другой день передалъ намъ записку, содержаніе которой я могу возстановить почти дословно. Вотъ что въ ней говорилось: «Товарищи! Это неправда, что разсказали вамъ про меня. Я этого себѣ никогда не позволю, такъ какъ я тоже сознательный. А то, что я будто служилъ въ охранномъ, это правда. Но только это было раньше, а не теперь. Это вотъ какъ было. Я раньше былъ воромъ, и также помогалъ сыскному отдѣленію, но совсѣмъ мало получалъ за это. А потомъ меня арестовали, потому что нашли краденныя вещи. И я си-

дѣлъ въ тюрьмѣ. Здѣсь я узналъ настоящихъ людей, и они мнѣ все разсказали и про полицію, и про правительство, и все остальное. И я понялъ, что все это афера особаго рода. Такъ что послѣ тюрьмы я поступилъ въ охранное отдѣленіе, но не для своей пользы, а я старался за народъ. Я старался такъ дѣлать, чтобы меня считали за вѣрнаго человѣка. А когда я добился, приставъ далъ мнѣ четырехъ городовыхъ и послалъ, чтобы дѣлать обыскъ. Но я, какъ сознательный, туда не пошелъ, а пошелъ къ одному помѣщику буржую и скомандовалъ ему: «Руки вверхъ!» И я взялъ у него 540 руб. настоящихъ денегъ, какъ будто за фальшивыя. А потомъ меня хотѣли предать военному суду. Но какъ я опытный и надежный агентъ для пользы службы, то раздумали. И вотъ какъ я попалъ въ тюрьму. Но я знаю, что̀ такое сознательный, и никогда не позволю, чтобы дѣлать зло другому арестанту, который также носитъ сѣрую шапку, какъ и я. Такъ что, товарищи, прошу васъ не вѣрить тому, что̀ вамъ сказали про меня».

Черезъ нѣсколько дней оказалось, что нашъ дневальный дѣйствительно работалъ за палача. Съ коридора его тотчасъ же убрали. Но все остальное, что̀ разсказывалъ онъ про свою прежнюю карьеру, подтвердилось вполнѣ: очевидно палачъ хотѣлъ полной откровенностью усыпить наши подозрѣнія. Именно эта своеобразная откровенность и дѣлаетъ автобіографію палача настолько интереснымъ документомъ, что я считалъ умѣстнымъ привести ее полностью и, насколько могъ, дословно.

Между тремя палачами часто происходили ссоры и даже драки на почвѣ профессіональнаго соперничества. Каждому хотѣлось залучить всю работу въ свои руки, а между тѣмъ приходилось дѣлить ее между тремя. А на трехъ работы было маловато: не выходило на кругъ и двухъ смертниковъ въ мѣсяцъ на брата. Сперва два палача — нашъ дневальный изъ охраннаго отдѣленія и старый палачъ, отработавшій уже раньше свой срокъ — пытались уговорить третьяго, пріѣхавшаго изъ западнаго края, чтобы онъ просилъ перевода въ другую губернію. Но тотъ не согласился. Тогда нашъ дневальный заключилъ союзъ съ палачомъ изъ западнаго края, и они вмѣстѣ напустились на третьяго конкурента. Имъ удалось оттѣснить его и забрать всю работу себѣ. Палачъ, оставшійся безъ работы, не выдержалъ и... повѣсился. Его сокамерники-палачи еле живого сняли его съ петли.

Эта «исторія трехъ палачей» можетъ показаться выдумкой. Но въ ней нѣтъ преувеличеній. И передалъ я ее потому, что она характеризуетъ атмосферу, которой дышитъ переполненная смертниками тюрьма. Развѣ люди, ждущіе казни, могутъ не интересоваться спорами и ссорами между палачами, которые другъ у друга оспариваютъ ихъ головы и шеи?..

Чѣмъ чаще становились смертныя казни, тѣмъ больше оказывалось людей, предлагающихъ свои услуги для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Нѣкоторые изъ смертниковъ, въ порывѣ отчаянія, подавали прошенія о предоставленіи имъ должности палача. Сколько было такихъ прошеній за каждую сессію — не знаю. Называли въ тюрьмѣ огромную цифру. Не привожу этой цифры, такъ какъ самъ считаю ее преувеличенной. Относительно принятыхъ, уваженныхъ прошеній въ тюрьмѣ были болѣе точныя свѣдѣнія: въ одной изолированной камерѣ тюрьмы содержалось пять бывшихъ смертниковъ, которымъ смертная казнь была замѣнена каторгой и которымъ была обѣщана работа палачей. Здѣсь сидѣли они, пять кандидатовъ въ палачи. А сколько еще смертниковъ въ секреткахъ смотрѣло на нихъ съ тайной завистью?..

IX.

Живя среди смертниковъ, я научился отдѣлять вопросъ о смертной казни отъ тѣхъ второстепенныхъ, совершенно постороннихъ вопросовъ, съ которыми его обыкновенно смѣшиваютъ.

Не существенно для вопроса о смертной казни то, мучительна ли или безболѣзненна эта казнь. Вѣшаютъ ли приговоренныхъ или ихъ сжигаютъ на кострѣ, удавливаютъ ли ихъ ошейникомъ по-испански или четвертуютъ по-китайски — все это не относится къ существу вопроса. Все это относится къ техникѣ смертной казни. И только съ технической (а не съ принципіальной) точки зрѣнія можно обсуждать эти подробности.

Не существенно для вопроса о смертной казни и то, какъ относится къ смертной казни осужденный — встрѣчаетъ ли онъ ее съ полнымъ спокойствіемъ или сходитъ съ ума отъ страха. Вѣдь то, что человѣкъ боится смерти, не увеличиваетъ его права на жизнь. А то, что человѣкъ прямо смотритъ смерти въ глаза, не даетъ другому человѣку права убить его.

Не существенно для вопроса о смертной казни и то, насколько нравственны, чисты и непорочны люди, которыхъ вѣшаютъ. Убійство всегда остается убійствомъ, смертная казнь всегда остается смертной казнью — а казнь всегда есть убійство. Личныя качества казнимыхъ могутъ опредѣлять степень нашего сочувствія къ нимъ, могутъ опредѣлять и соціальную убыточность казни. Но вопросъ о смертной казни не долженъ имѣть ничего общаго ни съ соображеніями соціальной убыточности, ни съ сочувствіемъ, ни съ жалостью. При чемъ здѣсь сочувствіе, когда сегодня Ивановъ — палачъ, Сидоровъ — жертва, а вчера еще Сидоровъ могъ оказаться палачомъ. Ивановъ — жертвой? При чемъ здѣсь жалость, когда на

висѣлицу идетъ Х, не нуждающійся въ жалости, а рядомъ съ нимъ — какой-нибудь убійца, не стоющій жалости? Долженъ быть такой взглядъ на казнь, при которомъ исчезаетъ личность казнимаго и остается лишь одно: казнятъ человѣка! Лишь эти два слова: *казнятъ человѣка.*

Кромѣ принципіальной оцѣнки смертной казни, какъ таковой, можно изучать ее и съ различныхъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія. Меня въ тюрьмѣ занимала юридическая точка зрѣнія на вопросъ: можно ли прослѣдить непосредственную связь между практикой смертныхъ казней и ростомъ преступности? Для того, чтобы отвѣтить съ полнотою на этотъ вопросъ, нужны болѣе широкія и, во всякомъ случаѣ, болѣе спокойныя наблюденія. Но вотъ нѣсколько подмѣченныхъ мною черточекъ, которыя, быть можетъ, представляютъ нѣкоторый интересъ въ качествѣ матеріала.

Въ тюрьмѣ мнѣ пришлось узнать подробности многихъ нападеній, покушеній и отстрѣливаній, которыми въ свое время наполнялись столбцы газетной хроники. Пришлось познакомиться и съ героями этихъ преступленій. У нихъ бросался въ глаза какой-то странный избытокъ молодечества, бравированіе опасностью, то, что на языкѣ полицейскихъ протоколовъ и газетныхъ отчетовъ обозначается словами: «необыкновенная дерзость». Эта «дерзость» въ глазахъ властей часто является *признакомъ* при рѣшеніи вопроса о томъ, отнести ли данное преступленіе къ разряду обыкновенныхъ «уголовныхъ» дѣлъ — или «уголовно-политическихъ», направить ли его въ общій уголовный судъ — или передать его въ военный судъ, «для сужденія по законамъ военнаго времени». Если преступленіе совершено со всѣми предосторожностями, съ явнымъ желаніемъ выполнить дѣло «въ тихую» — это уголовный *грабежъ*. Если нападеніе со-

вершено съ трескомъ и блескомъ, на-удалую, съ вызывающей прямотой, съ выраженіемъ полной готовности лицомъ къ лицу встрѣтить опасность, — это уголовно-политическая *экспропріація*. Или, говоря иначе, если за угрозой ножомъ, ломомъ или топоромъ слѣдовала команда: «лежи и ни съ мѣста» — это *уголовное* дѣло; если же вслѣдъ за появленіемъ съ револьверомъ раздались сакраментальныя слова: «руки вверхъ» — это дѣло *уголовно-политическое* . . .

Такое дѣленіе настолько вошло въ практику нашихъ судовъ, что всѣ считаютъ его вполнѣ естественнымъ. И нельзя не признать, что здѣсь дѣйствительно имѣются налицо двѣ существенно различныя группы явленій. При сравненіи подробностей въ двухъ сходныхъ между собой нападеніяхъ, изъ которыхъ одно — уголовное, а другое — уголовно-политическое, я всегда поражался глубокимъ ихъ различіемъ. Тамъ — холодный разсчетъ, стремленіе получить извѣстную добычу, не подвергаясь ни риску, ни опасности. Здѣсь — стремительный натискъ, желаніе захватить добычу и вмѣстѣ съ тѣмъ показать себя, испытать острое чувство опасности. Тамъ — будничное дѣло, черная работа. Здѣсь — искусство, спортъ, жестъ, игра со смертью.

Рѣзко различаются между собой и участники тѣхъ и другихъ нападеній. Тамъ — по большей части рецидивисты, начавшіе съ мелочи, закончившіе свое образованіе въ тюрьмѣ, постепенно усовершенствовавшіеся въ своемъ ремеслѣ, постепенно расширявшіе районъ и размахъ своей дѣятельности, постепенно поднимавшіеся вверхъ по лѣстницѣ уголовныхъ статей. Здѣсь — на первомъ планѣ заводская молодежь, рабочіе и безработные, затѣмъ мелкіе служащіе, учащіеся. Тамъ — мрачныя, отталкивающія лица, часто съ ясной печатью вырожденія, лица тупыя, равнодушныя, забитыя. Здѣсь — молодыя свѣжія лица,

въ которыхъ даже предубѣжденный глазъ не найдетъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ преступности или порочности.

А мотивы преступленія? Въ обыкновенныхъ «уголовныхъ» дѣлахъ эти мотивы такъ просты, такъ понятны. Въ такъ называемыхъ «уголовно-политическихъ» дѣлахъ не то. Вотъ молодой рабочій, зарабатывавшій на волѣ около 80 рублей въ мѣсяцъ, жившій вполнѣ безбѣдно съ родителями, не пьянствовавшій, не предававшійся никакимъ излишествамъ. Вмѣстѣ съ тремя товарищами онъ идетъ экспропріировать артельщика, въ сумкѣ котораго, по ихъ расчетамъ, должно находиться около тысячи рублей. Нужны ли были ему эти деньги? Нѣтъ. Идя на экспропріацію, стрѣляя въ людей и самъ подставляя свою грудь подъ выстрѣлы, онъ самъ не отдавалъ себѣ точнаго отчета въ томъ, на что употребитъ онъ эти деньги, на что онѣ нужны ему, да и нужны ли ему вообще эти деньги. Можетъ быть, онъ не зналъ, что за нападеніе его ждетъ висѣлица? Нѣтъ! Это онъ зналъ превосходно, такъ какъ каждый день читалъ о нападеніяхъ и о смертныхъ казняхъ; въ послѣдніе годы ни о чемъ не говорили вокругъ него такъ много, какъ о висѣлицахъ. Можетъ быть, это развращенный злодѣй, которому нужно насиліе ради насилія, которому невыносимъ честный трудъ? Нѣтъ! Это простой, трудолюбивый парень, про котораго десятки свидѣтелей могутъ показать, что онъ всегда былъ честенъ и добросовѣстенъ, никогда не кралъ, никогда не дрался . . . Что же толкнуло его на поступокъ, за который его ждетъ висѣлица?

Это не праздные вопросы. Это вопросы, которые съ чудовищной яркостью становятся передъ каждымъ человѣкомъ, живущимъ среди смертниковъ. Когда передо мной приподнялся край завѣсы, скрывающей отъ постороннихъ глазъ душевную жизнь этихъ людей, мнѣ было

страшно видѣть, что многіе изъ нихъ пришли къ своему нынѣшнему положенію, пришли къ висѣлицѣ безъ *всякихъ* къ тому поводовъ, «*такъ себѣ*», зря. Жилъ-жилъ человѣкъ, никого не трогалъ. И вдругъ совершилъ дѣло, котораго никто не могъ ожидать отъ него. Что же толкнуло его на роковой путь, приведшій его къ висѣлицѣ?

Много разъ обращался я съ этимъ вопросомъ къ отдѣльнымъ смертникамъ. И послѣ краткаго раздумья, они отвѣчали какъ-то странно, неопредѣленно.

— Вы ради денегъ шли на первую экспропріацію?

— Отчасти изъ-за денегъ... А больше, такъ себѣ, зря, сдуру...

Такой отвѣтъ мнѣ пришлось слышать не одинъ десятокъ разъ. Нерѣдко приходилось слышать и вотъ что:

— Я и не думалъ идти. Да парни знакомые затащили. У нихъ, видите, было дѣло одно задумано. Нужно было всего пятерыхъ, а у нихъ пятаго не хватало. А какъ они знали меня за такого, который не выдастъ, то и предложили мнѣ участвовать. Я и пошелъ!..

Оказывалось, такимъ образомъ, что человѣкъ пошелъ на висѣлицу, чтобы не отказать товарищамъ въ маленькой услугѣ. Такихъ «случайныхъ» смертниковъ въ тюрьмѣ было довольно много. Но еще чаще смертники иначе описывали причины, толкнувшія ихъ на роковой путь.

— Развѣ я изъ-за денегъ шелъ? — говорилъ мнѣ одинъ молодой и очень типичный эксъ-истъ. Безъ денегъ, конечно, не обойдешься, да денегъ у меня и изъ заработка хватало: могъ еще и подѣлиться съ кѣмъ нужно... А просто испытать хотѣлось... Думалъ попробовать... Вижу, другіе дѣлаютъ. И смѣло дѣлаютъ, и не боятся же петли! Ну, я и думаю: дай-ка попробую, какъ оно выходитъ, что чувствуешь?..

Я задумывался надъ этими словами, и передо мною открылся весь ужасный смыслъ этихъ «глупыхъ», «безтолковыхъ» словъ. Человѣкъ шелъ на преступленіе, чтобы испытать острое чувство, жгучее волненіе. Человѣкъ шелъ на висѣлицу, чтобы попробовать, «какъ оно выходитъ, что чувствуешь». Значитъ, висѣлица съ какой-то чудовищной силой притягивала его къ себѣ, подобно тому, какъ пропасть притягиваетъ къ себѣ слабыхъ людей, заставляетъ ихъ свѣшиваться надъ бездной, пробуждаетъ желаніе сдѣлать еще одинъ шагъ, одинъ маленькій шагъ впередъ. Значитъ, человѣкъ стрѣлялъ въ людей для того, чтобы испытать то осторое чувство, которое на всемірной выставкѣ въ Чикаго можно было испытать за деньги въ кабинетѣ предпріимчиваго устроителя висѣлицы! Значитъ, висѣлица, это безобразное чудовище, поставленное людьми на стражѣ закона, поставленное для устрашенія, для того, чтобы отпугнуть другихъ людей отъ пути преступленія, — эта висѣлица стала маякомъ, она сама притягиваетъ къ себѣ все новыя и новыя жертвы.

Да! Висѣлица сама создаетъ преступниковъ. Висѣлица, мать — кормилица палача, сама принимаетъ на себя заботу о томъ, чтобы палачъ не оставался безъ дѣла и не накладывалъ на себя руки съ отчаянія. Висѣлица сама создаетъ и палачей, и висѣльниковъ. И пока твердо стоитъ висѣлица — ни въ палачахъ, ни въ висѣльникахъ никогда не будетъ недостатка!

Мнѣ кажется, что притягательное дѣйствіе висѣлицы вполнѣ понятно. Она гипнотизируетъ и влечетъ къ себѣ человѣка такъ, какъ гипнотизируетъ и привлекаетъ къ себѣ свою жертву змѣя, какъ гипнотизируетъ и притягиваетъ бездна. И я самъ испыталъ это дѣйствіе висѣлицы... Тамъ, въ тюрьмѣ, среди висѣлицъ, въ атмосферѣ казней являлись дикія мысли, складывались дикіе планы, какихъ раньше я никогда не замѣчалъ въ своей головѣ. Вдругъ являлось желаніе сдѣлать что-нибудь такое, за

что слѣдуетъ висѣлица. Не являлось, правда, мысли о томъ, чтобы ограбить кого-нибудь... Но — выхватить револьверъ изъ кобуры надзирателя, выстрѣлить... Не для того, чтобы убить, не для того, чтобы пробиться къ выходу, не для того, чтобы покончить съ собой, не для того, чтобы напугать палачей, а просто «такъ себѣ», попробовать. И когда я замѣчалъ такія мысли въ себѣ, человѣкѣ хладнокровномъ, и скорѣе сильномъ, чѣмъ слабомъ, — могъ ли я сомнѣваться въ томъ, что разсказывали мнѣ другіе люди, описывавшіе, какъ встали они на ведущій къ висѣлицѣ путь «такъ себѣ», чтобы попробовать?..

И не разъ, въ дни казней, кто-нибудь изъ сидѣвшихъ вмѣстѣ со мной товарищей говорилъ какъ бы про себя:

— Вотъ теперь, когда выйдемъ на коридоръ, схватить бы надзирателя, вытянуть его револьверъ — и пошелъ бы смолить!..

Я смѣялся:

— Вотъ выдумалъ! У тебя вѣрно не все въ порядкѣ! Что ты съ револьверомъ сдѣлаешь?

И другіе тоже смѣялись. Каждый чувствовалъ, что и въ его душѣ шевелятся тѣ же странныя мысли.

Да! Висѣлица влекла къ себѣ свои жертвы. Но болѣе сильные люди удерживались, болѣе слабые шли — и умирали въ петлѣ.

Это я говорю не объ единичныхъ идейныхъ террористахъ, которыхъ вела на висѣлицу другая сила. Я говорю о той сѣрой массѣ смертниковъ, которыхъ только въ насмѣшку можно назвать «борцами за народъ», которыхъ только по ошибкѣ можно считать «революціонерами», о той массѣ, которая составляетъ большую часть казнимыхъ. Я не могъ не отмѣтить нравственнаго одичанія этихъ людей, но не могу не отмѣтить и того, что сдѣлало ихъ такими.

Взять хотя бы фантастическія сопротивленія и отстрѣливанья, которыя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ наблюдались во всѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ только примѣнялись смертныя казни: въ Царствѣ Польскомъ, на югѣ Россіи, на Кавказѣ, въ Петербургѣ. Какой смѣшной и жалкой комедіей кажется рядомъ съ этими сопротивленіями пресловутый «фортъ Шаброль» въ Парижѣ! Нигдѣ въ мірѣ не могли бы имѣть мѣсто такія перестрѣлки, такія сопротивленія одного человѣка цѣлымъ ротамъ солдатъ, которыя въ Россіи одно время вошли въ повседневный обиходъ и никого уже не удивляли. Но почему это такъ? Или власть у насъ недостаточна сильна? Или люди у насъ смѣлѣе, предпріимчивѣе и преступнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Англіи? Или все это продолженіе революціи? Не буду искать отвѣта на эти вопросы, не буду входить въ разборъ происхожденія русскаго бандитизма. Отмѣчу лишь одно наблюденіе. Отчаянная смѣлость, безусловное презрѣніе къ смерти, безконечное молодечество — всѣ эти черты воспитаны въ значительной степени практикой смертныхъ казней. Много ли нужно, чтобы развились эти черты въ человѣкѣ? Для этого достаточно имѣть крѣпкіе, напряженные нервы и искренно исповѣдывать, что жизнь — копейка. Остальное приложится. А что можетъ такъ хорошо подготовить нервы людей къ отчаяннымъ кровавымъ подвигамъ, какъ висѣлица? Можетъ ли быть придумано лучшее средство для постепеннаго вытравленія всѣхъ нравственныхъ цѣнностей изъ души человѣка?

Въ соціальной педагогикѣ смертная казнь — одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ. Теоретически я, конечно, зналъ это и до тюрьмы. Но нужно было пожить среди висѣлицъ, чтобы оцѣнить все значеніе этого средства.

Извѣстно, что тюрьма является школой преступленій, академіей, хранящей и разрабатывающей традиціи пре-

ступнаго міра; тюрьма сама воспитываетъ своихъ будущихъ кліентовъ, такъ что тотъ, кто попалъ въ тюрьму на короткій срокъ, почти неизбѣжно снова попадаетъ въ нее уже на болѣе продолжительное время. Но достаточно ли сознаютъ, что и висѣлица сама готовитъ преступниковъ? Какъ тюрьма дѣйствуетъ автоматически, наперед обезпечивая себя жильцами, чтобъ никогда не пустовали ея камеры, такъ же и висѣлица обезпечиваетъ себя жертвами, чтобы не болталась напрасно въ воздухѣ ея веревка . . .

Въ тюрьмѣ у меня являлся иногда вопросъ: что получилось бы, если бы у насъ были обложены смертной казнью не нападенія съ цѣлью грабежа, а какія-нибудь другія преступленія? Если бы, напримѣръ, вздумалось бы кому-нибудь передавать военному суду и судить по 279-й статьѣ всѣ дѣла о дуэляхъ или объ изнасилованіяхъ? И мнѣ казалось почти несомнѣннымъ, что такая мѣра вызвала бы, при «неукоснительномъ» ея примѣненіи, эпидемическое усиленіе соотвѣтствующихъ преступленій . . . Полной увѣренности въ такомъ вопросѣ, конечно, не можетъ быть, пока не произведено опыта. Но судя по тому, что наблюдалъ я среди смертниковъ, соціально-педагогическое дѣйствіе смертной казни именно такое.

X.

Еще нѣсколько словъ о дѣйствіи казни на окружающихъ.

Мнѣ много разъ приходилось имѣть свиданіе одновременно со смертниками. Передъ одной сѣткой стояли мы, заключенные, за другой сѣткой, въ разстояніи 1—2 аршинъ отъ насъ, стояли люди, пришедшіе къ намъ на свиданіе. Рядомъ со мной стояли смертники, скованные по рукамъ и по ногамъ. И я не могъ разговаривать со своими, а все смотрѣлъ на этихъ людей, для которыхъ настоящее свиданіе, быть можетъ, было послѣднимъ . . .

Помню, разъ рядомъ со мной стоялъ молодой рабочій. Онъ держалъ руки опущенными внизъ, чтобы мать и сестра, пришедшія къ нему на свиданіе, не замѣтили его ручныхъ кандаловъ. Лицо его было спокойно и даже улыбалось слабой, болѣзненной улыбкой, но голосъ вздрагивалъ и прерывался. А за 1—2 аршина отъ него, прижавшись къ желѣзной сѣткѣ, рыдали двѣ женщины — сѣдая, бѣдно одѣтая старушка и молодая дѣвушка. Онѣ не могли говорить и только повторяли одно дорогое имъ имя:

— Андрюша . . . Андрюша . . .

А смертникъ, блѣдный, но спокойный, болѣзненно улыбаясь и скрывая отъ ихъ взглядовъ скованныя руки, говорилъ:

— Ну, прощайте, дорогія! Живите, счастливо живите . . . Я не боюсь. Разъ вышло такъ, ничего ужъ не подѣлаешь . . . Ну, не плачьте. Будетъ! Живите . . . Живи, сестра! . . Спасибо, что пришли навѣстить въ послѣдній разъ . . . Будьте счастливы. Хорошо живите . . .

И вдругъ мать его закричала:

— Андрюша . . . Вѣдь не послѣдній разъ . . . Свидимся еще.

И сестра тоже говорила:

— Вѣдь не скоро еще . . . можетъ быть замѣнятъ . . Андрюша! Подумай.

Смертникъ вздрогнулъ и нахмурился, но снова овладѣлъ собой:

— Не замѣнятъ! Я знаю. О томъ и говорить не стоитъ. А про послѣдній разъ я такъ себѣ сказалъ. Можетъ быть и не скоро. А лучше всегда быть готовымъ. Ну, не плачьте . . . Я вѣдь спокоенъ. Кончится все

такъ скоро, такъ просто... Это только со стороны страшно.

— Андрюша... Андрюша...

Рыдали обѣ женщины. Надзиратель пріоткрылъ дверь въ каморку свиданій:

— Кончай свиданіе!..

Смертникъ заторопился.

— Ну, прощайте, милыя... Спасибо, что пришли... живите...

И онъ твердымъ шагомъ двинулся къ выходу. Но снова остановился и, почти не глядя на мать и сестру, глухо сказалъ:

— Вѣдь въ послѣдній разъ сегодня...

Я не видѣлъ лицъ пришедшихъ къ нему на свиданіе женщинъ, не слышалъ, что отвѣчали онѣ ему...

Когда мы шли черезъ дворъ, я замѣтилъ слезы на глазахъ у смертника. Болѣзненно улыбаясь, онъ сказалъ мнѣ:

— Меня этимъ вечеромъ возьмутъ... Сегодня моя очередь и Кирилла... У насъ знаютъ. А имъ я не могъ сказать... Хотѣлъ подготовить, да не могъ... Не поймутъ онѣ.

Сколько разъ приходилось слышать это «не поймутъ» изъ устъ приговоренныхъ, ждущихъ казни. Сколько разъ приходилось наблюдать, какъ встрѣчаютъ казнь преступники и какъ относятся къ этому событію близкіе имъ люди, остающіеся въ живыхъ. И мнѣ бросалась въ глаза одна черта смертной казни, одна особенность, неизбѣжно присущая этому виду «наказанія»: вѣдь смертная казнь почти всегда самого преступника затрагиваетъ менѣе сильно, чѣмъ его близкихъ. Это можетъ считаться аксіомой. Для смертника мученье кончается въ моментъ совершенія казни, въ моментъ приведенія приговора въ исполненіе. Для его близкихъ только въ этотъ моментъ начинается самое ужасное, начинается кошмаръ того, что уже совершилось. И потому смертная казнь является мщеніемъ, направленнымъ не столько противъ самого преступника, сколько противъ всѣхъ его близкихъ, противъ его семьи. Въ этомъ отношеніи куда логичнѣе было старинное установленіе родовой мести.

При видѣ слезъ отчаянія матерей и сестеръ смертниковъ я не раздумывалъ, конечно, о родовой мести и о другихъ юридическихъ древностяхъ. Но мучительно-назойливо лѣзла въ глаза чудовищная несправедливость того, что совершалось изо-дня въ день. Пусть виновенъ преступникъ. Но вѣдь не его одного казнитъ палачъ. Развѣ этой, такой простой и вмѣстѣ съ тѣмъ такой чудовищной истины можно не видѣть...

Я сидѣлъ одно время во второмъ этажѣ тюрьмы; окна моей камеры выходили на дорогу, по которой утромъ отправляли преступниковъ въ военный судъ и по которой вечеромъ приводили ихъ обратно въ тюрьму, уже приговоренныхъ къ смертной казни. Изъ окна видна была часть дороги противъ тюрьмы. Во время сессіи военнаго суда не проходило ни одного дня безъ смертнаго приговора. Иные дни судъ выносилъ сразу по три-четыре смертныхъ приговора, и больше... Впереди окруженной конвоемъ партіи арестантовъ гарцовалъ на конѣ стражникъ. Арестантовъ и конвойныхъ не было видно: ихъ скрывала отъ глазъ высокая тюремная стѣна. Но ясно доносилось съ дороги бряцаніе цѣпей. Не было видно за стѣной и людей, провожавшихъ отъ суда до тюрьмы осужденныхъ. Но когда процессія подходила къ самымъ воротамъ тюрьмы, вдругъ начинался крикъ, плачъ. И, бывало, ворота уже захлопнулись за смертниками и другими осужденными, приговоренные къ висѣлицѣ уже помѣщены въ секреткѣ — а передъ тюрьмой все еще продолжаются вопли отчаянія,

плачъ, крики. Каждый звукъ отчетливо ясно доносился въ камеру черезъ открытое окно, и каждый звукъ мучительнымъ ударомъ падалъ на напряженные нервы. Плачъ и вопли передъ тюрьмой продолжались иногда по полчаса, иногда дольше. Затѣмъ на площадку передъ тюремными воротами выѣзжали стражники:

— Расходись!..

Стучали по камнямъ подковы лошадей, пронзительно звонко кричали женщины. Потомъ все смолкало. Толпа разошлась. Не слышно было и криковъ отчаянія, но чувствовалось, какъ-то болѣзненно ясно чувствовалось, что эти вопли и крики продолжаются, что они только перемѣстились туда, дальше за стѣну тюрьмы.

Насъ сидѣло въ камерѣ больше десяти человѣкъ. Большинство составляли рабочіе. Среди насъ были различные люди. Нѣкоторымъ предстояло въ недалекомъ времени познакомиться съ намыленной веревкой. Большинство составляли люди суровые и меньше всего склонные къ какимъ бы то ни было сантиментальностямъ. И все же на насъ потрясающимъ образомъ дѣйствовали эти крики передъ воротами тюрьмы.

Но самыя смертныя казни производили на насъ слабое впечатлѣніе. Къ казнямъ мы привыкли и старались не обращать на нихъ вниманія. Мы только считали, сколько человѣкъ казнено съ начала сессіи, сколько человѣкъ получило замѣну висѣлицы каторгой, сколько остается еще въ секреткахъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи.

Живые люди исчезали для насъ за этими цифрами, такъ же какъ для постоянныхъ читателей газетъ живые люди исчезали за безстрастными статистическими данными.

Такое отношеніе къ смертнымъ казнямъ сложилось, конечно, не сразу и не могло оставаться вполнѣ неизмѣннымъ, вполнѣ устойчивымъ. Помню, въ первое время моего пребыванія въ тюрьмѣ казни дѣйствовали на меня удручающе. Когда начались казни, я не находилъ себѣ мѣста, ни о чемъ другомъ, кромѣ висѣлицъ, не могъ думать, ничѣмъ не могъ заняться. Я старался узнать имя каждаго казнимаго и всѣ подробности его дѣла. Мнѣ казалось, что я долженъ запечатлѣть въ душѣ весь ужасъ того, что дѣлалось на моихъ глазахъ. И картины казни огненными чертами врѣзывались въ душу.

Это было для меня самое мучительное время. Мнѣ казалось, что голова не выдержитъ. Но затѣмъ впечатлѣніе отъ новыхъ смертныхъ казней стало постепенно ослабѣвать. Я ужъ не справлялся объ именахъ, справлялся только о числѣ казненныхъ и о томъ, повѣшены ли или нѣтъ такіе-то и такіе-то болѣе близко знакомые мнѣ смертники. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ росло число казней, цифры тоже начали утрачивать свою яркость, свою выразительность. Я началъ сбиваться со счета...

То же самое происходило и со всѣми другими заключенными. Человѣка, одна смерть — не больше. А въ окружавшей насъ обстановкѣ мы пріучились жить, приноравливались къ ней, не замѣчая ея чудовищной уродливости.

Помню, какъ удивило насъ открытіе, что мы привыкли къ смертнымъ казнямъ. Какъ-то вечеромъ мы сидѣли въ своей камерѣ вокругъ стола и играли въ шашки. Повѣрка уже отошла. Въ тюрьмѣ было тихо.

Вдругъ со двора донесся стукъ и шумъ. Взглянули въ окно: калитка въ тюремныхъ воротахъ была открыта, во дворъ входили надзиратели и стражники... Кто-то замѣтилъ:

— За смертниками пошли... Будутъ брать на казнь.

Но другіе не прерывали игры и продолжали сидѣть за столомъ, не поднимая головъ.

Надзиратели вошли въ корпусъ тюрьмы. Изъ нижняго этажа слышались звуки тяжелыхъ шаговъ, сдержаннаго говора многихъ голосовъ, затѣмъ лязгъ отпираемаго замка... Черезъ нѣсколько минутъ во дворѣ снова показались темныя мужскія фигуры, поспѣшно направлявшіяся къ воротамъ.

Стоя у окна, товарищъ считалъ проходившихъ въ двери.

— Троихъ взяли... Лицъ не разобрать. Нужно будетъ завтра спросить имена.

Остальные молчали, не отрываясь отъ игры.

— Твой ходъ.

— Я дамкой хожу...

И снова молчаніе. И вдругъ одинъ съ удивленіемъ проговорилъ:

— Странно, товарищи! Какъ это мы приспособились! Не замѣчаемъ даже казней. А раньше-то, еще два мѣсяца тому назадъ, что было?

И игра какъ-то сразу прекратилась. Всѣмъ стало тяжело на душѣ.

И не то, чтобы совѣстно было за недостатокъ сочувствія къ казнимымъ. Никто въ тюрьмѣ не считалъ своимъ долгомъ «сочувствовать» всѣмъ, кого вели на казнь, и никто не старался притворяться сочувствующимъ. Безстрастное отношеніе къ смерти было необходимо намъ, и мы уважали и цѣнили это душевное качество. И все же каждому стало жутко и неловко, когда мы замѣтили, что казни перестали волновать насъ, что мы можемъ спокойно продолжать играть въ шашки въ то время, какъ мимо нашего окна ведутъ трехъ человѣкъ на казнь... Каждый невольно подумалъ о томъ, сколь многое должно было перегорѣть и отмереть у него въ душѣ для того, чтобы смертная казнь перестала волновать его.

Да, въ этой атмосферѣ, пропитанной кровью, медленно, но неизбѣжно стирались, выцвѣтали всѣ чувства, тускнѣли всѣ цѣнности. Это было то же одичаніе, которое въ болѣе рѣзкихъ проявленіяхъ я замѣчалъ у смертниковъ.

Но неизмѣнно твердымъ оставалось чувство общаго ужаса. Чувствовалось, что этотъ ужасъ не ограничивается тюремными стѣнами, что, перешагнувъ черезъ тюремный порогъ, все же не уйдешь отъ этого кроваваго кошмара. Вѣдь, ужасъ положенія не въ томъ, что здѣсь вблизи отъ меня совершаются убійства людей черезъ посредство палача, и я не могу помѣшать этимъ убійствамъ. Ужасъ былъ въ томъ, что эти убійства вообще совершаются. То обстоятельство, что я запертъ въ тюрьмѣ, заставляло меня видѣть вблизи этотъ ужасъ. Но я могъ бы быть далеко, могъ бы быть по ту сторону тюремной стѣны, могъ бы не видѣть, не слышать ничего. Было ли бы это лучше для меня? Нѣтъ! Ибо ничего нѣтъ отвратительнѣе спокойствія и благодушія человѣка, когда это спокойствіе основывается на томъ, что человѣкъ не видитъ и не слышитъ, что происходитъ вдали отъ него. Пусть въ куски рвется сердце, но человѣкъ долженъ все видѣть, долженъ все слышать! Пусть въ куски рвется сердце, но это лучше, чѣмъ благополучное существованіе съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами.

И являлась мысль: повсюду, вѣдь, то же самое! Выхода нѣтъ. Я безсиленъ и безпомощенъ. Быть можетъ мое положеніе скоро измѣнится: я выйду на волю, вернусь къ любимой наукѣ, вернусь къ общественной дѣятельности. Но вѣдь это останется. Я не буду видѣть секретокъ, трагическихъ лицъ, не буду слышать стоновъ, криковъ, вѣчнаго звона кандаловъ. Я забуду эти картины и эти звуки. Но вѣдь это значитъ просто закрыть глаза и заткнуть уши! Этого я не хочу, этого я не могу принять. А другого выхода нѣтъ! Или на подобіе перепуганнаго страуса зарыть свою голову въ песокъ, или жить съ открытыми глазами, съ открытыми ушами. А въ послѣднемъ случаѣ — вѣчно остаться въ кровавомъ туманѣ. Куда ни пойдешь — этотъ туманъ не покинетъ меня. Повсюду будутъ преслѣдовать тебя оставленные далеко позади картины и звуки. Ты останешься среди висѣлицъ, гдѣ бы ты ни былъ и тамъ, внѣ тюремныхъ стѣнъ.

Не было выхода!

Это сознаніе было безконечно тягостно. Съ этимъ сознаніемъ все умирало въ душѣ. Не оставалось мѣста ни жаждѣ свободы, ни желанію сохранить жизнь. Не оставалось ничего, кромѣ чудовищнаго кошмара, и не чувствовалось ему конца.

Послѣ взрыва.

I.

Послѣдніе дни въ тюрьмѣ чувствовалось какое-то необыкновенное волненіе.

Весеннее солнце привѣтливо освѣщало широкій тюремный дворъ. Цѣлые снопы свѣта проникали въ камеры сквозь желѣзныя рѣшетки. Но не было въ камерахъ обычнаго — даже въ тюрьмѣ — весенняго оживленія.

Приближалась весенняя сессія военно-окружного суда. Копіи обвинительныхъ актовъ были уже вручены заключеннымъ. Извѣстно было имя генерала, который будетъ предсѣдательствовать въ весенней сессіи. И по этому имени и по тому, какъ безпощадно свирѣпо были составлены обвинительные акты, тюрьма ожидала, что предстоящая сессія будетъ еще безпощаднѣе, чѣмъ недавно закончившаяся зимняя сессія, что на этотъ разъ судъ не удовлетворится какими-нибудь двумя десятками смертныхъ приговоровъ . . .

Въ тюрьмѣ было свыше 150 человѣкъ, которые должны были черезъ нѣсколько дней или нѣсколько недѣль предстать передъ военными судьями. Среди этихъ 150 человѣкъ были и дурные люди и хорошіе; были преступники, дѣйствительно, виновные въ совершеніи приписываемыхъ имъ преступленій, и люди совершенно невинные, арестованные по ошибкѣ; были идейные люди, политическіе борцы, и простые грабители, и мирные обыватели, никогда не думавшіе ни объ идейной политической борьбѣ, ни о грабежахъ. И всѣ они жили теперь подъ гнетомъ одной мысли,

подъ гнетомъ мысли о приближающемся днѣ безпощаднаго слѣпого суда.

Мрачно и тягостно было состояніе этихъ людей. И душевное состояніе ихъ передавалось другимъ заключеннымъ. Вся тюрьма была полна тягостнаго ожиданія весенняго суда. Тревожное, тоскливое ожиданіе наполняло и тѣ камеры, гдѣ не было ни одного смертника, ни одного кандидата на висѣлицу.

Необыкновеннымъ волненіемъ была охвачена и тюремная администрація. Охранное отдѣленіе секретной бумагой увѣдомило начальника тюрьмы, что, по имѣющимся агентурнымъ свѣдѣніямъ, смертники, которымъ предстоитъ судиться въ ближайшую сессію, готовятъ отчаянную попытку побѣга. И администрація тюрьмы приняла свои мѣры, чтобы не допустить осуществленія этой попытки. Въ тюрьмѣ чуть не ежедневно производились обыски. Вокругъ тюремной ограды былъ выставленъ усиленный воинскій караулъ. Въ тюрьму нѣсколько разъ пріѣзжалъ инспекторъ. Начальство ежедневно вело бесѣды съ надзирателями, стараясь развить въ нихъ сознаніе отвѣтственности и, главное, необходимый боевой духъ. И надзиратели, взвинченные этими бесѣдами, ходили по тюрьмѣ угрюмые и напряженные, съ разстегнутыми кабурами револьверовъ. А старшій надзиратель Волковъ, грубый и жестокій человѣкъ, ненавидѣвшій арестантовъ и пользовавшійся общей ненавистью тюрьмы, послѣдніе дни разговаривалъ съ арестантами не иначе, какъ держа правую руку на ручкѣ своего нагана, подчеркивая свою готовность въ любой моментъ пустить оружіе въ дѣло.

Все это еще болѣе усиливало тревожное настроеніе въ тюрьмѣ.

Чувствовалось, что надъ тюрьмой вѣетъ смерть. Но къ смерти привычна тюрьма, переполненная людьми, которые со дня на день ожидаютъ висѣлицы. И, несмотря на

наполнявшее ее дыханіе смерти, наша тюрьма продолжала жить своей обычной тусклой, медленной жизнью.

Въ это время я лежалъ въ тюремной больницѣ. Всѣ двѣнадцать коекъ въ нашей палатѣ были заняты. Но политическихъ было среди больныхъ только трое: я, чахоточный рабочій Борисовъ и послѣдственный Евгеній. Тяжелѣе другихъ боленъ былъ Евгеній: онъ лежалъ въ горячкѣ, и жизнь боролась въ немъ со смертью. Мы съ Борисовымъ были много крѣпче и свободно ходили по палатѣ. Среди остальныхъ больныхъ, уголовныхъ, особенно тяжелыхъ не было.

Въ палатѣ постоянно было тихо. Разговоры велись вполголоса. Только лежавшій рядомъ со мной черный, какъ уголь, пожилой цыганъ-конокрадъ цѣлыми часами тянулъ какую-то пѣсню. Въ этой пѣснѣ, больше похожей на завыванье, нельзя было разобрать ни словъ, ни мотива. И подъ ноющіе звуки ея время тянулось въ нашей больничной палатѣ еще медленнѣе и тоскливѣе, чѣмъ въ другихъ камерахъ.

Было около 1 часа дня, время послѣобѣденнаго сна. Въ палатѣ раздавался громкій храпъ спящихъ. Мнѣ не хотѣлось спать и, поднявшись со своей койки, я подошелъ къ окну.

Пустынно было на широкомъ тюремномъ дворѣ, усыпанномъ желтымъ пескомъ. Зеленѣли ранними весенними листочками рѣдкія деревья. Медленно ходили взадъ и впередъ часовые. У тюремной прачешной два арестанта развѣшивали мокрое бѣлье на веревки. Стая голубей мирно клевала остатки какой-то желтой каши.

Я стоялъ у окна и смотрѣлъ на эту привычную картину: больше не на что было смотрѣть.

Но вотъ дворъ началъ понемногу оживляться. На прогулку вывели 14-ую политическую камеру. Изъ окна не видно было гуляющихъ, такъ какъ загородка, гдѣ гуляли

они, помѣщалась за угломъ тюрьмы, у правой стѣны тюремной ограды. Но я узналъ камеру по голосамъ: въ 14-ой камерѣ я сидѣлъ до болѣзни и хорошо зналъ всѣхъ находящихся въ ней арестантовъ. И теперь я прислушивался къ знакомымъ голосамъ. Крикъ, шутки, молодой заразительный хохотъ оживили тюремный дворъ.

Мимо оконъ больницы прошла въ загородку у лѣвой стѣны другая толпа заключенныхъ. Эти были въ казенномъ сѣромъ платьѣ. У многихъ звенѣли кандалы на ногахъ. И шли они безъ веселыхъ шутокъ и смѣха, съ опущенными головами. Изъ больничнаго окна видна была часть загородки у лѣвой стѣны. Можно было видѣть лица гуляющихъ. Гуляла 9-ая камера. Это была камера ближайшихъ кандидатовъ на висѣлицу: большинству гуляющихъ предстояло судиться ближайшей сессіей военнаго суда. Промелькнуло предо мной молодое красивое лицо Саши Ковалева, съ которымъ я не разъ встрѣчался въ тюремной конторѣ во время свиданій. Промелькнуло еще нѣсколько знакомыхъ лицъ.

И вставали въ памяти обвиненія, предъявленныя этимъ людямъ. Вспоминалась грозная 279 статья. И сверлила мозгъ неотвязная мысль: вотъ проходятъ предо мной, кружась въ узкой проволочной загородкѣ, живые мертвецы, люди, изъ которыхъ немногіе проживутъ до конца слѣдующаго мѣсяца; вотъ движутся они, какъ живые люди, а за плечами у каждаго стоитъ смерть.

... Вдругъ раздался оглушительный гулъ взрыва съ лѣвой стороны двора, гдѣ гуляла 9-ая камера. Весь дворъ наполнился дымомъ. Со звономъ посыпались стекла изъ оконныхъ рамъ. Теплая струя воздуха ударила въ лицо съ такой силой, что я едва устоялъ на ногахъ... И наступила зловѣщая тишина.

Ужасъ наполнилъ тюрьму. Только изъ одной угловой башни тюрьмы можно было видѣть, какъ произошелъ

этотъ взрывъ. Оттуда видѣли, какъ вышедшіе на прогулку арестанты сложили у тюремной стѣны груду матрасовъ; какъ одинъ изъ заключенныхъ, наклонившись надъ матрасами, зажегъ спичку, какъ будто закуривая папироску, и затѣмъ быстрыми шагами отошелъ въ противоположный уголъ загородки; какъ послѣ взрыва бросились арестанты къ стѣнѣ, ожидая найти въ ней широкую брешь къ свободѣ, и какъ замерли они въ отчаяніи, когда разсѣялся дымъ и ясно стало, что сила взрыва оказалась недостаточна, и тюремная стѣна высится передъ ними такъ же безпощадно твердо, какъ раньше.

Все это видно было изъ окна угловой башни. Въ остальныхъ камерахъ видѣли лишь дымъ, внезапно окутавшій тюрьму, да слышали гулъ взрыва, повторенный и усиленный тюремными сводами, и звонъ посыпавшихся изъ оконъ стеколъ.

Чувствуя, что сейчасъ начнется что-то чудовищное, заключенные бросились прятаться. Но куда спрячешься въ каменномъ мѣшкѣ? Забивались подъ нары, подъ койки, тѣснились за выступами печей, укрывались за сброшенными на полъ матрасами. И, затаивъ дыханіе, дрожа отъ страха, ждали... Ждали, что будетъ.

Грянулъ въ тишинѣ тяжелый выстрѣлъ берданки. Прозвучалъ характерный сухой трескъ браунинга. И опять наступила тишина. Прошло нѣсколько секундъ... затѣмъ воздухъ сразу наполнился нестройными звуками выстрѣловъ, стонами, криками... Еще раза 2—3 слышны были выстрѣлы браунинга. Потомъ они смолкли. Теперь гремѣли только берданки да наганы.

Тюремные своды гулко повторяли громъ выстрѣловъ и нельзя было разобрать въ этомъ хаосѣ звуковъ, гдѣ стрѣляютъ. Выстрѣлы гремѣли со всѣхъ сторонъ. Тюрьму обстрѣливали и съ окружающаго ее двора, и съ коридоровъ. Со всѣхъ сторонъ неслись стоны и крики. Стоны боли и

крики ужаса неслись и съ верхняго коридора тюрьмы, и изъ подвальнаго этажа, изъ камеръ, расположенныхъ рядомъ съ больницей, и со двора. И изъ всѣхъ этихъ звуковъ вырывался изступленный, визгливый голосъ Волкова:

— Бей всѣхъ до послѣдняго! Бей всю политику!

Громъ выстрѣловъ, стоны и крики слились въ какую-то чудовищную какофонію. Но всего хуже была неизвѣстность. Кто убитъ? Кто раненъ? Куда и откуда стрѣляютъ? И, несмотря на свистѣвшія въ воздухѣ пули, я не могъ оторваться отъ окна. Склонившись къ подоконнику, плотно прижавшись лицомъ къ нижнимъ прутьямъ рѣшетки, я смотрѣлъ во дворъ.

Дворъ былъ полонъ надзирателей. Они суетились, безъ толку бѣгая взадъ и впередъ, поминутно заряжали свои берданки и револьверы и безостановочно стрѣляли. Стрѣляли въ окна тюрьмы и въ глубину двора, — въ ту сторону, гдѣ гуляла 14-ая камера. Оттуда неслись душу раздирающіе крики.

Сквозь дымъ можно было разглядѣть на желтомъ пескѣ тюремнаго двора нѣсколько труповъ. Но лицъ убитыхъ нельзя было разобрать. Я узналъ только синій пиджакъ политическаго старосты Михаила . . .

Во дворъ ввели двѣ роты солдатъ. Ихъ выстроили около самой конторы. И стояли они тамъ неподвижной массой, не принимая никакого участія въ стрѣльбѣ. Стрѣляли только надзиратели.

Среди суетившихся во дворѣ надзирателей виднѣлось много всякаго начальства, военнаго и гражданскаго. Суетился, кричалъ что-то несуразное и махалъ руками важный и толстый тюремный инспекторъ. Лебезилъ передъ нимъ, непрерывно прикладывая руку къ козырьку, начальникъ нашей тюрьмы, — маленькій, плюгавенькій человѣчекъ съ незначительнымъ краснымъ лицомъ, слезящимися глазами и торчащими, какъ у кота, усами. Какой-то чиновникъ внимательно осматривалъ лежащіе на землѣ трупы, шевеля ихъ тросточкой. Другой чиновникъ, собравъ около себя кучку надзирателей, указывалъ имъ цѣль для стрѣльбы, гдѣ-то въ правомъ концѣ двора, и слѣдилъ за результатомъ стрѣльбы.

И среди всей суматохи громко раздавался срывающійся голосъ Волкова:

— Бей всѣхъ, до послѣдняго!

Вотъ выстрѣлы во дворѣ стали утихать. Надзиратели, одинъ за другимъ, покидали дворъ, заходили въ корпусъ тюрьмы. И пуще грохотали выстрѣлы во внутреннихъ коридорахъ тюремнаго зданія. Крики ужаса и стоны въ камерахъ усилились и слились въ одинъ чудовищный вопль . . .

Къ намъ, въ больничную палату почему-то не стрѣляли. Только въ окно залетѣло нѣсколько шальныхъ пуль.

Наконецъ, ввели во внутренніе коридоры воинскій караулъ. Выстрѣлы прекратились. Начальство военное и гражданское, вслѣдъ за солдатами и надзирателями, вошло въ корпусъ тюрьмы. Дворъ опустѣлъ. Крики стихли. Доносились только со всѣхъ сторонъ слабые стоны.

Такъ продолжалось нѣкоторое время. Затѣмъ на больничномъ коридорѣ началась суматоха. Сюда начали сносить раненыхъ со всей тюрьмы. Сносили сюда и умирающихъ. Съ коридора неслись теперь громкіе стоны, какой-то нечеловѣческій вой и хрипъ.

Опять хуже всего была неизвѣстность. И я подошелъ къ двери, стараясь сквозь узкую прозорку разглядѣть лица товарищей, которыхъ приносили къ намъ на коридоръ. Но прозорка была такъ узка, что невозможно было сквозь нее окинуть взглядомъ весь коридоръ. Къ тому же глубина коридора тонула во мракѣ. Ясно видны были лишь тѣ люди, которые лежали прямо противъ двери нашей палаты.

Прямо противъ меня, на грязномъ асфальтовомъ полу, закинувъ назадъ голову, лежалъ мертвенно блѣдный юноша, почти мальчикъ. Кровь слиплась комками въ его длинныхъ бѣлокурыхъ волосахъ. Глаза были закрыты, бѣлѣла слюна или пѣна въ углахъ рта. Я вздрогнулъ, узнавъ Сашу Ковалева.

Я зналъ исторію этого юноши. Его ждалъ несомнѣнный смертный приговоръ за экспропріацію, въ которой онъ не участвовалъ. Но онъ тщательно скрывалъ это отъ старушки-матери, которая очень часто приходила къ нему на свиданіе. И я слышалъ однажды во время свиданія, какъ, стоя рядомъ со мной у частой желѣзной рѣшетки, отдѣлявшей насъ, арестантовъ, отъ посѣтителей, этотъ юноша веселымъ и беззаботнымъ тономъ увѣрялъ плакавшую передъ нимъ старушку, что арестованъ онъ по ошибкѣ, что слѣдователь обѣщалъ его выпустить не позже Пасхи, что задержка вышла только изъ-за бумагъ и что мать ни въ коемъ случаѣ не должна безпокоить слѣдователя разспросами о сынѣ, такъ какъ это не разрѣшается и слѣдователь можетъ за это продержать его въ тюрьмѣ лишній мѣсяцъ. Старушка и вѣрила, и не вѣрила словамъ своего сына и только повторяла: «Дай Богъ, дай Богъ!» и плакала. И глубоко трогательной показалась мнѣ тогда наивная ложь молодого смертника.

Я живо вспомнилъ эту сцену, когда увидѣлъ передъ собой умирающаго юношу. Грудь его тяжело подымалась и опускалась. Догорала послѣдняя искра молодой жизни.

Къ двери нашей палаты подошла толпа людей. Звякнулъ ключъ въ замкѣ. Дверь отворилась, и чей-то грубый голосъ произнесъ:

— Заходи!

Въ палату ввалилось человѣкъ десять арестантовъ съ узлами бѣлья и свернутыми тюфяками въ рукахъ.

Головы вновь прибывшихъ были повязаны грязными бѣлыми и цвѣтными платками. У иныхъ повязки шли черезъ лобъ, у иныхъ черезъ носъ. И по этимъ повязкамъ, и по краснымъ изъязвленнымъ лицамъ не трудно было узнать въ нихъ сифилитиковъ.

Сложили свои узлы и тюфяки частью на полу, частью на столѣ. И одинъ изъ прибывшихъ, извѣстный среди уголовныхъ воръ Полевой, сказалъ:

— Перегнали сюда насъ... Потому — наша камера теперь подъ раненыхъ пошла.

Онъ подсѣлъ на кровать къ цыгану и спросилъ его, указывая на меня и на Борисова:

— Что? это — политика, небось?

Узнавъ, что мы политическіе, онъ всталъ и подошелъ къ намъ:

— А, политическіе! Черезъ васъ, сукиныхъ дѣтей, тюрьму разстрѣляли! Черезъ васъ сколько народу перебили! А вамъ всего мало. Безъ васъ присяжные мѣсяцы, бывало, давали, а то и «не виновенъ» совсѣмъ. А черезъ васъ, сволочей, военный судъ теперь капку даетъ, да безсрочную! Стервы проклятыя! Погодите, придетъ ужо и вашъ часъ! Отплатятся вамъ наши слезы. Если хоть одного вора сегодня убили или ранили, завтра всѣхъ здѣсь пойдемъ крошить. Такъ начальству и скажемъ: разрѣшите, молъ, ваше благородіе, намъ самимъ съ этой сволочью расправиться! Чтобы, значитъ, своими руками передушить. Мало васъ били! Это вамъ только начало... Завтра вамъ по-настоящему покажемъ.

Полевой повысилъ голосъ почти до крика. Онъ ходилъ по палатѣ, размахивая руками и пересыпая свою рѣчь циничными ругательствами. Сочувственно поддерживали его пришедшіе вмѣстѣ съ нимъ сифилитики съ повязками на головѣ. И ихъ угрозы и безстыдныя ругательства смѣшивались со стонами, доносившимися съ коридора.

II.

Къ вечеру пріѣхалъ въ тюрьму губернаторъ.

Онъ собралъ надзирателей подъ воротами и держалъ имъ длинную рѣчь. Въ отвѣтъ на его рѣчь надзиратели орали: «рады стараться, ваше превосходительство!» и «ура!» Нѣсколько разъ снова и снова гремѣло «ура!» подъ воротами. И эти возгласы были непохожи на обычное надзирательское «ура» въ дни смотровъ и тому подобныхъ торжествъ. Сегодня голоса у всѣхъ были радостно торжествующіе, возбужденные.

Затѣмъ губернаторъ въ сопровожденіи многочисленной свиты прошелъ въ тюрьму. Толпой шли за нимъ надзиратели.

Когда губернаторъ со своей свитой проходилъ мимо нашей палаты, видно было въ прозорку, что лица у всѣхъ сіяющія, радостныя, какъ въ свѣтлый праздникъ.

Губернаторъ обошелъ всю тюрьму и уѣхалъ, когда во дворѣ было уже совсѣмъ темно.

При тускломъ мерцаніи наружныхъ фонарей видно было, какъ шелъ губернаторъ со своей свитой черезъ дворъ, направляясь въ контору. Бѣлѣли смутными пятнами кителя чиновниковъ. А сзади двигалась темная толпа надзирателей. Гулко раздавались въ ночной тишинѣ ихъ тяжелые шаги. И хотя шло ихъ черезъ дворъ около 30 человѣкъ, но въ темнотѣ ихъ толпа казалась гораздо больше.

Видно было, какъ прошла вся толпа черезъ дворъ, уже очищенный отъ труповъ и посыпанный свѣжимъ песочкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были лужи крови. Видно было, какъ скрывались всѣ подъ воротами.

Снова наступила тишина въ разстрѣлянной, полной кроваваго ужаса тюрьмѣ. И такъ неожиданна и такъ безмятежна была эта тишина, что все пережитое за этотъ день начинало казаться тяжелымъ сномъ . . .

Рѣзко прервали тишину какіе-то странные, дикіе звуки. Сперва почудилось, что это крики физической боли. И сознаніе прорѣзала ужасная мысль: добиваютъ раненыхъ...

Прислушался внимательнѣе.

Шумъ шелъ изъ зданія тюремной конторы, всѣ окна которой были сегодня ярко освѣщены. Не то шумѣли подъ воротами, не то — въ расположенной подлѣ самыхъ воротъ надзирательской. Можно было разобрать, что тамъ поютъ . . .

Три деревни, два села,
Восемь дѣвокъ, одинъ я . . .

— оралъ нестройный, пьяный хоръ. И это непохоже было даже на солдатское пѣнье. Это былъ какой-то безобразный, нечеловѣческій вой.

Съ жуткимъ чувствомъ прислушивалась къ этому вою тюрьма.

Вотъ заиграла визгливая гармоника подъ воротами. Въ тактъ гопака мѣрно и сильно ударяли въ землю тяжелые сапоги пляшущихъ. И попрежнему неслась безобразная пѣсня съ присвистомъ и гиканьемъ. И изъ хаоса звуковъ вырывались отдѣльные выкрики спора.

Внезапно шумъ прекратился. Въ наступившей тишинѣ раздавался подъ воротами негромкій, гнусавый голосъ начальника. Нельзя было разобрать начала его рѣчи. Но заключительныя слова отчетливо долетѣли до насъ черезъ дворъ:

— . . . благодаритъ и жертвуетъ еще по рублю на брата за вѣрную службу!

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе! Ура! — гремѣло въ отвѣтъ.

И снова завизжала гармоника, снова полилась пьяная пѣсня, возобновилась опять прерванная рѣчью начальника пьяная пляска. Потомъ кричали «ура!» старшему надзирателю Волкову, какъ главному герою дня. Съ хохотомъ

и крикомъ подбрасывали его на рукахъ. Волковъ отвѣчалъ рѣчью. И отдѣльные выкрики его рѣчи ясно выдѣлялись изъ нестройнаго, пьянаго шума.

— Всѣ за одного! — кричалъ Волковъ. — Теперь на нашей улицѣ праздникъ!.. Своего не упустимъ. Всѣхъ перебьемъ до послѣдняго, а отвѣта съ насъ никакого, окромя благодарности!

Опять кричали «ура!» Еще кого-то подбрасывали на рукахъ въ воздухъ...

Часъ отъ часу болѣе шумнымъ и безудержнымъ становилось веселье подъ воротами. Уже нельзя было разобрать ни пѣсни, ни гармоники, ни топота пляски. Всѣ кричали разомъ. Подъ воротами загорѣлся какой-то пьяный споръ. Нѣсколько разъ казалось, что споръ переходитъ въ драку. Кто-то стучалъ кулаками по запертымъ желѣзнымъ воротамъ, ведущимъ во внутренній дворъ тюрьмы. И лязгъ желѣза покрывалъ всѣ звуки.

Передъ разсвѣтомъ крики подъ воротами стихли. Я заснулъ. Но краткій сонъ не принесъ успокоенія. И во снѣ слышались мнѣ стоны и крики, и во снѣ алѣла кругомъ кровь.

И не меня одного давилъ въ эту ночь кровавый кошмаръ.

III.

Это было начало кошмара, который тянулся затѣмъ долгіе, долгіе мѣсяцы.

Въ 6 часовъ утра началась въ тюрьмѣ повѣрка. Изъ окна нашей палаты видно было, какъ прошла черезъ дворъ въ корпусъ тюрьмы большая толпа надзирателей.

Какъ всегда, повѣрка начиналась съ верхняго, слѣдственнаго коридора.

Съ топотомъ, шумомъ и грубымъ смѣхомъ подымалась толпа надзирателей по лѣстницѣ. Вотъ шумъ шаговъ, голосовъ и смѣха притихъ и совсѣмъ замеръ за глухими стѣнами... Свернули въ боковой коридоръ... Зашли въ какую-то камеру... Вотъ слышны какіе-то крики, тупые удары, вопли, звонъ цѣпей... Все громче, все ближе... Катится что-то тяжелое по лѣстницѣ... Гремитъ желѣзо... По всей тюрьмѣ несется высокое, отчаянное:

— Ой-ой-ой! Убиваютъ!..

Тяжелые, поспѣшные шаги по лѣстницѣ. И уже снизу доносятся тупые удары... Крики все тише, все рѣже. И въ тактъ ударамъ чей-то голосъ приговариваетъ:

— Ты здѣсь покричи-ка, покричи еще, стерва...

И только замерли въ глубинѣ подвальнаго этажа крики и стоны истязуемаго, снова раздались отчаянные вопли на верхнемъ слѣдственномъ коридорѣ. Теперь бьютъ нѣсколькихъ человѣкъ сразу. Слышно, какъ гремятъ цѣпи: значитъ, бьютъ кандальниковъ. Но нельзя узнать по голосу, кого бьютъ. Въ воплях слышится только физическая боль да животный ужасъ. Одинъ голосъ — тонкій, высокій, какъ у ребенка... Скоро этотъ голосъ срывается въ дикомъ воплѣ и умолкаетъ... Чей-то грубый голосъ вопитъ:

— Убейте, палачи, а не мучьте!

Ясно слышенъ визгливый крикъ Волкова:

— Мо-о-олчать! Изо всѣхъ мясо собачье сдѣлаю!

Дикое изступленіе ярости слышится въ этомъ крикѣ.

Снова шумъ на лѣстницѣ... Катится опять что-то тяжелое. Гремитъ о каменныя ступеньки желѣзная цѣпь. Но не слышно на лѣстницѣ ни стоновъ, ни криковъ.

Такъ повторялось разъ 8 или 10. Можетъ быть, больше.

Сжавъ зубы, съ дрожащими руками, съ холоднымъ потомъ на лбу сидѣлъ я на своей койкѣ и слушалъ эти звуки.

Кто не переживалъ этого состоянія, кто не былъ въ

тюрьмѣ во время избіенія заключенныхъ, тотъ не пойметъ, какая мука слышать, какъ въ двухъ шагахъ отъ тебя, за стѣной истязаютъ кого-то, можетъ быть, твоего близкаго товарища, можетъ быть, твоего друга, — слышать крики истязателей, слышать звуки ударовъ, стоны и вопли истязуемой жертвы, слышать, какъ волочатъ по землѣ безчувственное тѣло избитаго, какъ ударяется его тѣло о ступеньки лѣстницы, — слышать все это, и чувствовать, что ты не въ силахъ вмѣшаться, не въ силахъ даже протестовать... Долженъ вотъ такъ сидѣть неподвижно и слушать... Кто не пережилъ этого состоянія, тотъ не пойметъ никогда этой пытки.

Я взглянулъ на товарищей.

Евгеній лежалъ безъ движенія съ закрытыми глазами, съ блѣднымъ, какъ полотно, лицомъ. Сперва я подумалъ, что онъ въ обморокѣ. Подошелъ къ изголовью его койки. Но такая смертная мука была написана на его перекошенномъ лицѣ, что ясно стало, что онъ слышалъ все. Положилъ руку ему на лобъ, хотѣлъ сказать что-нибудь ободряющее, мужественное, но слова не шли съ языка.

Борисовъ сидѣлъ на своей койкѣ, согнувшись, закрывъ лицо обѣими руками. И глубокая горесть, мука безсилія была написана въ его поникшей фигурѣ.

Шло время, безконечно тягучее...

Наконецъ, повѣрка пришла къ намъ, на больничный коридоръ.

Отперли дверь, ввалились въ нашу палату.

Впереди всѣхъ вошелъ Волковъ. Его красное, налитое кровью лицо все передергивалось мелкой дрожью. Прыгали вверхъ и внизъ длинные, пушистые усы. Руки были сжаты въ кулаки. Повидимому, онъ былъ сильно пьянъ. Но держался на ногахъ твердо и грудь выпячивалъ по-военному, впередъ. Изъ надзирателей иные покачивались. Среди красныхъ, потныхъ лицъ выдѣлялось въ ихъ толпѣ

два или три совершенно блѣдныхъ лица съ перепуганными, недоумѣвающими глазами.

Старшій медленно обвелъ насъ тяжелымъ, затуманеннымъ взглядомъ и остановился на Борисовѣ.

— Вотъ этого, — произнесъ онъ тихо и раздѣльно, указывая на Борисова рукой.

И моментально утративъ самообладаніе, взвизгнулъ:

— Бей!

Борисовъ стоялъ у своей койки, высокій и худой, какъ скелетъ, съ побѣлѣвшимъ лицомъ, блѣдность котораго еще больше выдѣлялась благодаря его густой черной бородѣ. Стоялъ онъ неподвижно и больше походилъ на мертвеца, чѣмъ на живого человѣка. Даже обычный чахоточный румянецъ на заострившихся скулахъ его погасъ...

Къ нему подошли два надзирателя: высокій, толстый и грузный Архиповъ и худощавый, черноусый казакъ Лещовъ. Архиповъ взялъ Борисова за плечо и потянулъ къ себѣ. Въ это время Лещовъ, весь изогнувшись, съ размаху ударилъ его кулакомъ по лицу.

Борисовъ покачнулся. На лицѣ выступила кровь. Онъ не крикнулъ, не застоналъ, не пытался защищаться. Только тихо спросилъ:

— За что?

— Молчать, сволочь! Не разговаривать! — загремѣлъ Волковъ.

И опять взвизгнулъ:

— Бей!

Архиповъ вытянулъ арестанта на середину палаты и держалъ его за обѣ руки. Лещовъ и еще два надзирателя били его кулаками по лицу и по головѣ. Волковъ внимательно слѣдилъ за избіеніемъ какъ-то странно, всѣмъ тѣломъ, подаваясь впередъ при каждомъ ударѣ.

Раза два онъ ударилъ Борисова ногой въ животъ. Затѣмъ вытащилъ изъ кобуры блестящій, тяжелый наганъ и

рукояткой его сталъ бить свою жертву по головѣ, по плечамъ.

Борисовъ гнулся подъ ударами и слабо стоналъ. Толпа надзирателей съ интересомъ слѣдила за избіеніемъ. Еще двое или трое выступили впередъ и стали наносить удары своей жертвѣ.

Били молча. Слышались только звуки ударовъ, подавленные стоны Борисова, да Волковъ взвизгивалъ отъ ярости и отъ волненія. А Архиповъ, державшій арестанта, не громко уговаривалъ его:

— Да стой ты! Стой прямо! Тебѣ говорятъ, не вертись!

Потомъ арестанта бросили на полъ и стали бить его ногами.

Наконецъ Волковъ скомандовалъ:

— Будетъ съ него. Тащи стерву въ карцеръ. Тамъ отлежится.

И, обратившись къ намъ, процѣдилъ сквозь зубы свою обычную угрозу:

— Изо всѣхъ васъ мясо собачье сдѣлаю.

Борисова выволокли въ коридоръ. Повѣрка ушла изъ нашей палаты. Съ коридора доносилось хлопанье дверей. Слышно было, что и въ другихъ больничныхъ палатахъ избиваютъ арестантовъ. Одного за другимъ вытаскивали избитыхъ въ коридоръ и волокли въ карцеръ.

Наконецъ, повѣрка ушла съ больничнаго коридора.

Въ нашей палатѣ царила мертвая тишина. Только Полевой громко выругался и сказалъ:

— Вотъ какъ вашего брата . . . Это, что называется. . .

Но никто не поддержалъ его и никто ему не отвѣтилъ. Даже прибывшіе вмѣстѣ съ нимъ сифилитики были подавлены дикой сценой, которая только что разыгралась на ихъ глазахъ . . .

IV.

Въ тюрьмѣ былъ адъ. Каждый день начинался избіеніемъ арестантовъ на утренней повѣркѣ и заканчивался пѣснями и плясками надзирателей подъ воротами послѣ вечерней повѣрки.

Мнѣ тяжело вспоминать эти кошмарные дни. Еще тяжелѣе описывать ихъ. Описывать, какъ били товарищей, какъ оплевывали ихъ, какъ топтали ихъ ногами? Описывать пощечины и удары, которые съ утра до вечера раздавались въ тюрьмѣ? Описывать, какъ стонали подъ ударами истязуемыя жертвы, какъ взвизгивалъ въ дикомъ восторгѣ руководившій избіеніями Волковъ?

Нѣтъ, не нужны эти слишкомъ подробныя описанія . . .

Я былъ еще слабъ послѣ перенесеннаго тифа. Но не хотѣлось дольше оставаться въ больницѣ. Было какое-то безпокойное чувство, что, оставаясь въ больницѣ, я малодушно уклоняюсь отъ того, чтобы раздѣлить съ товарищами, находящимися въ общихъ камерахъ, ихъ участь.

Мучительно стыдно было собственнаго безсилія и казалось, что въ общей камерѣ это чувство исчезнетъ.

Утромъ я обратился къ больничному фельдшеру съ просьбой выписать меня изъ больницы. Тотъ взглянулъ на меня, пощупалъ пульсъ и покачалъ головой:

— Да вѣдь вы еще не поправились. Полежите еще недѣльку . . .

— Нѣтъ, я совершенно здоровъ. Прошу меня выписать.

— Ну, какъ знаете.

Черезъ полчаса меня перевели уже въ 14-ую камеру.

Многое перемѣнилось въ этой камерѣ за время моей болѣзни. Многихъ изъ прежнихъ товарищей уже не было въ живыхъ. Другіе выбыли изъ камеры тяжело раненные. Камера была полна кровавыхъ воспоминаній.

Заключенные были крайне запуганы. Боялись громко разговаривать другъ съ другомъ и шопотомъ перебирали другъ передъ другомъ подробности пережитыхъ дней. Всѣ мысли, всѣ рѣчи вращались вокругъ убійствъ и избіеній. Почти каждый день кого-нибудь брали изъ камеры въ карцеръ и избивали на глазахъ у товарищей. Каждый день на коридорѣ противъ 14-ой камеры происходили истязанія арестантовъ. Кровь не высыхала здѣсь на полу. И кровью былъ пропитанъ здѣсь весь воздухъ.

Я пробылъ въ этой камерѣ около недѣли. И необыкновенно длинными показались мнѣ эти нѣсколько дней.

Наконецъ, дошла очередь до меня.

Въ тюрьмѣ происходила вечерняя повѣрка. Съ повѣркой обходилъ камеры младшій помощникъ начальника тюрьмы. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, очень глупый и самолюбивый, поступившій въ тюрьму изъ околоточныхъ, и потому считавшій себя бывшимъ офицеромъ. Еще до взрыва у него часто выходили недоразумѣнія съ заключенными. Однажды и мнѣ пришлось столкнуться съ нимъ по поводу того, что онъ тайкомъ стащилъ изъ аптеки и выпилъ бутылку вина, переданнаго тяжело больному товарищу. Тогда, до взрыва, бывшему офицеру пришлось промолчать, когда я объяснилъ ему смыслъ совершеннаго имъ поступка.

Теперь онъ пришелъ на повѣрку пьяный, съ краснымъ потнымъ лицомъ, съ осоловѣлыми глазами и гордо выпяченной грудью. Заключенные стояли передъ нимъ неподвижно, выстроившись въ два ряда вдоль стѣны. Онъ медленно обвелъ насъ мутнымъ взглядомъ, разыскивая кого-то. Остановился на мнѣ и крикнулъ:

— А ну-ка, ораторъ, выходи на коридоръ!

Я переспросилъ:

— Вы со мной говорите?

Помощникъ пустилъ непечатное ругательство и повторилъ:

— Тебѣ говорятъ, ораторъ, выходи на коридоръ!

Я выступилъ впередъ, стараясь идти возможно твердо и спокойно. Я зналъ, что сейчасъ меня будутъ бить, что я не буду сопротивляться, и рѣшилъ только не проронить ни звука, не радовать палачей проявленіемъ свой слабости. Чувствовалъ, какъ безобразно унизительна эта сцена. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то необыкновенно отчетливо чувствовалъ, что для меня, какъ для человѣка, эта сцена не болѣе унизительна, чѣмъ тѣ избіенія, при которыхъ я до сихъ поръ присутствовалъ въ качествѣ зрителя.

Я поровнялся съ помощникомъ, не оборачиваясь, прошелъ мимо него и вышелъ на коридоръ.

— Въ карцеръ его! — крикнулъ помощникъ.

Кто-то ударилъ меня по лицу. Слетѣли очки. Я больше не видѣлъ лицъ обступившихъ меня надзирателей. На голову, на плечи, на грудь сыпались удары кулаковъ.

— Пшелъ въ карцеръ! — кричалъ голосъ Волкова.

Но идти я не могъ. Толпа надзирателей сплошнымъ кольцомъ окружила меня. Били спереди и сзади. Итакъ, подвигаясь куда-то впередъ, всей толпой, вели, или толкали, или несли меня по направленію къ карцеру. Крѣпко стиснувъ зубы, я старался только удержаться на ногахъ и сохранить сознаніе. Боли отъ ударовъ почти не чувствовалъ. Скорѣе, слышалъ удары. Чувствовалъ, какъ мотаются изъ стороны въ сторону подъ кулаками надзирателей моя голова и все тѣло.

Какъ будто издалека, изъ-подъ земли долетали до меня ругательства надзирателей и ихъ крики:

— Будешь намъ покоряться!

— Теперь наша взяла. Что захотимъ, то съ вами и сдѣлаемъ.

Передъ какой-то низенькой дверью въ нижнемъ этажѣ

тюрьмы съ меня сорвали все верхнее платье и обувь, оставили въ одномъ бѣльѣ. Снова били, пока одинъ изъ надзирателей отпиралъ дверь. Затѣмъ втолкнули въ дверь и сразу заперли ее за мной.

Кругомъ стало темно, какъ въ могилѣ.

Отъ сильнаго толчка я упалъ. Но подъ руками я почувствовалъ не твердый асфальтъ, а что-то холодное, липкое. Попробовалъ встать и тогда убѣдился, что на земляномъ полу карцера стоитъ глубокая жидкая грязь. Босыя ноги уходили въ эту грязь по щиколотку.

Кругомъ было темно, какъ въ могилѣ, и тихо, какъ въ могилѣ. Я подумалъ, что я одинъ въ карцерѣ. Но меня окликнули.

— Товарищъ новый, гдѣ вы? Отзовитесь!

— Здѣсь, — отозвался я.

— Вы откуда?

— Изъ 14-ой.

— Это васъ только что на коридорѣ били?

— Меня.

— Вы одинъ, или еще кого съ вами привели.

— Нѣтъ, я одинъ.

Вмѣшался новый голосъ:

— Вы на полу еще, товарищъ, или встали?

— Всталъ.

— Такъ присядьте сюда. Здѣсь есть одно сухое мѣстечно у стѣны. Можно отлично сидѣть. Отдохните немного.

— Спасибо, — отвѣчалъ я. — А какъ пройти?

— Подождите, сейчасъ я помогу вамъ.

Загремѣла цѣпь. Кто-то шагнулъ два раза по жидкой грязи и дотронулся до моего плеча. Чья-то рука опустилась вдоль моей руки внизъ, и я почувствовалъ крѣпкое рукопожатіе. Рука моего проводника была маленькая, тонкая и холодная, какъ ледъ.

— Сюда вотъ, сюда вотъ, — повторялъ участливо тотъ же голосъ у меня надъ ухомъ.

Я замѣтилъ, что мой невидимый, закованный въ кандалы, собесѣдникъ ниже меня ростомъ и на немъ грубое арестантское бѣлье.

Онъ помогъ мнѣ усѣсться на сухое мѣсто. Оказалось, что здѣсь уже сидитъ нѣсколько человѣкъ. Кто-то быстро провелъ рукой по моей спинѣ и сказалъ:

— Эге, да вамъ совсѣмъ плохо. Вы весь дрожите. Выпейте воды . . . У насъ есть здѣсь. Съ песочкомъ, но пить можно . . . Вы не вставайте. Я здѣсь всѣ ходы и выходы лучше знаю. Вотъ вамъ ведерко. Пейте.

Вода была вонючая и настолько нечистая, что отъ глотка ея песокъ оставался во рту. Все же нѣсколько глотковъ воды помогли мнѣ справиться съ волненіемъ и съ нервной дрожью.

Началъ разспрашивать своихъ невидимыхъ сосѣдей о томъ, кто они такіе и гдѣ мы находимся.

Оказалось, что мы находимся въ темномъ карцерѣ подъ сѣверной башней тюрьмы. Помѣщеніе наше совершенно круглое, около 4 шаговъ въ поперечникѣ. Кромѣ меня, здѣсь было еще шесть человѣкъ. Двое сидѣли здѣсь уже вторую недѣлю, съ самаго дня взрыва, другіе приведены сюда за послѣдніе дни. Кандальниковъ среди моихъ сосѣдей оказалось четверо, изъ нихъ трое — подслѣдственные, одинъ — уголовный каторжанинъ. Передъ заключеніемъ въ карцеръ избивали всѣхъ до одного. Двоихъ сбросили съ лѣстницы и втолкнули въ карцеръ въ безчувственномъ состояніи.

Таковъ самый общій сводъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ моими новыми сожителями въ первый же вечеръ. А затѣмъ шли подробности: кого за что забрали въ карцеръ, кого какъ били, кто какіе слѣды побоевъ сохранилъ на своемъ тѣлѣ. У одного кровь или какая-то сукровица не-

прерывно сочилась изъ уха и онъ ничего не слышалъ. Другой не могъ поднять руки и жаловался на нестерпимую боль въ плечѣ. У третьяго, сброшеннаго съ лѣстницы, ныла грудь, ему больно было дышать. Четвертый, неистово ругаясь и сквернословя, твердилъ, что у него отбиты всѣ внутренности.

Въ этихъ разговорахъ прошла безконечно длинная ночь, — ночь, которая не имѣла для насъ ни начала, ни конца, такъ какъ въ нашей темной могилѣ не видно было, какъ погасъ день, не видно было и того, какъ занялся разсвѣтъ.

Ныло избитое тѣло. Чувствовалась какая-то болѣзненная слабость. Но всего хуже были непрерывныя головокруженія. И я не могъ опредѣлить, зависятъ ли эти головокруженія отъ ушибовъ головы или отъ нестерпимой духоты. Чувство тошноты могло происходить и отъ той, и отъ другой причины.

Но — странное дѣло! — моральное самочувствіе какъ будто улучшилось. Не было того гнетущаго, гадкаго чувства униженія, которое до сихъ поръ ни на минуту не покидало меня съ того дня, какъ на моихъ глазахъ истязали Борисова, а я молчалъ . . .

Да. Я внимательно разбиралъ всѣ свои чувства и переживанія послѣднихъ дней и меня поразило неожиданное открытіе. Когда били на моихъ глазахъ товарищей, а я смотрѣлъ и молчалъ, чувство униженія было въ тысячи разъ глубже и мучительнѣе, чѣмъ нѣсколько часовъ тому назадъ, когда голова моя безпомощно моталась подъ кулаками надзирателей. Тогда — я своимъ молчаніемъ становился невольнымъ соучастникомъ невѣроятной гнусности. Теперь — меня избили, какъ могъ бы помять меня дикій звѣрь на охотѣ, какъ могъ бы разбиться я о камни при паденіи съ горы. Тогда было глубокое униженіе. Теперь я не находилъ въ себѣ этого чувства.

Прошла ночь. О наступленіи утра мы узнали, когда пришла повѣрка.

— Стань на повѣрку! — прокричалъ на коридорѣ сиплый и громкій голосъ.

Отворилась дверь, и вошли надзиратели. Передній держалъ передъ собой въ вытянутой рукѣ зажженную лампу. Неожиданный свѣтъ рѣзко ударилъ въ глаза, уже привыкшіе къ мраку, и ослѣпилъ ихъ. Маленькая тюремная лампа-коптилка показалась большой и яркой, какъ солнце. Но вдругъ пламя лампы подпрыгнуло вверхъ и потухло. Надзиратели съ шумомъ шарахнулись въ двери. И съ коридора слышенъ былъ голосъ Волкова:

— Оставь дверь открытой. Пусть воздуха найдетъ. А то лампа тухнетъ. Надышали, вонючки проклятые.

Еще много говорилъ старшій за открытой дверью, пересыпая свою рѣчь отборными словечками.

Воздухъ въ нашемъ каменномъ мѣшкѣ стало немного свѣжѣе. Тогда надзиратели снова вошли къ намъ въ карцеръ. На этотъ разъ пламя лампы задрожало, но не потухло. Насъ пересчитали. Одного изъ насъ Архиповъ ударилъ по лицу, промолвивъ:

— Чего сычемъ смотришь, стерва?

Другого Волковъ ткнулъ кулакомъ въ зубы со словами:

— Я до тебя, сволочь, давно добирался.

Затѣмъ повѣрка удалилась. Захлопнулась тяжелая дверь. И снова стало въ нашемъ каменномъ мѣшкѣ темно, тихо и душно, какъ въ могилѣ . . .

V.

Послѣ карцера меня не вернули обратно въ 14-ую камеру, но перевели на верхній коридоръ, въ башню.

Въ башнѣ оказалось насъ всего шесть человѣкъ. Здѣсь сидѣть было спокойнѣе, чѣмъ въ большихъ общихъ ка-

мерахъ. Рѣже заглядывалъ сюда Волковъ. Рѣже приходилось подвергаться оскорбленіямъ и побоямъ.

А между тѣмъ въ остальныхъ камерахъ тюрьмы истязанія шли попрежнему.

Среди надзирателей прошелъ слухъ, что анархисты готовятъ имъ на волѣ кровавую месть за убитыхъ въ тюрьмѣ товарищей. И надзиратели подъ вліяніемъ этого слуха рѣшили принять свои мѣры.

Какъ-то утромъ въ большую слѣдственную камеру вошелъ Волковъ, окруженный Архиповымъ, Лещовымъ и еще 9 или 10 надзирателями, которые отличались особымъ усердіемъ и особой жестокостью по отношенію къ заключеннымъ. Вся толпа остановилась передъ выстроившимися въ два ряда арестантами и старшій началъ рѣчь:

— У васъ на волѣ есть товарищи. Хорошо. Но и у меня есть товарищи. Вотъ моя боевая дружина. Такъ вотъ вы знайте: если тамъ кого изъ насъ хоть пальцемъ тронутъ, мы здѣсь изъ васъ изъ всѣхъ лапшу собачью сдѣлаемъ... Изъ насъ кого одного ваши товарищи, можетъ, и убьютъ. Такъ вамъ всѣмъ тогда каюкъ! Такъ и знайте. У васъ слово, и у насъ тоже слово... Ваши одного, а мы — всѣхъ васъ. Пока въ тюрьму ваши защитники пріѣдутъ, собаки ужь и кости ваши обгложутъ. Пусть и товарищи ваши на волѣ это знаютъ.

Закончивъ свою рѣчь громкимъ циничнымъ ругательствомъ, Волковъ гордо вышелъ изъ камеры, окруженный своей вѣрной дружиной. И эта рѣчь настолько понравилась ему, что на другой день онъ снова повторилъ ее въ двухъ другихъ камерахъ.

Попробовалъ выступить съ рѣчью передъ арестантами и младшій помощникъ начальника. Но у того плохо вышло. Пьянъ ли онъ былъ свыше мѣры или его ораторскій талантъ оказался недостаточенъ, только рѣчь его, начатая въ сильно приподнятомъ тонѣ, оборвалась на третьей фразѣ. Произнесъ онъ дословно слѣдующее:

— Слушайте вы, сволочь! Я смерти не боюсь, а жизнью рисковать не стану. Если меня убьютъ, всѣхъ здѣсь перепуляю...

Закончилъ рѣчь своимъ любимымъ ругательствомъ, постоялъ съ минуту на мѣстѣ, вспоминая, что еще нужно сказать, дернулъ головой вверхъ и вышелъ изъ камеры. Въ тюрьмѣ послѣ этого бывшаго офицера звали не иначе, какъ «помощникъ Перепуляю»...

Пока держались слухи о готовящейся на волѣ мести за пролитую въ тюрьмѣ кровь, избіенія и истязанія заключенныхъ немного утихли. Вѣрнѣе, эти избіенія приняли новый характеръ. Политическихъ — въ особенности болѣе или менѣе видныхъ политическихъ, извѣстныхъ въ тюрьмѣ, — не трогали. Истязали лишь безотвѣтную уголовную шпану, — воришекъ, крестьянъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ по пьяному дѣлу, и тому подобныхъ. Но вскорѣ выяснилась полная неосновательность слуховъ, встревожившихъ тюремную администрацію. Вскорѣ выяснилось, что никакая опасность виновникамъ тюремныхъ убійствъ не угрожаетъ. Тогда бросили мелкую шпану и опять принялись за политику.

Били, пользуясь каждымъ удобнымъ и неудобнымъ поводомъ. А чаще всего ни сами истязатели, ни ихъ жертвы не знали, за что бьютъ. Били, потому что можно было бить, не опасаясь отвѣтственности, и это доставляло особое наслажденіе людямъ, во власть которыхъ была отдана тюрьма съ ея тысячнымъ населеніемъ.

И тюрьма начала привыкать къ постояннымъ избіеніямъ. Да! Къ чему не привыкнетъ человѣкъ! Въ особенности, въ тюрьмѣ. Въ особенности, въ россійской тюрьмѣ. Истязанія вошли въ норму жизни нашей тюрьмы, въ ея Standard of life.

Смертность въ тюрьмѣ была чудовищная. Первое время не рѣдки были случаи сумасшествія. Но у пережившихъ всѣ эти ужасы, видно, нервы притупились и приспособились къ новымъ условіямъ жизни. Это было большимъ счастьемъ для заключенныхъ.

Но плохо было одно. У истязателей тоже притупились нервы. А тамъ какъ въ основѣ тюремныхъ истязаній лежала садическая потребность истязать, то теперь нашимъ палачамъ требовались все болѣе и болѣе сильныя возбужденія. И избіенія принимали, сообразно съ этимъ, все болѣе и болѣе гнусныя формы.

Однажды на коридорѣ противъ нашей башни разыгралась такая сцена.

Утромъ въ тюрьмѣ производился обычный обыскъ. Въ 9-ой камерѣ, расположенной наискось противъ нашей башни, нашли какую-то «нелегальщину» — можетъ быть, слишкомъ широкій поясъ, можетъ быть, носовой платокъ съ цвѣтной каемкой, можетъ быть, металлическую ложку или осколокъ зеркала. Однимъ словомъ, нашли тамъ что-то неразрѣшенное. Слышно было, какъ кричалъ на 9-ую камеру Волковъ, какъ осыпалъ онъ арестантовъ площадной руганью. Затѣмъ все стихло. Камеру заперли. Надзиратели ушли съ коридора.

Казалось, на этомъ дѣло и кончится. Но это случилось въ понедѣльникъ. Это былъ всегда тяжелый день для тюрьмы, такъ какъ надзиратели приходили на службу злые, въ тяжеломъ угарѣ отъ воскреснаго пьянства. Въ этотъ день всегда избивали заключенныхъ съ особенной жестокостью.

Послѣ обѣда надзиратели рѣшили воспользоваться утреннимъ обыскомъ въ 9-ой камерѣ, чтобы устроить себѣ потѣху.

На нашъ коридоръ снова пришла толпа надзирателей человѣкъ въ 20, съ Волковымъ во главѣ. Подошли къ

9-ой камерѣ. Отперли дверь. И Волковъ крикнулъ сурово:

— Выходи на коридоръ по одному! Живо!

Арестанты выбѣжали въ коридоръ. Въ прозорку нашей двери видны были ихъ блѣдныя, растерянныя лица.

— Становись къ стѣнѣ въ рядъ! — кричалъ Волковъ. — Да живо! А то я вамъ покажу!

Звеня цѣпями, выстроились арестанты вдоль стѣны.

— Обыскъ! — продолжалъ командовать старшій. — Раздѣвайся! Все скидай съ себя! Все бросай на полъ!

Арестанты быстро скидывали съ ногъ коты и портянки, сбрасывали на полъ штаны и бушлаты. Остались въ однихъ рубахахъ и кальсонахъ. Надзиратели стояли кругомъ цѣпью и ждали. Никто изъ нихъ не перебиралъ и не обыскивалъ платья арестантовъ, которое грязными кучами лежало на полу.

— Чего стали, сволочь? — заревѣлъ Волковъ. — Вамъ сказано, скидай все! Совсѣмъ раздѣвайся, собаки! Я вамъ покажу.

Арестанты дрожащими руками скидывали съ себя нижнее бѣлье. Обнажились изможденныя, грязныя тѣла, изъѣденныя паразитами. И стояла передъ вооруженной толпой надзирателей эта кучка дрожащихъ, совершенно голыхъ людей. У большинства ноги были скованы толстыми желѣзными цѣпями. Эти цѣпи, не поддерживаемыя ремнями, лежали теперь на полу у ногъ кандальниковъ. И были похожи эти цѣпи на какихъ-то ядовитыхъ, свернувшихся въ клубокъ змѣй, впившихся въ ноги арестантовъ. А арестанты казались совершенно связанными своими кандалами и такими безсильными, жалкими.

Среди надзирателей на коридорѣ произошло движеніе. Человѣкъ 12 выстроились въ двѣ шеренги у дверей 9-ой камеры, такъ что между обѣими шеренгами остался сво-

бодный проходъ въ открытую дверь. Остальные тѣснѣе обступили дрожащихъ нагихъ арестантовъ.

Волковъ — онъ стоялъ прямо противъ нашей башни и я видѣлъ его усмѣхающееся, прыгающее отъ нервной дрожи, налитое кровью лицо — крикнулъ:

— Заходи въ камеру по одному! Все барахло съ собой забирай!

— Пошевеливайся, ну! — прибавилъ Архиповъ, и раздался звукъ тяжелаго удара.

Еще нѣсколько ударовъ, и арестанты побѣжали къ двери своей камеры. Имъ всѣмъ приходилось бѣжать между рядами поджидавшихъ ихъ надзирателей. И, когда первый вступилъ въ проходъ между обѣими шеренгами, въ рукахъ надзирателей оказались ремни... Засвистали удары...

Надзиратели ударами кулаковъ, пинками ноги, ремнями и рукоятками револьверовъ загоняли арестантовъ въ узкій проходъ между выстроившимися у дверей 9-ой камеры истязателями. А здѣсь градъ жестокихъ ударовъ обрушивался на ихъ обнаженныя плечи и спины.

Нѣкоторыхъ кандальниковъ, которые старались пробѣжать быстрѣе черезъ проходъ, ловили сзади за волочившіяся по полу цѣпи. И, когда человѣкъ падалъ на полъ, наступали ему ногой на шею, чтобы онъ не могъ подняться, и осыпали его ударами.

Такъ прогнали сквозь строй всѣхъ 28 арестантовъ 9-ой камеры. И, когда послѣдній избитый арестантъ заскочилъ въ камеру, заперли дверь и съ громкимъ хохотомъ ушли съ коридора.

Эта сцена продолжалась не меньше получаса. Можетъ быть, и цѣлый часъ. И такъ омерзительно гнусна была она, что даже теперь мнѣ приходится дѣлать большое усиліе надъ собой, чтобы описать ее.

Такія сцены не забываются. До сихъ поръ я чувствую

жгучее чувство стыда и негодованія, когда вспоминаю объ этомъ «обыскѣ» 9-ой камеры. А тогда... Тогда я стоялъ у прозорки въ двери. И не могъ оторваться. До крови закусилъ губы, чтобъ сдержать готовый сорваться крикъ, и молча смотрѣлъ и слушалъ. Кровь стучала въ виски и все тѣло дрожало отъ давившаго меня бѣшенства. Хотѣлось крикнуть, сдѣлать что-нибудь, чтобы отвлечь вниманіе палачей, прервать хоть на время ихъ забаву. Но стоялъ молча, прильнувъ къ прозоркѣ, впившись руками въ дверныя перекладины, чтобъ не упасть. Смотрѣлъ и слушалъ. Хотѣлъ уйти, броситься на свою койку, зарыться головой въ подушки, чтобы не видѣть и не слышать того, что происходитъ на коридорѣ. Но было смутное чувство, что я не смѣю этого дѣлать. Какой-то голосъ твердилъ: «Стой здѣсь. Смотри, слушай»...

VI.

Такъ недѣля проходила за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ. А избіенія заключенныхъ въ тюрьмѣ все продолжались.

Много разъ заключенные пытались жаловаться высшему начальству, пріѣзжавшему въ тюрьму. Жаловались на безпричинныя избіенія, которыя съ утра до вечера происходятъ въ тюрьмѣ. Но у начальства былъ одинъ готовый отвѣтъ на всѣ эти жалобы: «Надзиратели не звѣри. Зря бить не станутъ». И послѣ того, какъ высшее начальство уѣзжало изъ тюрьмы, надзиратели вызывали жалобщиковъ на коридоръ и принимались наглядно доказывать, что они не звѣри.

Родственники заключенныхъ напрасно обивали пороги у прокурора и губернатора, напрасно плакали у нихъ въ пріемной, разсказывая объ ужасахъ, которые творятся въ тюрьмѣ. Высшіе хранители законности въ губерніи холодно замѣчали имъ: «За тюрьмой мы сами слѣдимъ. У

васъ ложныя свѣдѣнія. По предпринятымъ разслѣдованіямъ, всѣ поступавшія до сихъ поръ жалобы на тюремныя избіенія оказывались ложными».

И избіенія продолжались.

Прошло ужъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взрыва. По прежнему во главѣ истязателей оставались Волковъ, Архиповъ и Лещовъ. Но выдвинулись изъ среды надзирателей и новыя силы.

Выдѣлялся жестокостью одинъ изъ надзирателей, высокій и здоровый хохолъ Зайченко. Стоялъ онъ у насъ на коридорѣ. Но, если нужно было бить кого-нибудь, Волковъ бралъ его съ собой и на другіе коридоры тюрьмы. Съ того дня, какъ сталъ онъ дежурнымъ на нашъ коридоръ, большимъ камерамъ не стало житья отъ него. Только башенъ Зайченко почему-то не трогалъ. Но въ избіеніи остальныхъ арестантовъ онъ проявлялъ необыкновенную жестокость.

Какъ-то пришелъ онъ на коридоръ совершенно пьяный, съ какимъ-то сѣрымъ перекошеннымъ лицомъ, съ безумными злыми глазами. Долго ходилъ онъ по коридору, шаркая ногами по асфальту, мрачно сжимая голову обѣими руками и громко ругаясь.

Затѣмъ онъ взялъ изъ угла метлу, сорвалъ съ палки вѣникъ и отбросилъ его ногой въ уголъ, а палкой сталъ махать надъ головой, такъ что она свистѣла въ воздухѣ.

Мы смотрѣли на это, какъ на обыкновенныя выходки пьянаго, который не знаетъ, что дѣлать.

Отошелъ обѣдъ и арестантовъ стали выпускать на оправку. Выпускали по 5 человѣкъ сперва изъ одной камеры, потомъ изъ слѣдующей и т. д. И вереницей по 5 человѣкъ проходили арестанты мимо нашей двери въ уборную, которая помѣщалась въ концѣ коридора, прямо противъ нашей башни.

Въ уборную прошла первая партія изъ 5 человѣкъ.

Зайченко сталъ у двери уборной, спрятавъ палку отъ метлы за спиной.

Вотъ арестанты выходятъ изъ уборной, бѣгомъ возвращаясь въ свою камеру. Зайченко стоитъ неподвижно, прижавшись къ стѣнѣ. Но, когда бѣжавшій спереди арестантъ поровнялся съ нимъ, онъ поднялъ палку и изо всей силы ударилъ его, такъ что тотъ со стономъ упалъ.

— Скорѣй пошевеливайся! — кричалъ Зайченко.

И съ громкимъ хохотомъ онъ гнался за бѣгущими по коридору арестантами и билъ ихъ палкой.

Такъ же избилъ онъ и слѣдующихъ 5 арестантовъ, пробѣжавшихъ въ уборную. На шумъ прибѣжали на нашъ коридоръ еще три или четыре надзирателя. Они громко смѣялись выдумкѣ Зайченка и пуще подзадоривали его шутками.

Когда дошла очередь до слѣдующей камеры, заключенные отказались выходить на оправку. Это прервало забаву Зайченка. И тогда надзиратели гурьбой подошли къ двери заупрямившейся камеры. Слышно было, какъ неистово ругались они, а одинъ изъ нихъ уговаривалъ арестантовъ:

— Чего зря ломаетесь? Вѣдь пойдете? Вотъ ужо старшій придетъ, бока всѣмъ поломаетъ. Выходи! Чего сталъ?

Зайченко побѣжалъ за старшимъ. И черезъ нѣсколько минутъ на коридорѣ гремѣлъ уже голосъ Волкова. Выхвативъ свой наганъ, съ налитыми кровью глазами стоялъ старшій въ дверяхъ непокорной камеры.

— Бунтовать вздумали, стервы! — кричалъ онъ и его крикъ переходилъ временами въ какой-то визгъ. — Всѣхъ перестрѣляю... Пойло собачье изъ васъ сдѣлаю... Кто здѣсь зачинщикъ? Вамъ говорятъ, сволочь поганая, выдавай зачинщика сію минуту! А то плохо будетъ. Всѣхъ

сгною, падаль! Сейчасъ стрѣлять буду. Говори, кто первый бунтовать началъ? Кто выходитъ не хотѣлъ?

Зачинщикъ нашелся. Его долго и жестоко били на коридорѣ. Затѣмъ поволокли въ карцеръ... И снова старшій кричалъ изступленнымъ голосомъ:

— Выходи на оправку! Дежурный! Если здѣсь хоть одна собака заупрямится, если хоть одна стерва здѣсь бунтовать вздумаетъ, ты тутъ словъ не теряй, а стрѣляй разомъ. Я уже прибѣгу. Я къ этимъ стервамъ давно подбираюсь.

И старшій ушелъ съ коридора. Зайченко поднялъ съ полу оброненную во время суматохи палку отъ метлы и сталъ съ нею наготовѣ у двери уборной.

Оправка возобновилась. А вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилась и потѣха надзирателей.

Такъ чудовищна, такъ гнусна была эта потѣха, что, не смотря на пріобрѣтенную въ тюрьмѣ привычку ко всему относиться хладнокровно, я не могъ владѣть собою. Рыданія безсильнаго негодованія душили меня.

Въ двухъ шагахъ отъ меня озвѣрѣвшій отъ водки человѣкъ для собственнаго удовольствія и для потѣхи своихъ товарищей бьетъ палкой по головамъ и по спинамъ заключенныхъ, которые вереницей пробѣгаютъ мимо него. А эти заключенные, молодые и старики, уголовные и политическіе, осужденные и подслѣдственные, поочереди выбѣгаютъ на коридоръ подъ палочные удары. Выбѣгаютъ, такъ какъ намѣреніе уклониться отъ этихъ ударовъ разсматривается, какъ бунтъ, и за это имъ грозитъ смерть...

Въ двухъ шагахъ отъ меня происходитъ все это. И я долженъ молчать!

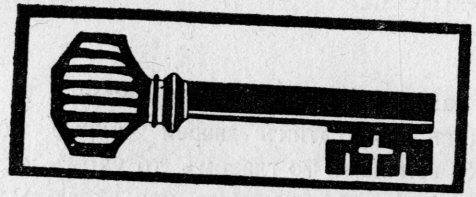
Долженъ молчать. Ибо что я могу сдѣлать? Крикнуть Зайченку и Волкову, что они палачи, звѣри? Не лучше ли ужъ за одно попытаться объяснить имъ, что они превышаютъ свою власть, что по закону бить арестантовъ разрѣшается лишь при опредѣленныхъ условіяхъ, только по опредѣленному мѣсту и не иначе, какъ розгами утвержденнаго образца?

Или пытаться протестовать иначе? Но какъ же, какъ?.. Если бы хоть самоубійство было дѣйствительнымъ средствомъ протеста!..

Я воскресилъ въ памяти нѣкоторые пережитые въ тюрьмѣ моменты. И воспоминанія о нихъ оказались для меня мучительнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Раскрылись старыя душевныя раны. Видно, я все же не могъ быть въ тюрьмѣ только наблюдателемъ. А если это были наблюденія, все же слишкомъ глубокій слѣдъ оставили они въ душѣ.

О многомъ не хотѣлось писать. О многомъ писать было больно и стыдно. И все же я воскресилъ въ памяти эти картины. Мнѣ казалось, что я долженъ былъ сдѣлать это ради памяти замученныхъ въ тюрьмахъ товарищей.

За желѣзной рѣшеткой.



I.

Въ башнѣ.

Даже въ самые яркіе солнечные дни въ нашей башнѣ царилъ полумракъ, и воздухъ оставался въ ней сырымъ и затхлымъ даже тогда, когда во дворѣ земля трескалась отъ жары. Толстыя каменныя стѣны, покрытыя узорами желтовато-зеленой плѣсени; неровный асфальтовый полъ; небольшое венеціанское окно, вдоль и поперекъ исчирканное безобразными черными полосами желѣза... Подъ окномъ узкій и пыльный тюремный дворъ. За нимъ — высокая кирпичная стѣна, крытая листами желѣза и оплетенная колючей проволокой. Эта вѣчно стоящая передъ глазами стѣна — мертвая лѣтопись тюрьмы: на нижнихъ кирпичахъ ея мелькаютъ выцарапанныя гвоздемъ имена людей, когда-то сидѣвшихъ въ нашей тюрьмѣ; надъ многими именами кресты, — это имена повѣшенныхъ; а верхніе кирпичи стѣны испещрены слѣдами ружейныхъ и револьверныхъ пуль, — это память о происходившихъ въ тюрьмѣ разстрѣлахъ... Передъ стѣной подъ окномъ днемъ и ночью маячитъ взадъ и впередъ часовой съ примкнутымъ къ берданкѣ штыкомъ... За тяжелой, потемнѣвшей отъ времени и отъ грязи, избитой и изрѣзанной дверью — безконечный тюремный коридоръ. По обѣимъ сторонамъ его тянутся двери, обитыя желѣзомъ, тяжелыя и темныя двери, — точь-въ-точь такія же, какъ дверь нашей башни, съ такими же запорами и замками, съ та-

кими же маленькими оконцами-волчками. И днемъ и ночью ходятъ вдоль этихъ дверей хмурые тюремщики, припадая къ волчкамъ то глазомъ, то ухомъ и съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдя за тѣмъ, что дѣлаютъ въ своихъ каменныхъ мѣшкахъ узники...

Однообразной чередой тянулись дни въ нашей башнѣ. И хотя по внѣшнему виду наша башня напоминала немного романтическія круглыя башни старыхъ замковъ, однако жизнь въ ней была совершенно чужда романтическихъ ужасовъ.

Въ тюрьмѣ разыгрывались мучительно тяжелыя драмы, въ ней гибло не мало сильныхъ и яркихъ жизней, смерть неустанно косила въ ней свои жертвы. Но все совершалось въ тюрьмѣ какъ то тускло, незамѣтно. Казалось, будто холодная плѣсень, окутавшая стѣны тюремныхъ камеръ, съѣдала яркость и напряженность всего, что происходило въ этихъ стѣнахъ. Тускнѣли всѣ чувства. Стирались всѣ цѣнности жизни. Умъ привыкалъ къ тому, что жизнь человѣка, только вчера достигшаго расцвѣта своихъ силъ, обрывалась безъ шума, какъ рвется гнилая нитка. Къ чудовищнымъ вещамъ, мимо которыхъ на волѣ мы не прошли бы молча, къ безобразнѣйшимъ насиліямъ привыкали мы въ тюрьмѣ. И кровь, пропитавшая полъ и стѣны и весь воздухъ тюрьмы, казалась уже не алой, а сѣрой и холодной, какъ окутавшая тюрьму своими узорами плѣсень...

Впрочемъ, въ башнѣ, куда меня привели въ началѣ 1909-го года, жилось нѣсколько лучше, чѣмъ въ другихъ камерахъ тюрьмы. Кромѣ башенъ, всѣ остальныя камеры были очень обширны: при постройкѣ онѣ были разсчитаны на 20—40 арестантовъ. Но въ виду переполненія тюрьмы, въ эти камеры набивали, бывало, по 100—150 человѣкъ сразу, такъ что не только на нарахъ, но и на полу не хватало мѣста для спящихъ, и заключенные испытывали мучительныя головокруженія изъ-за недостатка воздуха. А въ башняхъ число заключенныхъ не подымалось выше 10, такъ что мѣста и воздуха хватало. Кромѣ того, въ большихъ камерахъ (кромѣ одной только седьмой слѣдственной) политическіе тонули въ морѣ уголовныхъ, которые, благодаря своему численному преобладанію, задавали, такъ сказать, тонъ камерной жизни. А въ нашей башнѣ сидѣли только политическіе.

Наша жизнь протекала, сравнительно, спокойно, — безъ всякихъ рѣзкихъ потрясеній. Но жили мы, какъ дикари, — оторванные отъ міра, не зная ничего о томъ, что творится на волѣ, за тюремными стѣнами, утрачивая мало-по-малу тѣ жизненные интересы, которые наполняли наше существованіе до тюрьмы. Ничего не дѣлали; иной разъ цѣлыми днями ни о чемъ не думали. Ходили взадъ и впередъ по своей башнѣ — отъ окна къ двери, отъ двери къ окну, и снова отъ окна къ двери — или лежали молча и неподвижно на койкахъ и слѣдили за тѣмъ, какъ медленно и тягуче ползутъ часы и минуты...

Часто мысль моя возвращалась къ тому, что прошло предъ моими глазами въ тюрьмѣ въ эти годы. Вставали непрерывной чередой картины — одна мрачнѣе и уродливѣй другой. Незамѣтно, безшумно гибли люди. Гибли не только физически, въ смыслѣ прекращенія жизни, но гибли и нравственно, въ смыслѣ постепеннаго разложенія и разрушенія личности. Я видѣлъ десятки и сотни людей, которые вступали подъ тюремные своды сильными и смѣлыми, съ гордо поднятой головой, а черезъ нѣсколько лѣтъ выходили изъ тюрьмы сломленные гнетомъ желѣзной рѣшетки, нравственно павшіе, или же выходили, сохранивъ прежнюю вѣру въ идеалы, но получивъ такую аберрацію мысли, которая дѣлала ихъ непригодными для дальнѣйшей жизненной борьбы. Это — обычныя будничныя драмы тюрьмы. Мы привыкли къ нимъ и всегда оди-

наково объясняли ихъ дѣйствіемъ особыхъ условій тюремнаго заключенія...

Но вотъ, условія моего существованія измѣнились настолько, что я получилъ возможность слѣдить за газетами и смогъ ознакомиться съ тѣмъ, какъ протекала за эти годы духовная жизнь Россіи тамъ, за тюремными стѣнами, на волѣ. И что же? въ явленіяхъ духовной жизни страны на каждомъ шагу узнаю я тѣ явленія, которыя раньше представлялись мнѣ исключительно лишь порожденіемъ тюремной обстановки. По мѣрѣ того, какъ знакомился я съ печальными проявленіями духовной жизни въ Россіи за послѣдніе годы, все больше и больше я убѣждался въ томъ, что жизнь на волѣ не такъ уже рѣзко отличалась за все это время отъ нашей жизни въ тюрьмѣ.

Можетъ быть, въ тюремной жизни просто отражались тѣ волны, которыя бороздили за эти годы житейское море за тюремными стѣнами? Отчасти было и это. Вѣдь всѣ мы, приходя въ тюрьму, приносили съ собою частичку общественныхъ настроеній, господствовавшихъ въ моментъ нашего ареста на волѣ. И всѣ измѣненія обстоятельствъ на волѣ немедленно отражались на услвіяхъ нашего существованія въ тюрьмѣ: свободнѣе становилось дышать на волѣ, — сразу сказывалось это облегченіемъ нашего режима; увеличивался «прижимъ» на волѣ, — сразу въ камерахъ начиналось переполненіе отъ вновь прибывавшихъ арестантовъ, а начальство становилось строже, грубѣе и заносчивѣе. Волны общественнаго подъема и упадка, словъ нѣтъ, доходили до насъ.

Но врядъ ли всѣ эти явленія тюремной жизни можно объяснить простымъ отраженіемъ того, что происходитъ на волѣ. Въ этомъ параллелизмѣ тюремныхъ и внѣтюремныхъ явленій упадка и разложенія проявляется нѣчто большее.

Мы приносили съ собою, приходя въ тюрьму, частички настроеній, господствовавшихъ въ обществѣ въ моментъ нашего ареста. Это были сѣмена, которыя въ дальнѣйшемъ могли заглохнуть, могли и развиться въ томъ или другомъ направленіи, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. А «внѣшнія условія» у насъ были обычныя, тюремныя: каменныя стѣны, желѣзныя рѣшетки, тяжелые замки, да звонкія цѣпи. Мы были къ самой землѣ придавлены гнетомъ «желѣзной рѣшетки». Но вѣдь та же «желѣзная рѣшетка» безпощадно давила въ эти годы и всю рускую жизнь. Развѣ только *наши* шаги загораживали каменныя стѣны? Развѣ только *нашъ* слухъ днемъ и ночью терзали нестройные звуки бряцающихъ цѣпей?

Въ годы реакціи, подавляющей всякое движеніе свободной мысли, каждое стремленіе вольнаго духа, вся жизнь становится подобна тюрьмѣ. И въ вольной жизни естественно развиваются тогда тѣ же самыя уродливыя теченія, которыя характерны для душной тюремной атмосферы.

Въ это время тюрьма, дѣйствительно, была наиболѣе яркимъ, наиболѣе полнымъ выраженіемъ своеобразныхъ условій русской дѣйствительности.

Извѣстныя психологическія измѣненія, зависѣвшія отъ гнета желѣзной рѣшетки, происходили въ эти годы повсюду, — и на волѣ, и въ тюрьмѣ. Но на волѣ они происходили сравнительно медленно, и рѣзкость ихъ скрадывалась множествомъ привходящихъ побочныхъ обстоятельствъ. А въ тюрьмѣ, гдѣ острые прутья желѣзной рѣшетки впивались въ тѣло людей всего глубже, всего болѣзненнѣе, въ тюрьмѣ эти процессы происходили въ наиболѣе удобной для наблюденія формѣ.

Поэтому и хочу я подѣлиться съ читателями кое-какими наблюденіями, сдѣланными мною въ тюрьмѣ.

II.

Романтика кулака.

Въ какія бы условія ни былъ поставленъ человѣкъ, онъ не можетъ жить одной только окружающей его дѣйствительностью. Ему нуженъ еще другой міръ, міръ образовъ, въ которомъ могъ бы отдохнуть его умъ, въ которомъ душа его могла бы найти пріютъ и убѣжище отъ угнетающихъ ее заботъ и волненій. И человѣкъ создаетъ себѣ этотъ міръ, основывая его или на пріукрашенныхъ воспоминаніяхъ о минувшемъ, или на своихъ мечтахъ о будущемъ, или на своемъ смутномъ представленіи о чемъ-либо далекомъ, для него недостижимомъ.

Безъ работы фантазіи, безъ этого міра образовъ слишкомъ тяжело было бы жить на свѣтѣ. Отсюда — вѣчные элементы романтики въ созданіяхъ человѣческой мысли.

Не только у каждаго народа въ каждую эпоху исторіи, но и у каждаго общественнаго класса, у каждой замкнутой группы людей имѣется своя романтика. Горькій показалъ намъ романтику, которую создаютъ себѣ люди на днѣ жизни. Но десятки и сотни тысячъ людей живутъ въ условіяхъ, заставляющихъ ихъ съ тоской мечтать о жизни обитателей горьковскаго дна. Я говорю о тюремномъ мірѣ и о романтикѣ, создаваемой имъ.

Да, у тюрьмы имѣются свои герои, свои преданія, свои легенды. Правда, эти преданія и легенды никѣмъ не записаны и врядъ ли когда будутъ записаны. Они передаются изъ устъ въ уста въ безконечныхъ арестантскихъ бесѣдахъ, въ которыхъ невозможно правду отличить отъ вымысла, невольныя преувеличенія отъ сознательныхъ поэтическихъ прикрасъ.

По этимъ безконечнымъ разговорамъ и приходится

изучать ихъ. Однако, говоря о романтикѣ, созданной тюрьмой, я долженъ сперва пояснить, о *какой* тюрьмѣ будетъ идти у меня рѣчь.

Я, прежде всего, отбрасываю въ сторону тѣхъ узниковъ, для которыхъ пребываніе въ тюрьмѣ является лишь непріятной случайностью, мимолетнымъ эпизодомъ. Административно высылаемый студентъ или рабочій, съ одной стороны, проворовавшійся интендантъ съ другой, только проходятъ черезъ тюрьму, не сживаясь съ нею и не испытывая на себѣ всѣхъ ея вліяній. А иные люди, даже цѣлые годы живя въ тюрьмѣ, умѣютъ все же жить настолько замкнуто, что переживанія ихъ остаются для окружающихъ таинственной книгой за семью печатями: никто не знаетъ, о чемъ думаютъ, о чемъ мечтаютъ они, сидя неподвижно цѣлыми часами, уставивъ глаза въ одну точку; а они какъ бы не видятъ и не слышатъ происходящаго вокругъ нихъ; машинально встаютъ по утрамъ, занимаютъ свое мѣсто на повѣркѣ, выходятъ на прогулку, подставляютъ свой бачокъ подъ баланду, дѣлаютъ все, какъ другіе заключенные; но дѣлаютъ все, какъ бы безсознательно, продолжая думать о чемъ-то своемъ, далекомъ, безконечно далекомъ.

Я не говорю объ этихъ обитателяхъ тюрьмы. Не говорю я и о тѣхъ арестованныхъ или осужденныхъ «за покушеніе на подозрѣніе», для которыхъ вся жизнь въ тюрьмѣ сводится къ плачу и воздыханіямъ. Мои наблюденія касаются лишь главнаго, основного контингента тюрьмы, распадающагося на *политическихъ* и *уголовныхъ*.

Политическіе и уголовные постоянно сталкивались въ русскихъ тюрьмахъ, какъ два потока, берущихъ начало въ прямо противоположныхъ областяхъ жизни. Это были раньше два различныхъ міра. Тѣ и другіе приносили съ собою въ тюрьму свои взгляды, свое міровоззрѣніе, свою романтику. У тѣхъ и у другихъ были свои воспоминанія

и традиціи, свои мечты и надежды. Между ними лежала цѣлая пропасть.

Но за послѣдніе годы положеніе дѣлъ въ тюрьмахъ рѣзко перемѣнилось.

Измѣнился составъ «политики». Въ тюрьмы нахлынули рабочіе-массовики, «сочувствовавшіе» на волѣ соціалистическимъ партіямъ. Явились «повстанцы» 1905 года, захваченные волной общественнаго подъема и не успѣвшіе оглянуться, какъ за ними захлопнулись тяжелыя ворота тюрьмы. Пришли солдаты и матросы — участники «возстаній», политическое значеніе которыхъ было для нихъ темно и недоступно. Народился новый типъ «экспропріатора», считающаго себя революціонеромъ, но стоящаго и по своимъ взглядамъ, и по своимъ дѣйствіямъ ближе всего къ заправскимъ уголовнымъ грабителямъ.

Все это не могло не повліять на отношенія, существующія въ тюрьмѣ между политическими и уголовными. Лежавшая между ними глубокая пропасть оказалась наполовину заполненной. Но все же сліянія между политическими и уголовными не произошло.

Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ всѣ эти годы политическіе оставались отдѣленными отъ уголовныхъ. Каждая группа жила своей жизнью, совершенно не похожей на жизнь другой группы. При этихъ условіяхъ среди тюремнаго населенія не создавалось единаго общаго настроенія, не складывалось единой общей традиціи. И уголовный, попавшій случайно въ среду политическихъ, чувствовалъ себя такъ же неловко, какъ и политикъ, попавшій въ уголовную камеру.

Но въ большинствѣ тюремъ начальство не допускало отдѣленія политическихъ отъ уголовныхъ. Тюремщики считали опаснымъ объединеніе политиковъ. Строптивость политическихъ они думали сломить путемъ «растворенія» политиковъ въ массѣ уголовныхъ. И, примѣняя эту

тактику, тюремщики отлично сознавали, что они дѣлаютъ: за эти годы ни отъ чего не пришлось политическимъ заключеннымъ перенести столько нравственныхъ страданій, какъ отъ этого насильственнаго смѣшенія ихъ съ уголовными. Никакія строгости тюремнаго режима не могли бы создать для заключеннаго такого ада, какой получался отъ вынужденнаго тѣснаго сожительства ненавидящихъ и не понимающихъ другъ друга людей. Во многихъ тюрьмахъ дѣло доходило до дракъ, до ножовщины, до убійствъ. Во многихъ тюрьмахъ политическимъ приходилось днемъ и ночью быть насторожѣ и постоянно имѣть наготовѣ ножи или острые осколки камней, такъ какъ въ любой моментъ они должны были ожидать нападенія со стороны превосходящихъ ихъ численностью уголовныхъ . . .

Но я не буду останавливаться на всѣхъ этихъ явленіяхъ: они не относятся непосредственно къ интересующему насъ вопросу о вліяніи желѣзной рѣшетки на людей.

Какъ бы то ни было, во многихъ тюрьмахъ начальство добилось своего: политиковъ удалось растворить въ массѣ уголовныхъ. И сколько ни выходило при этомъ столкновеній среди арестантовъ, сколько ни разыгрывалось кровопролитныхъ драмъ, все же при продолжительной совмѣстной жизни политическихъ и уголовныхъ рано или поздно грань между ними начинала стираться, создавалось общее арестантское настроеніе, вырабатывалась нѣкоторая общность взглядовъ, нѣкоторая общность оцѣнокъ. Совершалось необходимое приспособленіе психики людей къ требованіямъ окружающихъ обстоятельствъ. Конечно, приспособлялись не всѣ. Но жизнь не приспособившихся проходила въ непрерывныхъ страданіяхъ. А приспособившіеся жили сравнительно спокойно: для нихъ уже не существовало тѣхъ нравственныхъ мукъ, которыя угнетали ихъ товарищей, сохранившихъ въ неприкосновенности свои старые, «дотюремные» взгляды и убѣжденія.

Специфическая тюремная романтика, романтика кулака, развивалась-расцвѣтала именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ произошло это приспособленіе, и сложилось, сообразно съ этимъ, единое арестантское настроеніе политическихъ и уголовныхъ. Такія условія были, между прочимъ, и въ N—ской тюрьмѣ, гдѣ сидѣлъ я два съ половиной года; часть этого времени — до перевода въ башню — мнѣ пришлось сидѣть въ общихъ камерахъ съ смѣшаннымъ составомъ заключенныхъ, и я могъ вблизи наблюдать процессъ ассимиляціи политическихъ и уголовныхъ.

Уродливую, тяжелую картину представлялъ этотъ процессъ: здѣсь сталкивались двѣ культуры, два міропониманія. И высшая культура постепенно стиралась, разсыпалась, поглощалась низшей. Уголовные почти ничего не перенимали отъ политиковъ, если не считать отдѣльныхъ ходячихъ словечекъ — «коллега», «товарищъ», «сознательность», «провокація». А массовики-политики, наоборотъ, быстро эволюціонировали, усваивая безобразный жаргонъ уголовныхъ, ихъ понятія объ арестантской чести, ихъ правила товарищескаго общежитія, ихъ разнузданность выраженій, ихъ пѣсни, ихъ взглядъ на женщину, ихъ идеалы, ихъ романтику.

Сперва меня удивляло это явленіе, и я не могъ подыскать удовлетворительнаго объясненія ему. Низшая культура при извѣстныхъ условіяхъ поглощаетъ высшую... Эти ассимилировавшіеся съ уголовными массовики-политики и прежде, на волѣ, стояли недалеко отъ уголовныхъ по своимъ взглядамъ и по своему развитію... Революціонная идеологія была у этихъ людей лишь поверхностнымъ налетомъ, который легко соскочилъ подъ давленіемъ ухудшившихся обстоятельствъ... Все это совершенно вѣрно. Но всего этого было недостаточно для объясненія происходившаго на нашихъ глазахъ явленія.

Позже у меня сложилось такое представленіе о немъ:

Здѣсь столкнулись въ тюрьмѣ двѣ культуры, двѣ идеологіи. Одна — созданная людьми политической борьбы и, слѣдовательно, приспособленная къ запросамъ и требованіямъ этой борьбы. Другая — созданная профессіональными ворами, рыцарями ножа и отмычки, созданная постоянными обитателями тюрьмы и какъ нельзя полнѣе приспособленная къ требованіямъ тюремной рѣшетки. Да, вся «блатная» [1]) арестантская культура является порожденіемъ желѣзной рѣшетки, идеологіей тюрьмы, какъ таковой. И именно поэтому въ тюрьмѣ она должна была побѣдить идеологію, которую принесли съ собою съ воли недостаточно крѣпкіе духомъ, недостаточно закаленные массовики-политики.

Въ этомъ столкновеніи двухъ міровоззрѣній на сторонѣ одного была логика условій тюремной жизни. И потому оно должно было побѣдить.

Въ общихъ камерахъ, гдѣ начальство предусмотрительно смѣшало политиковъ съ уголовными, трудно было вести съ товарищемъ разговоръ на политическую тему. Только политики, пользовавшіеся почему-либо особымъ уваженіемъ среди уголовныхъ, могли говорить въ камерѣ свободно и громко. Вообще же къ разговорамъ на политическія темы въ общихъ камерахъ уголовные относились подозрительно и враждебно. И нерѣдко самая невинная бесѣда между двумя политиками становилась для уголовныхъ предлогомъ къ тому, чтобы устроить политическимъ грубый и громкій скандалъ.

Однажды въ большой общей камерѣ мнѣ пришлось наблюдать такую сцену.

Два политика, сидя въ уголку на нарахъ, бесѣдуютъ о чемъ-то вполголоса. Молодой кандальщикъ-каторжанинъ съ блѣднымъ интеллигентнымъ лицомъ объясняетъ что-то

[1]) На тюремномъ жаргонѣ „блатной“ значитъ „свой братъ, уголовный“, „воръ“.

бородатому старику-крестьянину, а тотъ внимательно слушаетъ его, вставляя время отъ времени въ его рѣчь то вопросы, то замѣчанія. Изъ сосѣдей по нарамъ двое или трое съ интересомъ слѣдятъ за этимъ разговоромъ.

Проходитъ мимо нихъ, гремя кандалами, высокій, худощавый дѣтина съ мрачнымъ, смуглымъ лицомъ и широкимъ краснымъ шрамомъ черезъ лобъ. Широкій лакированный поясъ, подкандальники изъ мягкой простеганной кожи, бѣлая «собственная» рубаха, походка увѣренная и твердая. Это одинъ изъ видныхъ тюремныхъ ивановъ[1]), рецидивистъ Степка, ненавистникъ политики и постоянный застрѣльщикъ въ столкновеніяхъ уголовныхъ съ политическими.

Замѣтивъ бесѣдующихъ, онъ остановился противъ нихъ, прислушался къ разговору, и затѣмъ, пододвинувшись вплотную къ молодому кандальщику съ интеллигентнымъ лицомъ, сквозь зубы бросилъ ему:

— Что? опять свою волынку завели? Мало вамъ было на волѣ агитаціей заниматься? Сюда за тѣмъ же пріѣхалъ? Смотри ты, — и онъ пустилъ длинное непечатное ругательство.

Молодой кандальщикъ взглянулъ на него и, съ трудомъ сдерживая свое негодованіе, произнесъ:

— Я вамъ не мѣшаю разговаривать, о чемъ вамъ вздумается, и вообще въ ваши дѣла не вмѣшиваюсь. Такъ и вамъ нечего вмѣшиваться въ наши дѣла! А спрашивать васъ, о чемъ говорить, о чемъ не говорить, я не намѣренъ! Такъ и знайте...

— Не намѣренъ? Ахъ, ты, студентъ... — Степка опять непечатно выругался, — черезъ ваши разговоры

[1]) „Иванами" въ тюрьмѣ называются особенно вліятельные уголовные, по большей части рецидивисты, помыкающіе остальной массой арестантовъ.

тюрьму завинтили[1]), а они здѣсь еще свои порядки устанавливать будутъ!.. Что ты тутъ затѣялъ? хочешь, чтобъ черезъ твой разговоръ всю камеру разстрѣляли? А? Я тебѣ покажу!..

Студентъ приподнялся со своего мѣста:

— Что ты мнѣ покажешь? Здѣсь тебя не боятся... съ нами ивановать не будешь! Другимъ можешь указывать!..

— Другимъ указывать?.. Да я тебѣ такъ укажу, что ты съ мѣста не встанешь, гадъ ползучій! Я тебѣ укажу, какъ тюрьму подводить, гадская твоя душа!..

Степка съ налитыми кровью глазами, съ сжатыми кулаками наступалъ на своего тщедушнаго противника, неистово ругаясь и сквернословя. Студентъ стоялъ передъ нимъ, тяжело дыша, блѣдный, но съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица, съ явной готовностью защищаться до конца.

Вокругъ противниковъ быстро собралась кучка любопытныхъ.

— Подходи наши! — крикнулъ кто-то изъ уголовныхъ.

Уголовные, обступившіе противниковъ, загородили ихъ отъ глазъ надзирателя, который могъ бы подойти неожиданно къ волчку и помѣшать дракѣ.

— Раздѣлывай, Степка!

Степка уже замахнулся, чтобы ударить политика... Но драка на этотъ разъ не состоялась. Къ студенту протискался черезъ толпу уголовныхъ другой каторжанинъ съ грубымъ, морщинистымъ лицомъ. Онъ былъ очень широкъ въ плечахъ, и его согнутая спина, длинныя жилистыя руки и короткая бычья шея обличали въ немъ большую силу. По вытатуированнымъ на рукахъ и на шеѣ знакамъ въ немъ легко было узнать моряка. Но по грубому лицу

[1]) „Завинтили тюрьму" — ввели строгій режимъ.

и дикимъ, глубоко запавшимъ глазамъ трудно было угадать въ немъ политическаго. Это былъ матросъ-вѣчникъ, осужденный за возстаніе, человѣкъ малоразвитой, но прямой, преданный революціи, бѣшенно-смѣлый и сохранившій въ тюрьмѣ ухватки моряка-драчуна.

Смѣривъ глазами съ ногъ до головы Степку, онъ поднесъ кулакъ къ самому его лицу и мрачно спросилъ его:

— Драться хочешь? Бока чешутся? Ну?

Хорошо зная нечеловѣческую силу матроса, Степка молчалъ и только отступилъ на шагъ отъ него.

— Что, расхотѣлось уже? . . — продолжалъ морякъ,— а то можно попробовать . . . Я до васъ, сволочей, давно добираюсь . . . Онъ выругался непечатно и вдругъ, разсвирѣпѣвъ, перемѣнилъ тонъ и закричалъ: — Выходи всѣ, кто здѣсь ивановать хочетъ. Чего по угламъ, стервы, прячетесь? Выходи всѣ . . . Я съ вами голыми-то руками драться не стану . . . Гостинецъ тутъ у меня для васъ есть . . .

Онъ нагнулся и взялся рукой за подкандальникъ. Уголовные отхлынули отъ него, такъ какъ для всѣхъ стало ясно, что сейчасъ въ дѣло пойдутъ ножи. Студентъ, схвативъ матроса за руку, старался успокоить его. Степка все же выдержалъ характеръ и постарался сдѣлать видъ, что не боится совсѣмъ своего бѣшенаго противника: онъ стоялъ передъ матросомъ, подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ, слѣдя за движеніями противника и сжимая въ спрятанной за спину правой рукѣ неизвѣстно откуда явившуюся у него отточенную желѣзку. Лицо его стало почти блѣднымъ, грудь дышала тяжело и прерывисто.

— Брось, Степка! — говорили вокругъ уголовные, — чего связался? Что хорошаго выйдетъ?

Матросъ, повидимому, отказавшись отъ своего намѣренія взяться за ножъ, еще разъ выругался:

— Такъ и знай! Кто ивановать здѣсь будетъ, кишки выпущу . . .

— Ивановать здѣсь никто и не думалъ, — примирительнымъ тономъ замѣтилъ Степка, отдавая свою желѣзку подошедшему товарищу, — если ты драться захочешь, такъ и на тебя кулаки найдутся. А что до ножей, такъ уголовные тоже рѣзать себя не дадутъ. На ножи и у насъ ножи найдутся. Такъ что басомъ [1]) брать тутъ некого . . . Не грачей [2]) нашелъ. А я только къ тому говорилъ, что ваша политика тутъ агитацію подымаетъ, а отвѣчать всей камерѣ придется. Если вы арестанты, то съ тюрьмой вы считаться должны. По-нашему такъ выходитъ. А вотъ студенты иначе опредѣляютъ.

— Зексъ! . . — донеслось изъ дальняго угла камеры.

По этому тревожному сигналу кучка, которая было опять образовалась вокругъ Степки и моряка, быстро растаяла: въ дверяхъ камеры стоялъ надзиратель.

— Что здѣсь за шумъ? Синагогу жидовскую устроили себѣ? А?

Надзиратель подозрительно обвелъ взглядомъ камеру. Но придраться было уже не къ чему. Даже взволнованныхъ лицъ матроса и его противника не было видно, такъ какъ ихъ загородила толпа, вмигъ собравшаяся около двери.

— Ничего здѣсь не было, господинъ дядька!

Надзиратель заперъ дверь. И сразу возгорѣлись опять споры въ камерѣ.

Теперь уже политическіе и уголовные порознь обсуждали происшедшее столкновеніе.

Въ группѣ политическихъ молодой каторжанинъ-студентъ горячо доказывалъ, что въ подобныхъ вопросахъ уступать уголовнымъ немыслимо, что политическіе ради сохраненія собственнаго человѣческаго достоинства обя-

---

[1]) „Брать басомъ“ — запугивать.
[2]) „Грачъ“ — простакъ, дурачокъ.

заны охранять свое право бесѣдовать о чемъ угодно, безъ всякой цензуры со стороны уголовныхъ. Эту же точку зрѣнія энергично поддерживалъ и плечистый матросъ:

— Чего на нихъ смотрѣть? — говорилъ онъ, — все равно, не сегодня, такъ завтра посчитаться съ ними придется. Такъ ужъ лучше заразъ все! Къ чему спускъ имъ давать? Я бъ этому Степкѣ давно глотку перехватилъ.

Но среди политическихъ были также и представители иного взгляда. Анархисты, въ частности, были крайне недовольны происшедшей ссорой. Одинъ изъ нихъ, товарищъ Давидъ, молодой парень съ веснушчатымъ, испещреннымъ шрамами лицомъ, нервно жестикулируя, говорилъ:

— Я ужъ не знаю, зачѣмъ товарищи начали этотъ разговоръ объ аграрной программѣ. Для меня этотъ разговоръ совсѣмъ неинтересный, а камеру вы подвести можете. Здѣсь уголовные правы. А пока мы въ тюрьмѣ, для насъ всѣ арестанты — товарищи, уголовные или политическіе, все равно. И ради того, чтобы одни товарищи могли языки чесать о разныхъ тамъ муниципализаціяхъ, да соціализаціяхъ, да парламентаризаціяхъ, ради этого съ другими товарищами свои отношенія портить я совсѣмъ не намѣренъ. Напередъ это говорю!

Это заявленіе вызвало среди политическихъ цѣлую бурю.

Среди уголовныхъ происшедшій конфликтъ обсуждался не менѣе страстно. Но здѣсь на первый планъ выдвигалась, такъ сказать, тактическая и стратегическая сторона вопроса о дракѣ, которая рано или поздно должна произойти въ камерѣ.

И затихли эти дебаты только послѣ вечерней повѣрки, когда раздалась за дверью команда:

— Ложись спать!..

Я вспомнилъ эту сцену, такъ какъ она характеризуетъ

тѣ условія, благодаря которымъ въ общихъ смѣшанныхъ камерахъ политическимъ трудно бывало вести между собою разговоры на наиболѣе близкія имъ политическія темы. Поневолѣ будешь избѣгать разговора о политикѣ, когда такой разговоръ легко можетъ привести къ дракѣ и поножовщинѣ!

Это не значитъ, что уголовные терроризировали политиковъ. Напротивъ, въ кулачныхъ и ножевыхъ столкновеніяхъ, происходившихъ за послѣдніе годы въ тюрьмахъ, уголовные иваны, по большей части, терпѣли жестокій урокъ отъ солдатъ-повстанцевъ, матросовъ и политическихъ каторжанъ-кавказцевъ. Почему-то оказывалось всегда, что никто не владѣетъ ни кулакомъ, ни ножомъ съ такимъ искусствомъ, какъ кавказцы и матросы, и въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ этимъ новымъ обитателямъ каторги удалось окончательно уничтожить власть старыхъ ивановъ-рецидивистовъ.

Но въ дракѣ — на кулакахъ или на ножахъ, безразлично — для культурнаго человѣка мало удовольствія. И потому нерѣдко даже люди, умѣвшіе въ случаѣ надобности постоять за себя, все же избѣгали въ общихъ камерахъ такихъ разговоровъ, которые могли повлечь за собою рѣзкое столкновеніе съ уголовными.

Къ этому присоединялось еще одно обстоятельство.

Вѣдь всякій политическій разговоръ основывается, въ концѣ концовъ, на извѣстныхъ теоретическихъ данныхъ: на извѣстныхъ партійныхъ оцѣнкахъ, на томъ или иномъ пониманіи исторіи и т. д. А партійныя программы и всякія соціологическія и философскія теоріи принадлежатъ къ «словесности», къ которой въ тюрьмѣ люди привыкаютъ относиться съ большимъ пренебреженіемъ.

Презрѣніе къ слову и къ теоретической мысли — любопытная черта упадочно-тюремной психологіи. Для ха-

рактеристики этой черты интересно отношеніе уголовныхъ къ дѣятельности соціалистическихъ партій. Нерѣдко уголовные уважаютъ отдѣльныхъ политиковъ за ихъ смѣлость, прямоту, справедливость. Но къ этому чувству уваженія почти всегда присоединяется нѣкоторый оттѣнокъ презрѣнія къ тому, что эти люди занимались на волѣ одними только «словами», и думали, что словами можно что-либо сдѣлать.

— Что вы своими рѣчами да бумажками сдѣлали? — говорилъ мнѣ однажды одинъ изъ видныхъ тюремныхъ ивановъ, — по-вашему, это агитаціей называется, а по-нашему выходитъ одна болтовня. Вы кого со своими книжками агитировать пойдете? Меня? Такъ я все, что мнѣ нужно, давно уже лучше вашего знаю, даромъ что не ученый . . . Я еще вотъ такимъ былъ — мой собесѣдникъ показалъ на аршинъ отъ пола — а свое правило уже зналъ: бей бляху! По-вашему, еще разбираться нужно съ каждымъ гадомъ [1]): почему онъ такой? да не исправится ли? Если съ голоду въ полицію пошелъ, такъ ужъ не гадъ?! А по-нашему: душа съ него вонъ! Бляха на тебѣ, — такъ получай свою долю за шесть копеекъ! Это я съ малыхъ лѣтъ хорошо знаю. Значитъ, меня вы агитировать не пойдете. Не къ чему это. А вы со своей агитаціей къ солдатамъ пойдете, или къ полицейскимъ шкурамъ. По-вашему, все вѣдь «товарищи». Бить ихъ надо, а вы къ нимъ съ бумажками лѣзете: «Товарищъ прочтите эту прокламацію! Товарищъ, вы бы книжку прочитали!» А они васъ же за ваши же книжки! . . Вы ихъ словами, а они васъ нагайкой, да штыкомъ, да прикладомъ, да пулей! . . Вы же въ дуракахъ и останетесь! А то вотъ эсэры мужиковъ агитируютъ! Я бы ихъ поагитировалъ, стервецовъ! У меня, вотъ,

[1]) „Гадъ" въ тюрьмѣ не только бранное слово: въ частности, такъ называются полицейскіе, тюремщики, сыщики и т. п.

два ребра сломаны, внутренности начисто отбиты мужиками этими самыми . . . Какъ только живъ остался . . . Я тогда въ селѣ жилъ, а тамъ у кулака одного богатаго лошадь, что ли, угнали. И кто угналъ, — не видѣлъ никто. А я про это дѣло и не зналъ ничего. Ну, мужики, натурально, ко мнѣ, потому что подозрѣніе на меня у старосты было. Пытать стали: кто угналъ, да куда спряталъ? да гдѣ искать? До смерти пытали подлецы. Я ужо на другой день отдышался. Такъ теперь я ихъ, гадовъ, книжками агитировать буду? Да если бъ мнѣ кого изъ нихъ встрѣтить, зубами бы глотку перегрызъ! Вѣкъ свободы не видать, коли спуску далъ бы имъ! А вы къ нимъ съ книжками, да съ прокламаціями. «Товарищи!». Духъ съ нихъ вонъ, кишки на сторону!

Долго еще распространялся мой собесѣдникъ, и рѣчь его была настолько энергична и красочна, что воспроизвести ее въ печати хотя бы съ приблизительной точностью, къ сожалѣнію, не возможно. Еще интереснѣе то, что совершенно такое же презрѣніе къ слову и къ идейной (словесной) работѣ распространялось въ тюрьмѣ и среди заключенныхъ, не считавшихъ себя уголовными. Этимъ взглядомъ были проникнуты, по большей части, эксовики, «работавшіе» подъ флагами различныхъ партій. Этотъ взглядъ легко воспринимали и матросы, и солдаты-повстанцы, и массовики-рабочіе. Только крестьяне-аграрники, несмотря на свою темноту, неизмѣнно сохраняли вѣру въ слово правды, вѣру безхитростную и глубокую, часто восторженную до наивности: очевидно, они приносили съ собою изъ деревень что-то такое, что безконечно твердо укрѣпляло въ нихъ эту вѣру.

У остальныхъ политиковъ-массовиковъ, какъ я отмѣтилъ, легко развивалось презрѣніе къ слову и ко всему тому, что можно опредѣлить, какъ «словесность». Въ этомъ сказывалось дѣйствіе окружавшей ихъ обстановки.

Мы агитировали, мы пропагандировали, говорили на массовкахъ и на митингахъ, слушали рѣчи партійныхъ ораторовъ, читали и распространяли прокламаціи и листки. Въ этомъ прошла почти вся наша борьба. Мы боролись *словомъ*. Иного оружія, — револьверовъ, кинжаловъ, бомбъ — большинство изъ насъ никогда не держало въ рукахъ, а меньшинство, — если и пользовалось этимъ оружіемъ, то только разъ-два въ жизни, при совершенно исключительныхъ условіяхъ. И только совсѣмъ-совсѣмъ немногіе изъ насъ боролись, преимущественно, сталью и порохомъ. *Слово* было нашимъ главнымъ оружіемъ. И вотъ теперь мы въ тюрьмѣ, и кругомъ насъ каменныя стѣны и желѣзныя рѣшетки. Это — все, чего мы добились. Что же, неужели словомъ можно разрушить каменную стѣну? Неужели словомъ можно разбить желѣзную рѣшетку или разорвать сковывающія насъ цѣпи? Нѣтъ, слово безсильно противъ желѣза и камня, слово не вернетъ намъ свободы.

И чѣмъ мрачнѣе, чѣмъ суровѣе тюрьма, тѣмъ глубже заползаетъ въ душу слабаго человѣка сомнѣніе. Онъ утрачиваетъ вѣру въ слова, которыя когда-то были для него святы, утрачиваетъ и вообще свою прежнюю вѣру въ слово. И на мѣстѣ прежней вѣры у него остается глубокое и грубое презрѣніе къ слову, презрѣніе, образчикомъ котораго можетъ служить приведенный выше отзывъ уголовнаго ивана объ «агитаціи» соціалистовъ.

Но выраженіе подобнаго презрѣнія къ слову со стороны уголовныхъ мало трогало меня въ тюрьмѣ. А когда выраженіе такого же презрѣнія я встрѣчалъ среди политическихъ, становилось обидно и мучительно тяжело на душѣ.

Презрѣніе къ слову, разочарованіе въ словѣ — опасныя чувства для человѣка: слово слишкомъ тѣсно связано съ мыслью человѣка и со всѣми продуктами его мысли. Съ презрѣніемъ къ слову приходило также и презрѣніе къ

наукѣ, къ литературѣ, съ одной стороны, къ программамъ, принципамъ, идеаламъ — съ другой. Вообще разрушалась вся прежняя идеологія. Разрушалась, въ частности, и старая романтика, романтика революціонной борьбы, романтика, которая занимала то или иное мѣсто въ жизни каждаго революціонера, — какъ бы трезво ни смотрѣлъ онъ на свое дѣло, какъ бы далекъ ни былъ онъ отъ политическаго романтизма.

Но совсѣмъ безъ романтики человѣкъ обойтись не можетъ. И особенно необходимо имѣть какой-нибудь міръ образовъ, — въ частности героическихъ образовъ, — для людей, живущихъ въ тюрьмѣ. На мѣсто разрушенной тюрьмою идеологіи является новая идеологія. Создается новая романтика, романтика кулака.

На чемъ можетъ основываться романтика, создаваемая тюрьмой?

На воспоминаніяхъ? Въ пѣсняхъ и разсказахъ уголовныхъ очень часто передаются ихъ воспоминанія о жизни на волѣ.

Когда я былъ любителемъ чужого добра,
Тогда меня ласкала красотка молода.

поется въ одной изъ распространенныхъ воровскихъ пѣсенъ.

Полюбилъ я и повѣрилъ.
И квартиру нанялъ ей.
Предъ людьми я лицемѣрилъ:
Воровалъ, тащилъ все къ ней.

поется въ другой не менѣе распространенной пѣснѣ — воровскомъ романсѣ. Въ другихъ пѣсняхъ вспоминается арестъ, судъ. Къ этимъ темамъ уголовные возвращаются всегда довольно охотно. Ихъ прошлая дѣятельность даетъ имъ неистощимый матеріалъ для бесѣдъ и разсказовъ.

Но опустившемуся политику трудно вспоминать свою прежнюю дѣятельность. Его прошлое ненавистно ему.

Онъ и презираетъ его, и боится вспоминать о немъ, такъ какъ оно полно укора ему. Одинъ больше презираетъ свое прошлое (это чувство «полѣвѣвшаго» политика), другой больше боится своего прошлаго (это чувство поправѣвшаго или, иначе, «поумнѣвшаго» политика), но вспоминать о прошломъ одинаково тяжело тому и другому.

Что же? Остаются еще мечты о будущемъ. Можно коротать безконечные тюремные дни мечтами о томъ, какъ мы выйдемъ на волю, какъ устроимся, какъ будемъ жить и наслаждаться жизнью.

Но между узникомъ и его мечтами о вольной жизни неизмѣнно стоитъ высокая каменная стѣна. Желѣзная рѣшетка, разрѣзающая на квадраты голубое небо, манящее къ себѣ узника, точно такъ же разрѣзаетъ въ куски и картины вольной жизни, которыя онъ себѣ рисуетъ. Прежде, чѣмъ начать жить вольной жизнью, нужно вырваться изъ тюрьмы. Забыть это узникъ не можетъ ни на минуту. И хорошо, если ему осталось сидѣть въ тюрьмѣ какихъ-нибудь полгода или нѣсколько мѣсяцевъ: тогда ему ничто не мѣшаетъ мечтать объ устройствѣ своей жизни на волѣ. Но долгосрочные? Какъ могутъ мечтать объ этомъ люди, которымъ предстоитъ сидѣть въ тюрьмѣ еще 10, 15, 18 лѣтъ, или арестанты-вѣчники? У нихъ всѣ мысли о вольной жизни заслоняются одной безумно страстной мечтой, мечтой о томъ, какъ вырваться изъ тюрьмы, мечтой о побѣгѣ.

Это — вѣчная, неизмѣнная мечта арестанта. И человѣку, не сидѣвшему въ тюрьмѣ, трудно представить себѣ, какую роль играетъ эта мечта въ тюремной жизни.

Безконечно долго, часами и цѣлыми сутками, лежа у себя на койкѣ, бродя по камерѣ, стоя у окна, выходя на прогулку, человѣкъ думаетъ все объ одномъ, объ одномъ. Снова и снова, въ тысячный разъ оглядываетъ онъ стѣны тюремной ограды съ подымающимися надъ нею будочками для часовыхъ, снова и снова ощупываетъ онъ полосы желѣза въ окнѣ, считаетъ глазами вооруженныхъ тюремщиковъ, — а голова его работаетъ все въ одномъ и томъ же направленіи. Но при нынѣшнихъ условіяхъ только слѣпой случай можетъ увѣнчать успѣхомъ попытку побѣга изъ тюрьмы.

Долгосрочные арестанты (въ особенности, политики) охраняются настолько тщательно, что вырваться изъ тюрьмы имъ почти невозможно. Недаромъ же за послѣдніе годы всѣ крупныя попытки побѣговъ изъ тюремъ оканчивались такъ трагично для участниковъ.

Но что за бѣда, если изъ тысячи такихъ попытокъ можетъ увѣнчаться успѣхомъ только одна? Все же есть хоть одинъ шансъ изъ тысячи на удачу, на выходъ изъ тюрьмы! А этого достаточно, чтобы поддержать въ человѣкѣ надежду.

Больше терпѣнія, больше настойчивости, больше смѣлости, — и ты будешь на волѣ! — подсказываетъ человѣку голосъ надежды. И, хотя окружающія его желѣзныя рѣшетки громко смѣются надъ его мечтами, онъ все же продолжаетъ надѣяться.

Съ внѣшней стороны, приготовленія къ побѣгу изъ тюрьмы какъ будто несложны, и, можетъ казаться, здѣсь негдѣ развернуться фантазіи. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе.

Необходимы безконечныя хитрости, чтобы раздобыть въ камеру пилку, чтобы незамѣтно для тюремщиковъ перепилить прутья оконной рѣшетки, чтобы незамѣтно для часовыхъ перебросить кошку черезъ стѣну. Нуженъ большой запасъ самообладанія и твердости, чтобы не выдать себя во время приготовленій къ побѣгу, чтобы подъ дулами ружей и револьверовъ перелѣзть черезъ стѣну. А сколько искусства требуется для выполненія иного подкопа, тянущагося на нѣсколько десятковъ саженъ, про-

ходящаго сквозь двухъаршинные фундаменты стѣнъ и выполняемаго при помощи носика эмалированнаго чайника или обломка ножки отъ желѣзной кровати!

Сидя въ тюрьмѣ, можно безъ конца мечтать и фантазировать о побѣгѣ. И, въ зависимости отъ свойствъ и наклонностей узника, эти мечты могутъ принимать у него самыя различныя формы. Онъ можетъ мечтать о подкопѣ, или о побѣгѣ черезъ стѣну, или о вооруженномъ прорывѣ сквозѣ охрану, или о томъ, чтобы связать надзирателей, или о побѣгѣ при помощи оставшихся на волѣ товарищей, которые отобьютъ его изъ рукъ конвоя . . .

Вся тюремная обстановка, какъ нельзя больше, благопріятствуетъ работѣ мысли въ данномъ направленіи. Фантазія разыгрывается все сильнѣе и сильнѣе. Начинаются безконечные, разукрашенные фантазіей разсказы о прошлыхъ работахъ, — прорывахъ, подкопахъ и т. п. Переходя изъ устъ въ уста, эти разсказы переполняются такими подробностями, что за ними совершенно скрывается лежавшее въ основаніи ихъ истинное происшествіе.

Создаются цѣлыя легенды, цѣлые циклы легендъ. И они образуютъ то, что съ извѣстнымъ правомъ можно назвать специфически *тюремной романтикой.*

Основная тема этихъ легендъ — борьба затравленнаго, замурованнаго въ стѣнахъ, или еще не пойманнаго, спасающагося отъ погони человѣка, борьба его за свою личную свободу. Я говорю: такова основная тема тюремныхъ *легендъ,* такъ какъ всѣ тюремные разсказы имѣютъ слишкомъ много общаго съ легендами, благодаря неизмѣнному присутствію въ нихъ множества фантастическихъ подробностей.

Побѣгъ изъ тюрьмы — завѣтная мечта узника. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что люди, которые имѣютъ за собой смѣлые побѣги или хотя бы отважныя попытки побѣга, пользуются въ тюрьмѣ особымъ вліяніемъ, особымъ уваженіемъ среди остальныхъ арестантовъ. «Обратникъ», побывавшій на каторгѣ, бѣжавшій оттуда и снова попавшій въ тюрьму, кажется героемъ. Въ иныхъ тюрьмахъ этихъ героевъ называютъ «богами», «божествами», и тюремные иваны принимаютъ эту полунасмѣшливую кличку съ невозмутимой серьезностью.

Разъ я слышалъ въ коридорѣ разговоръ двухъ уголовныхъ:

— Васька, табакъ есть?

— Въ камерѣ остался. Коли надо, пришлю. Тебѣ много?

— Пришли полосмака. А у тебя откуда? Съ кѣмъ живешь?

— Я тамъ, братъ, съ богами! . .

— Ого! Приняли, значитъ, въ коммунію?

— Приняли! . . Хорошо теперь . . . Да! . .

— А кто изъ боговъ-то у васъ?

— Главный Яхонтовъ, потомъ Казиміръ-обратникъ, Петька-кубарь, Меркуловъ . . .

— Ишь-ты, ребята какіе подобрались! Здорово! Почитай, все обратники . . .

И уголовный смотрѣлъ на Ваську, живущаго въ «коммуніи» боговъ съ такимъ неподдѣльнымъ почтеніемъ, смѣшаннымъ съ завистью, съ какимъ новичокъ-воинъ смотритъ на боевого генерала-героя, прославленнаго громкими побѣдами.

Разсказы о тюремныхъ геройхъ и ихъ подвигахъ создавали общую тему для камерныхъ бесѣдъ среди уголовныхъ и политическихъ. Тема эта естественно расширялась, развивалась. Говорили не только о молодецкихъ побѣгахъ, но и о сопротивленіяхъ при арестѣ, объ от-

стрѣлахъ, о всевозможныхъ вооруженныхъ столкновеніяхъ съ полиціей, о славныхъ нападеніяхъ и налетахъ. Мѣнялись и содержаніе разсказовъ, и обстановка подвиговъ, и имена совершившихъ эти подвиги героевъ. Но общій обликъ геровъ всѣхъ этихъ разсказовъ оставался неизмѣннымъ.

Герой тюремныхъ разсказовъ и легендъ — это, прежде всего, смѣльчакъ, презирающій опасность, презирающій смерть. Далѣе, онъ отличается силой и ловкостью, великолѣпно лазитъ по веревкѣ, по деревьямъ, по водосточнымъ трубамъ, — по чему угодно. Онъ стрѣляетъ безъ промаха по любой цѣли, на любомъ разстояніи. Нѣтъ никакихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ онъ не нашелъ бы выхода. Изъ всѣхъ столкновеній съ врагами онъ выходитъ побѣдителемъ. Въ борьбѣ съ врагами онъ хитеръ и безпощаденъ, и борьба занимаетъ его тѣмъ больше, чѣмъ хитрѣе и безпощаднѣе его противники. Короче, у него много общаго со старымъ Рокамболемъ, но онъ проще, элементарнѣе и грубѣе.

Этотъ рыцарь удали былъ не только идеаломъ воровского-уголовнаго міра. Мнѣ приходилось встрѣчать въ тюрьмѣ множество политическихъ, у которыхъ былъ точь-въ-точь такой же идеалъ героизма и доблести. Сколько разъ приходилось слышать «политиковъ», которые разсказывали о подвигахъ какого-нибудь старшаго ивана, явно преклоняясь передъ его удалью! Особенно далеко шли въ этомъ отношеніи экисисты-налетчики. Они не знали иной оцѣнки человѣка, кромѣ какъ по его смѣлости, отвагѣ и удачливости. Пропахшій кровью и порохомъ боевикъ былъ въ ихъ глазахъ героемъ, и рядомъ съ нимъ какой-нибудь Михайловскій, Плехановъ или хотя бы Крапоткинъ, никогда не державшій въ рукѣ ни револьвера, ни кинжала, казался имъ жалкимъ болтуномъ и трусишкой.

Вообще, тюрьма страннымъ образомъ измѣняла цѣнность всѣхъ качествъ человѣка. До тюрьмы, на волѣ мы всѣ презирали трусость. Но никому изъ насъ не могло придти въ голову, чтобы можно было преклоняться передъ человѣкомъ исключительно за то, что онъ храбръ и не боится смерти. Въ тюрьмѣ устанавливалось иное отношеніе къ дѣлу: только тотъ, кто обладалъ крѣпкими нервами и умѣлъ не кланяться пулямъ, или же готовъ былъ въ любой моментъ пойти на ножи съ обидчикомъ (своимъ личнымъ обидчикомъ или обидчикомъ товарищей, безразлично), сразу кто бы онъ ни былъ, пріобрѣталъ особый вѣсъ среди товарищей, возбуждалъ особое къ себѣ уваженіе.

Тюрьма не только надѣляла крѣпкими кулаками героя романтики, но заставляла высоко цѣнить крѣпкій кулакъ и въ повседневныхъ житейскихъ отношеніяхъ.

Презрѣніе къ слову и къ идеологіи и апоѳеозъ кулака, апоѳеозъ молодечества и отваги, удали и удачи! Это была настоящая переоцѣнка цѣнностей.

Романтика кулака соотвѣтствовала общеарестантскому настроенію, и на ней, какъ я отмѣчалъ уже, сходились опустившіеся въ тюрьмѣ политическіе и проникнутые специфической тюремной культурой уголовные. Естественно, поэтому, что у героя этой романтики не оказывалось ничего такого, что отличаетъ революціонера отъ профессіонала-грабителя или рецидивиста-убійцы. Такимъ героемъ могъ быть и смѣлый террористъ, и защитникъ баррикады, и экспропріаторъ, и какой-нибудь одесскій «черный воронъ», и цыганъ-разбойникъ, и членъ лбовской шайки, и крупный воръ, — спеціалистъ по кассамъ или по ювелирнымъ магазинамъ. Нечего говорить, что при такой оцѣнкѣ героемъ могъ оказаться порой и вполнѣ достойный уваженія человѣкъ, и чистѣйшей воды него-

дяй. И часто такой герой, на повѣрку, оказывался еще предателемъ или малодушнымъ трусомъ.

Въ тюрьмѣ у насъ сидѣлъ нѣкій Карлъ — не помню его фамиліи. Это былъ молодой человѣкъ выше средняго роста, съ красивымъ и свѣжимъ лицомъ, съ еле пробивающимися усиками, съ сѣрыми блестящими холоднымъ стальнымъ блескомъ глазами. Несмотря на свою молодость, Карлъ пользовался въ тюрьмѣ большимъ уваженіемъ, — особенно среди анархистовъ; за нимъ числилось больше 10 смертныхъ дѣлъ (т. е. такихъ дѣлъ, за которыя его могли повѣсить за каждое въ отдѣльности). Я встрѣчался съ этимъ парнемъ не разъ, бесѣдовалъ съ нимъ о различнѣйшихъ вещахъ, и у меня сложилось представленіе о немъ, какъ о человѣкѣ отважномъ, предпріимчивомъ, обладающемъ прямотой и добродушіемъ дикаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неразвитомъ и невѣжественномъ.

Карлъ считалъ себя революціонеромъ и анархистомъ. Соціалистовъ онъ терпѣть не могъ, но всѣ доводы его противъ соціалистовъ сводились къ одному:

— Знаю я этихъ соціалистовъ! Сейчасъ парламента требуете, а какъ получите парламентъ, такъ и пойдете насъ, анархистовъ, вѣшать. Вы теперь рабочихъ не проведете. Дудки! Рабочіе помнятъ, какъ вы парижскую коммуну разстрѣливали.

Анархизмъ тоже понималъ нѣсколько своеобразно.

— Намъ кто мѣшаетъ? — говорилъ онъ, — буржуазія? Ну, и бей всѣхъ ихъ, гадовъ пузатыхъ! Такъ мы, анархи, понимаемъ. А эсдэки да эсэры съ этими гадами въ парламентахъ спорить будутъ. Ну ихъ къ... Пускай спорятъ. А мы въ ихъ парламенты — бомбами, да бомбами.

Карла судили и приговорили къ лишенію правъ состоянія и къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Ни-

кого въ тюрьмѣ не удивилъ этотъ приговоръ. Мнѣ было отъ души жаль этого парня, погибавшаго ни за грошъ и совершенно не понимавшаго, за что онъ шелъ, за что боролся, за что сложилъ свою голову.

Но вотъ, недѣли черезъ три послѣ суда надъ Карломъ, по тюрьмѣ пронесся неожиданно слухъ: Карлъ подалъ изъ секретки прошеніе о помилованіи.

Этотъ слухъ взбудоражилъ тюрьму. Анархисты и экспропріаторы ни за что не хотѣли вѣрить этой новости.

— Не можетъ этого быть! — говорилъ мнѣ взволнованнымъ голосомъ одинъ молодой и симпатичный анархистъ изъ рабочихъ, — Карлъ не изъ такихъ, чтобы унижаться и просить милости! Вѣроятно, они это нарочно отъ его имени прошеніе состряпали, чтобы грязью его замарать, а потомъ указывать, — вотъ, молъ, каковы ваши революціонеры. Навѣрное, такъ.

Эта догадка показалась мнѣ наивной до послѣдней степени, и я замѣтилъ ему.

— Если бы хотѣли скомпрометировать революціонеровъ, то навѣрное, для этой цѣли выбрали бы не Карла, а кого-либо другого. Что такое Карлъ среди революціонеровъ? Совершенно темный человѣкъ, ни въ чемъ не разбирающійся. Очень можетъ быть, и прошеніе онъ написалъ по темнотѣ своей, считая, что этимъ способомъ онъ съ самодержавіемъ борется: давай, думаетъ, обману ихъ всѣхъ.

Мой собесѣдникъ вспыхнулъ:

— Вы такъ судите, вѣроятно, по тому, что Карлъ не могъ такъ, какъ другіе, красно говорить... Правда, языкомъ болтать онъ былъ не мастеръ, и о программахъ спорить не умѣлъ. Такъ что жъ тутъ плохого? Можетъ быть, это только къ чести его говоритъ. А вы бы его въ дѣлѣ видѣли! Въ дѣлѣ онъ всѣхъ вашихъ и сознатель-

ныхъ, и краснобаевъ за поясъ заткнулъ бы. Только вы, какъ соціалъ-демократъ, о человѣкѣ по разговору судите, а не по дѣламъ его.

— А какими такими дѣлами Карлъ проявилъ себя?

— То-то: «какими»?.. Вы узнайте сперва, а потомъ судите о человѣкѣ.

— Я изъ его дѣлъ два знаю: почту и отстрѣлъ при арестѣ. Слыхалъ, что у него и другія дѣла есть, да подробно ихъ не знаю...

— А у него дѣла-то какія!.. Урядникъ и староста въ Акуловкѣ, околотокъ на углу Московской и Горшечной, отстрѣлъ подъ Спасскимъ, бомба на Курскомъ вокзалѣ, мельница Жулавскаго, артельщикъ Донского банка, покушеніе на взрывъ жандармскаго управленія!.. Въ обвинительномъ актѣ у него по 14 пунктамъ 279 статья приведена! А это не все еще: его крокодилъ сыпалъ, а онъ многихъ дѣлъ его не знаетъ. Карлъ столько дѣлъ натворилъ, что на десятерыхъ хватило бы! Я о немъ по дѣламъ сужу. Да!

Мой собесѣдникъ задумался на минуту, но затѣмъ, вспомнивъ, очевидно, новые доводы въ пользу Карла, продолжалъ:

— Вотъ, вы его революціонеромъ не считаете. Думаете: трусъ, который и помилованія будетъ просить, и все сдѣлаетъ... А вѣдь когда они почту брали, ихъ двое всего было противъ четырехъ. Карлъ тогда одинъ лошадей остановилъ... Или взять хотя бы его дѣло съ артельщикомъ. Въ организаціи тогда денегъ не было, а нужны были деньги до зарѣзу: нелегальнаго нужно было за границу отправить, въ тюрьму надо было передать, съ шахтъ какъ разъ динамитъ предлагали, нужно было только человѣка съ деньгами послать получить, — да и вообще ребята безъ хлѣба сидѣли. На групповомъ собраніи говорили объ этомъ. Карлъ и вызвался тогда денегъ достать: «Къ завтрему, говоритъ, будутъ деньги. На все хватитъ!» Его спрашиваютъ: «Откуда будутъ?» А онъ говоритъ: «Будутъ, и все тутъ. У меня одно мѣсто высмотрѣно. Можно взять». Ванюшка нашъ — тоже боевой парень — хотѣлъ съ нимъ пойти: «Вдвоемъ, говоритъ, вѣрнѣе. Да и риску меньше». Такъ Карлъ наотрѣзъ отказалъ: «На одного здѣсь работы, — значитъ, двоимъ въ петлю лѣзть не резонъ. Если ты пойдешь, такъ я не пойду. Только мѣста своего я ни тебѣ, ни другому кому не дамъ.» Такъ одинъ и пошелъ. И вѣдь чисто какъ сдѣлалъ! Артельщикъ банковскій, оказалось, въ вагонѣ II класса ѣхалъ. Народу полнымъ-полно. А Карлъ у двери всталъ, да какъ крикнетъ: «Руки вверхъ!» Да къ артельщику... На него браунингъ наставилъ, а въ лѣвой рукѣ бомбу держитъ: «Если кто-нибудь хоть рукой шевельнетъ, — всѣ на воздухъ взлетите!» Артельщикъ перетрусилъ, дрожитъ весь. А Карлъ ему: «Я вамъ зла не сдѣлаю. Деньги не ваши. У народа ихъ взяли, народу и верните! Снимите эту сумку и подайте сюда». Тотъ сумку съ шеи снялъ, подаетъ ему. «Здѣсь всѣ деньги?» — «Всѣ...» — «Смотрите! Я дома пересчитаю. Если вы хоть часть утаили, — отъ меня вамъ не уйти!» Браунингъ въ зубы взялъ, принялъ сумку, одѣлъ на себя... А бомбу все на вытянутой лѣвой рукѣ держитъ. «Если кто-нибудь раньше десяти минутъ съ мѣста двинется, вагонъ будетъ взорванъ!» На площадку вагона вышелъ, а бомбу передъ дверью положилъ. А затѣмъ, — на полномъ ходу поѣзда подъ насыпь, да черезъ лѣсокъ къ деревушкѣ Меркуловкѣ... Деньги къ вечеру, дѣйствительно, въ организацію представилъ. 4300 рублей въ сумкѣ оказалось! Карлъ, бывало, всегда, — что сказалъ, то и сдѣлаетъ. А то у него такой былъ случай...

Разсказчикъ увлекся воспоминаніями и принялся разсказывать о безчисленныхъ бранныхъ подвигахъ Карла.

И такъ какъ я слушалъ его внимательно, то ему казалось, что его доводы дѣйствуютъ на меня и я соглашаюсь съ тѣмъ, что его герой — истинный революціонеръ. Но, наконецъ, я прервалъ его разсказъ:

— Все это очень хорошо, — замѣтилъ я, — но къ чему вы это разсказываете? Я говорю, что товарищъ Карлъ — человѣкъ темный, малосознательный, имѣющій мало общаго съ революціей. А изъ вашихъ разсказовъ видно только, что онъ удалой налетчикъ, смѣлый боевикъ, — не больше. Пусть такъ! Но вѣдь этихъ доблестей вы сколько угодно и среди уголовныхъ грабителей найдете...

— Это я отъ соціалъ-демократовъ уже не разъ слышалъ. Для васъ, что анархистъ, что воръ — все едино.

— Да не въ этомъ дѣло, — пробовалъ я успокоить своего негодующаго собесѣдника: — Я не объ анархистахъ говорю. Я только на то указываю, что вы Карла расхваливали, расхваливали, а въ концѣ-концовъ, характеризовали его такъ, что его портретъ вышелъ совершенно похожъ на какого-нибудь удалого добраго молодца съ большой дороги. Вѣдь что вы про Карла разсказали? Что онъ смѣльчакъ былъ, какихъ мало.

— Ну, да... Другого такого и не сыщешь!

— Такъ... Что онъ самъ-другъ съ товарищемъ почту взялъ. Что онъ единолично отнялъ у артельщика сумку при полномъ вагонѣ публики... Что онъ на всемъ ходу съ поѣзда спрыгнулъ... Что онъ въ 300 шагахъ изъ маузера въ цѣль попадалъ... Такъ развѣ этого достаточно, чтобы считать его революціонеромъ?

— А то кѣмъ же Карла считать по-вашему? Хулиганомъ? Грабителемъ? Такъ я скорѣе грабителями соціалистовъ считаю, когда они съ рабочихъ послѣдніе пятаки по чековымъ книжкамъ собираютъ «на организацію» да «на литературу». А по-вашему только тотъ и человѣкъ,

кто брошюрки читаетъ или хорошо программу разсказываетъ!..

Спорить было безполезно, и я отказался отъ мысли убѣдить своего собесѣдника, что лихой боевикъ можетъ и не быть революціонеромъ. Но разговоръ о Карлѣ и объ его доблести на этотъ не окончился. Къ намъ подошло нѣсколько человѣкъ уголовныхъ. Они слышали, о чемъ шла у насъ рѣчь, и одинъ изъ нихъ, — уже не молодой и очень солидный мужикъ, славившійся среди своихъ справедливостью, — замѣтилъ:

— Карла я прямо, можно сказать, уважаю. Хотя онъ изъ политиковъ, а я воръ и у меня своя идея, а такихъ людей я на свѣтѣ мало встрѣчалъ. Правильный арестантъ и справедливый человѣкъ! Ему, — политикъ ли, воръ ли, все одно. Только на человѣка онъ смотритъ, чтобы сукой [1]) тотъ не былъ. И, какъ товарищъ вотъ говорилъ, что ни чорта онъ не боится, — это опять правда. Я бъ съ такимъ человѣкомъ на всякое дѣло пошелъ бы. На иное дѣло со своимъ, съ воромъ, не пошелъ бы, а съ Карломъ — пойду!

Споривший со мной молодой анархистикъ съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ эти похвалы своему герою и, наконецъ, сказалъ мнѣ съ усмѣшкой:

— Видите, даже уголовные понимаютъ, какой это былъ человѣкъ. А для васъ онъ — «несознательный».

Вокругъ насъ во время нашего спора собралось человѣкъ десять уголовныхъ и политическихъ. И такъ какъ разговоръ касался темы одинаково интересной и одинаково доступной для всѣхъ, то бесѣда быстро сдѣлалась общей. Съ удали Карла перешли естественно къ воспо-

---

[1]) „Сука“ на тюремномъ языкѣ значитъ предатель. Это самое обидное слово, послѣднее слово, „послѣднее слово до драки“, какъ говорятъ уголовные.

минаніямъ о подобныхъ же подвигахъ другихъ героевъ тюрьмы.

— Среди нашихъ я одного зналъ такого, что почище Карла молодецъ будетъ, — сказалъ одинъ изъ уголовныхъ. — Товарищъ мой, другъ лучшій былъ. Вотъ человѣкъ.

И онъ разсказалъ, какъ его товарищъ, будучи приговоренъ къ тремъ годамъ арестантскихъ ротъ за третью кражу со взломомъ, далъ себѣ клятву ограбить «закатавшаго» его товарища прокурора. Когда онъ вышелъ изъ тюрьмы, оказалось, что тотъ товарищъ прокурора уже перевелся давнымъ давно въ другой городъ. Дѣлать нечего, — не нарушать же данной клятвы — воръ поѣхалъ въ отдаленный городъ, куда перебрался товарищъ прокурора. Отыскалъ его квартиру, забрался въ нее и похозяйничалъ въ ней на славу: взломавъ ящикъ въ письменномъ столѣ, забралъ тамъ 300 рублей денегъ и сотню сигаръ: разбилъ зеркало въ гостиной; порвалъ форменный вицмундиръ представителя обвиненія; взялъ его золотые часы и судебный значокъ; да еще, въ придачу, изнасиловалъ его горничную и кухарку.

Мѣстами этотъ разсказъ былъ совсѣмъ нелѣпъ. Но, окончивъ его, разсказчикъ обвелъ присутствующихъ торжествующимъ взглядомъ:

— Вотъ, молъ, какіе молодцы у насъ бываютъ! Любому вашему Карлу носъ утрутъ.

Не желая признать превосходство уголовнаго героя, одинъ изъ анархистовъ разсказалъ тогда сногсшибательную исторію какого-то одесскаго «черноворонца». Пожилой крестьянинъ-хохолъ, упорно считавшій себя соціалъ-демократомъ, но темный, какъ ночь, и тупой, какъ колода, тоже вставилъ свое слово и началъ было разсказывать объ «оргинизателѣ» Викторѣ, который, будто бы, одинъ защищалъ баррикаду противъ цѣлаго полка казаковъ и двухъ ротъ пѣхоты съ пушками. Но его перебилъ приземистый плѣшивый бородачъ съ выбитымъ лѣвымъ глазомъ, вліятельный среди уголовныхъ иванъ, и принялся разсказывать о томъ, какъ онъ съ однимъ товарищемъ бѣжалъ съ каторги. Подробностей разсказа не помню. Помню только, что они вдвоемъ закололи 4 солдатъ, перевязали 12 надзирателей и ушли, забравъ съ собою 14 лошадей и 12 ружей, а въ дорогѣ, по мѣрѣ надобности, продавали эти ружья и лошадей мѣстному населенію! Это уже было «туза за фигуру» политическимъ, и казалось, что политическимъ тутъ «крыть нечѣмъ»! Но тѣ не сдавались. Разговоръ становился все болѣе оживленнымъ. Разсказчики окончательно перестали отличать правду отъ вымысла. По тюремному, они теперь просто «заливали» другъ передъ другомъ. И трудно было предсказать, какая сторона, въ концѣ концовъ, «сорветъ» банчокъ . . .

Разговоръ окончательно перешелъ въ область тюремной романтики. И поразительно ясно обнаруживалось при этомъ полное тожество романтики, полное тожество въ представленіи о героѣ у сцѣпившихся въ споръ заключенныхъ.

Впрочемъ, въ этомъ тожествѣ не было ничего удивительнаго. Вѣдь романтика кулака имѣетъ свою логику. И люди, подпавшіе подъ обаяніе этой романтики, одинаково рисуютъ себѣ идеальнаго героя, одинаково разукрашиваютъ дѣйствительность, одинаково врутъ, когда разсказываютъ о чемъ-либо въ приподнято-хвастливомъ духѣ . . .

Герой ножа и браунинга, лома и маузера, отмычки и бомбы, — воплощеніе идеала тюремной романтики — обезличивался настолько, что у него оказывалась совершенно одинаковая физіономія въ толкованіи какого-нибудь слишкомъ юнаго «политическаго» и какого-нибудь

стараго рецивидиста-скокаря [1]). Но и на этомъ развитіе нашего героя не останавливалось.

Черты этого «тюремнаго героя» были настолько элементарны, что онѣ легко могли оказаться налицо не только у нарушителей закона, но и ревностныхъ охранителей его. Въ самомъ дѣлѣ. Развѣ казакъ, полицейскій или стражникъ не можетъ оказаться смѣльчакомъ-головорѣзомъ, предпріимчивымъ и отважнымъ, ловкимъ и сильнымъ? Конечно, можетъ. А вѣдь эти качества — все, что требуется отъ героя кулачной романтики.

И мнѣ приходилось наблюдать, какъ героями тюремныхъ легендъ становились ненавистные тюремному населенію полицейскіе, отличавшіеся отъ своихъ товарищей по профессіи лишь большей смѣлостью, большимъ молодечествомъ.

Такимъ героемъ сдѣлался, напримѣръ, нѣкій Архипъ Волкъ, служившій старшимъ стражникомъ въ томъ городѣ, гдѣ я былъ арестованъ. Архипъ Волкъ былъ самымъ обыкновеннымъ коннымъ стражникомъ. Съ шумомъ и гиканьемъ ѣздилъ онъ по улицамъ городского предмѣстья. Если встрѣчалъ рабочаго въ синей фуражкѣ изъ діагоналеваго сукна (признакъ крамольности въ южныхъ губерніяхъ), подъѣзжалъ къ крамольнику и нагайкой сбивалъ фуражку съ его головы на землю. Преслѣдовалъ и нерѣдко билъ нагайкой заводскихъ парней, носившихъ черныя косоворотки съ широкимъ поясомъ. Ночью останавливалъ и обыскивалъ прохожихъ. А въ праздничные дни гарцовалъ на конѣ по базару, опрокидывалъ лотки торговокъ, переругивался съ бабами и стегалъ ихъ своей плетью. Короче — это былъ стражникъ, чрезвычайно ревностно выполнявшій свои обязанности и дѣлавшій, не мудрствуя лукаво, все, что по обычаю нынѣшнихъ временъ полагается дѣлать хорошему стражнику.

[1]) „Скокарь“ — воръ, спеціалистъ по кражамъ со взломомъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Архипъ Волкъ былъ человѣкъ не трусливаго десятка. При массовыхъ обыскахъ въ рабочихъ кварталахъ онъ смѣло лѣзъ впередъ, не боясь ни пули, ни бомбы. И, наскакивая на рабочихъ, онъ нерѣдко кричалъ:

— Не боюсь я васъ, сукины дѣти! Мое здѣсь царство.

Тоже самое кричалъ онъ и на базарѣ, воюя съ бабами-торговками. Вообще, у почтеннаго стражника было кое-что общее съ прославленнымъ генераломъ Думбадзе. Но въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ въ то время (расцвѣтъ дѣятельности Волка приходился на 1908 г.), такихъ маленькихъ думбадзе въ Россіи развелось превеликое множество.

Такъ вотъ, этотъ старшій стражникъ тоже удостоился попасть въ герои. О немъ разсказывали въ тюрьмѣ цѣлыя легенды. Передавали подробности о чудесахъ храбрости, проявленной имъ въ «дѣлахъ» съ анархистами. Говорили, что это бывшій соціалъ-демократъ, разочаровавшійся въ революціи. Разсказывали, что онъ пошелъ въ стражники не ради денегъ, а исключительно лишь для того, чтобы отомстить анархистамъ, которые чѣмъ-то кровно обидѣли его (не то отбили у него невѣсту, не то случайно убили ее). Передавали его «историческія» слова:

— Служить буду, пока хоть одинъ анархистъ въ живыхъ останется.

Все это разсказывалось съ невольнымъ восхищеніемъ. Стражникъ, несомнѣнно, былъ героемъ въ глазахъ разсказчиковъ.

Казалось бы, ниже этого романтика кулака не можетъ спуститься. Но она опускалась и ниже. Такія же

полныя преувеличенія, проникнутые восхищеніемъ разсказы я слышалъ и объ одномъ городовомъ, и о нѣкоторыхъ тюремныхъ надзирателяхъ, и даже объ одномъ помощникѣ начальника сыскного отдѣленія.

Можетъ быть, я не вполнѣ точно характеризовалъ порожденную тюрьмой переоцѣнку цѣнностей, опредѣливъ изображенное явленіе, какъ развитіе *романтики кулака*. Можетъ быть, какое-нибудь другое слово, какая-нибудь другая формула лучше передастъ сущность этого явленія.

Не слово, не формула важны для меня. Важно было мнѣ отмѣтить, какъ гнетъ тюрьмы разрушаетъ въ людяхъ ихъ прежнюю вѣру въ духовныя цѣнности; какъ привыкаютъ они уважать лишь такія качества человѣка, какъ сила, храбрость. Важно отмѣтить, какъ подъ гнетомъ тюрьмы отвыкаютъ люди отъ прежнихъ своихъ разговоровъ, отъ старыхъ своихъ интересовъ, начинаютъ по новому разговаривать, по новому мыслить.

III.

„Полѣвѣвшіе“.

Не на всѣхъ узниковъ одинаково разрушительно дѣйствовало пребываніе въ тюрьмѣ. И было бы нелѣпымъ преувеличеніемъ и грубой несправедливостью думать, что каждый человѣкъ, пробывшій опредѣленное число лѣтъ подъ гнетомъ желѣзной рѣшетки, проникался романтикой кулака и презрѣніемъ къ какимъ бы то ни было некулачнымъ цѣнностямъ, къ какой бы то ни было идеологіи.

Подобнаго рода скороспѣлое обобщеніе было бы и несправедливо, и невѣрно: вѣдь мы знаемъ десятки людей, которые, проведя четверть вѣка подъ тюремными сводами, выходили на волю съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами, но съ неостывшимъ огнемъ въ груди. Передъ всѣми нами стоятъ эти люди съ желѣзной волей и съ душой, недоступной дѣйствію тюремной ржавчины.

Но вѣдь не одни такіе попадаютъ въ тюрьму. Попадаютъ туда и слабые люди, не рожденные съ душами борцовъ, но случайно захваченные бурнымъ потокомъ событій. И на нихъ желѣзная рѣшетка производитъ свое разрушительное дѣйствіе, — иногда даже въ самый короткій промежутокъ времени, до истеченія какихъ-нибудь 2—3 лѣтъ ихъ пребыванія въ тюрьмѣ. Только объ этихъ слабыхъ людяхъ, случайныхъ участникахъ революціи и случайныхъ жертвахъ реакціи, только о нихъ говорю я.

Дѣйствіе тюрьмы на этихъ слабыхъ людей проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Не всѣ подъ вліяніемъ тюрьмы проникались «блатной» романтикой кулака. Многіе сохраняли внѣшній лоскъ культурности, — который, разумѣется, несовмѣстимъ съ исповѣданіемъ «блатной» идеологіи, — но психическое разложеніе происходило въ нихъ не менѣе глубоко, чѣмъ у ихъ товарищей, окончательно усвоившихъ романтику кулака. Изъ процессовъ такого психическаго разложенія особенно характерны два: тюремное «полѣвѣніе» и тюремное «поправѣніе». Объ обоихъ этихъ процессахъ я намѣренъ разсказать теперь.

Сразу послѣ ареста и послѣ привода моего въ N-скую тюрьму я попалъ въ 7-ую слѣдственную камеру. Здѣсь сидѣли исключительно лишь политическіе или люди, которыхъ администрація тюрьмы считала политическими. Внутренней борьбы съ уголовными, о которой я говорилъ выше, въ нашей камерѣ не было. Ничто не мѣшало разговорамъ на политическія темы, и потому политическая

физіономія каждаго товарища по камерѣ обнаруживалась здѣсь при первомъ же знакомствѣ.

Составъ нашей камеры былъ крайне смѣшанный. Были здѣсь и эсдеки, и эсэры, и акаки (анархисты-коммунисты), и лица, про которыхъ въ шутку говорили, что они изъ партіи н. б. н. м. н. к., т. е. изъ партіи «ни бэ, ни мэ, ни кукуреку». Много было здѣсь «бывшихъ с.-д.», «бывшихъ с.-р.», «бывшихъ анархистовъ». Ссобенно замѣтны были эти «бывшіе» среди старожиловъ тюрьмы, арестованныхъ 2—3 года тому назадъ.

Изъ этихъ «бывшихъ» часть уклонилась въ тюрьмѣ отъ своихъ прежнихъ партійныхъ взглядовъ *влѣво,* часть *вправо.* Но «полѣвѣвшихъ» было больше.

Само собою разумѣется, что въ выходѣ человѣка изъ партіи, отъ жизни которой онъ былъ оторванъ въ теченіе 2—3 лѣтъ, нѣтъ ничего дурного. И особенно естественно это у насъ, въ Россіи, гдѣ въ 1905-6 г.г. къ революціоннымъ партіямъ примкнуло столько людей, совершенно не разбиравшихся въ партійныхъ программахъ. Въ тюрьмѣ люди могли пересмотрѣть свои взгляды, могли подучиться, могли отказаться отъ своихъ прежнихъ ошибокъ. Что можетъ быть естественнѣе этого?

Но вотъ что удивило меня. Сознательной перемѣнѣ политическихъ убѣжденій у человѣка должна была бы предшествовать опредѣленная работа мысли. Между тѣмъ, большинство «бывшихъ» с.-д., с.-р. и а.-к. въ нашей камерѣ какъ то мало интересовались политическими и общественными вопросами. Въ то время (это было въ началѣ 1908 г.) въ тюрьмѣ было еще довольно много книгъ по общественнымъ наукамъ, но этихъ книгъ «бывшіе» почти не читали. Отъ разговоровъ на политическія темы они не уклонялись, но вели эти разговоры какъ-то странно: постоянно ходили вокругъ да около вопроса,

аргументировали очень горячо, страстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ сбивчиво и туманно, хотя отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было бы ожидать несравненно большей обоснованности сужденій. Особенно охотно вступали въ споры со своими прежними единомышленниками «полѣвѣвшіе». И главнымъ образомъ, по этимъ спорамъ можно было установить особенности новаго міровоззрѣнія у каждаго изъ нихъ и то, что было общаго въ продѣланной всѣми ими эволюціи «влѣво».

Среди бывшихъ с.-д. въ нашей камерѣ обращали на себя вниманіе двое рабочихъ мѣстнаго рельсопрокатнаго завода. Одному изъ нихъ было уже лѣтъ подъ 50. Это былъ человѣкъ, видавшій виды на своемъ вѣку: объ этомъ говорила его преждевременно побѣлѣвшая борода, его умные, немного грустные глаза, его спокойныя, увѣренныя манеры. Звали его Акимъ Григорьевичъ. Какъ я узналъ отъ товарищей, на волѣ онъ работалъ въ с.-д. организаціи, работалъ энергично и самоотверженно и пользовался огромнымъ вліяніемъ среди рабочихъ своего завода. Другой рабочій того же завода, арестованный вмѣстѣ съ Акимомъ Григорьевичемъ, былъ такъ молодъ на видъ, что его можно было принять за внука старика. Въ камерѣ его звали не иначе, какъ уменьшительнымъ именемъ — Сеня. Онъ держался постоянно возлѣ своего старшаго товарища, вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ и пилъ чай, вмѣстѣ съ нимъ выходилъ на прогулку и ходилъ взадъ и впередъ по камерѣ. Вообще старикъ и юноша были неразлучны.

И Акимъ Григорьевичъ, и Сеня оказались «бывшими» с.-д. И такъ какъ они оба, съ перваго же взгляда, невольно располагали къ себѣ, то меня живо заинтересовалъ вопросъ, что оттолкнуло ихъ обоихъ отъ партіи. Ясно было, что и старикъ, и юноша ушли отъ партіи

однимъ и тѣмъ же путемъ, продѣлали одну и ту же эволюцію. Что же заставляло ихъ обоихъ отказаться отъ своихъ старыхъ политическихъ взглядовъ?

При первомъ удобномъ случаѣ я завелъ съ ними разговоръ на эту тему.

Это было вечеромъ. Мы сидѣли вмѣстѣ на нарахъ, въ полутемномъ углу камеры, и бесѣдовали о разныхъ разностяхъ. Кругомъ насъ стояло жужжаніе множества голосовъ. Сеня заговорилъ о будущей работѣ на волѣ.

— Не знаю я, что буду я на волѣ дѣлать, — замѣтилъ онъ, задумчиво глядя вдаль своими ясными, почти дѣтскими глазами: — только въ партіи не смогу я больше работать.

— Почему такъ? — спросилъ я его.

— Не смогу, — повторилъ Сеня: — душа не лежитъ.

— Но вѣдь раньше вы работали! Неужто теперь эта работа не удовлетворяетъ васъ?

— Раньше работалъ... Раньше я многаго не понималъ. А теперь другое дѣло... Глаза раскрылись... Теперь я лучше вещи вижу... Теперь не могу, — послѣ тюрьмы. Здѣсь я много понялъ...

Это было произнесено съ такимъ выраженіемъ тоски и боли въ голосѣ, что мнѣ стало жаль парня:

— Полно, Сеня, — сказалъ я ему. — Глаза только въ борьбѣ раскрываются, когда всѣ силы человѣка крѣпнутъ, а не въ тюрьмѣ. На волѣ вы учились бы правильно вещи видѣть. А тюрьма чему могла научить васъ? Просто измучились вы здѣсь. А вотъ выйдете на волю, вздохнете опять вольнымъ воздухомъ, — и опять будете на міръ и на жизнь по иному смотрѣть, и опять въ работу броситесь!

Губы Сени искривились слабой улыбкой:

— Если бъ могъ я только на жизнь по-старому смотрѣть! Только раньше мы вѣдь сами себя обманывали. А нарочно обмануть себя, чтобы повѣрить тому, чего нѣтъ, нельзя.

— Въ чемъ же вы обманывали себя? Въ соціализмъ вы больше не вѣрите, или въ революцію?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, въ соціализмъ я вѣрю, въ революцію тоже, — какъ то вяло и нерѣшительно отвѣтилъ Сеня.

А Акимъ Григорьевичъ прибавилъ вѣско и твердо:

— Если намъ въ будущее не вѣрить, чѣмъ жить мы станемъ? Какъ будемъ свою лямку тянуть? Вѣдь знаете, какая жизнь у рабочихъ: нужда, голодъ, обиды со всѣхъ сторонъ.

— Въ чемъ же дѣло? — опять я спросилъ Сеню: — Если вы остались соціалистомъ, что мѣшаетъ вамъ въ партіи работать?

— Видите ли, товарищъ, — порывисто и быстро заговорилъ Сеня: — Въ 5-мъ году мы въ забастовки, въ возстанія, въ силу рабочаго движенія вѣрили. Думали, рано иль поздно, а своего народъ добьется. Всѣхъ рабочихъ мы тогда соціалистами считали. Онъ, можетъ быть, темный совсѣмъ, безграмотный, послѣ каждой получки, какъ свинья, напивается, жену и дѣтей колотитъ, а мы и его соціалистомъ считали! Я тогда только-только жить начиналъ. Придешь на заводъ... Кругомъ всѣ какъ будто ждутъ чего-то большого, радостнаго... Многіе и пить совсѣмъ бросили... Намъ, ученикамъ, тоже легче стало. Мастера уже не ругаются, не шпыняютъ зря... Мальчишекъ тоже бить перестали... Кругомъ только и слышно: «Товарищъ, товарищъ!» И впрямь всѣ товарищи были. Бѣда съ кѣмъ стрясется, — сразу по всѣмъ мастерскимъ сборъ сдѣлаютъ... Въ шапку каждый что-нибудь да положитъ, — не гривенникъ, такъ пятакъ. Про иного всѣ знаютъ, что онъ самъ съ семьей безъ хлѣба сидитъ, а смотришь, — и онъ пятакъ въ

шапку положитъ: нельзя товарищу въ помощи отказать! И вѣрили тогда другъ въ друга, и въ себя вѣрили. Иной разъ, смотришь, смотришь вокругъ, видишь, какъ люди словно иные стали, и думаешь: чтобъ мы, да не побѣдили! Чтобы мы, да новой жизни себѣ не устроили! Тогда у насъ на заводѣ часто с.-д. выступали. Каждую недѣлю раза по 2 митинги устраивали, — то въ цеху, то на дворѣ въ обѣдъ, то у воротъ послѣ гудка. Помню, первый митингъ у насъ въ старой механической устроили... Еще тогда товарищъ Аркадій, меньшевикъ, выступалъ. Говорилъ о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, о соціализмѣ, о классовой солидарности, объ организаціи массъ... Много о чемъ говорилъ. Меня такъ и захватило всего. Какъ будто новымъ человѣкомъ сталъ: вотъ, думаю, гдѣ правда! Листки соціалъ-демократическіе у насъ въ заводѣ и раньше были. Только по печатному такъ хорошо я не могъ все понять, какъ тогда съ живого слова понялъ. Сталъ я искать человѣка, который меня ближе съ партіей познакомилъ бы. Мнѣ одинъ товарищъ на Акима Григорьевича и указалъ. Сталъ я просить его, чтобы принялъ меня въ партію. Акимъ Григорьевичъ отказалъ мнѣ сперва, а потомъ уступилъ. Въ кружокъ я сталъ ходить... Пропагандистка къ намъ каждую недѣлю пріѣзжала. И все, казалось, что стоимъ мы на вѣрномъ пути... Какъ же! Вѣдь весь нашъ пролетаріатъ какъ одинъ человѣкъ идетъ. Значитъ, сила не въ отдѣльныхъ выскочкахъ, а въ народной массѣ, въ общей борьбѣ. А для общей борьбы, дѣйствительно, знанія нужно побольше. Вѣдь видѣлъ я тогда, что какой-нибудь Тишка или Мишка, который забастовку какъ герой какой-то проводитъ, на дѣлѣ еще меньше, чѣмъ я въ вопросахъ разбирается... Понимаешь отлично, что не можетъ это такъ оставаться. Нужно учиться, читать, побольше знаній набирать, что-

бы потомъ всѣ эти знанія товарищамъ передать, глаза имъ открыть. И въ кружкахъ я такъ внимательно, такъ внимательно, бывало, слушаю: стараюсь каждое слово пропагандистки въ памяти удержать, чтобы потомъ дальше передать. Бывало, каждое слово я въ памяти хранилъ, какъ драгоцѣнность какую-нибудь, какъ святыню... А потомъ все обманомъ оказалось!..

Сеня умолкъ, взволнованный нахлынувшими воспоминаніями, взвинченный собственной рѣчью. Онъ сидѣлъ подавленный, грустный, подперевъ обѣими руками голову, и опять глаза его были устремлены куда-то вдаль. Понуривъ голову сидѣлъ рядомъ съ нимъ его старый товарищъ. Видно было, что и онъ пережилъ всѣ тѣ радостныя волненія, о которыхъ только что вспоминалъ Сеня, и онъ пережилъ вмѣстѣ съ нимъ глубокое, мучительное разочарованіе, когда то, во что они вѣрили, оказалось «обманомъ». И въ ихъ разочарованіи ясно чувствовалась не пустая фраза, а глубокая душевная драма.

Съ минуту длилось молчаніе въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ въ полутемномъ углу камеры. Я первый нарушилъ это молчаніе:

— Въ чемъ же вы видите «обманъ», товарищи? — спросилъ я.

Сеня промолчалъ, будто не слышалъ вопроса. Отвѣтилъ Акимъ Григорьевичъ:

— Въ томъ обманъ былъ, — началъ онъ своимъ обычнымъ вѣскимъ и твердымъ тономъ, — что массу свою мы невѣрно понимали, и ей не то указывали, что нужно было. Да! Сеня полную правду сказалъ, какъ въ 5-мъ году мы на себя смотрѣли и какъ весь рабочій классъ видѣли. Для насъ всѣ — соціалисты были. А на повѣрку-то, поглядите, какимъ народъ-то нашъ оказался. Сволочью оказался, простите за выраженіе! Такой сволочью, что стыдно товарищу въ глаза посмо-

трѣть. Хоть нашъ заводъ рельсопрокатный, для примѣра, возьмите. Что у насъ теперь дѣлается! Съ 6-го года стала дирекція штаты сокращать: заказовъ, молъ, мало по случаю кризиса. А между тѣмъ на заводѣ въ 6 мастерскихъ по вечерамъ работали. Ну, собрались рабочіе на митингъ въ вальцовочной и резолюцію приняли: сверхъурочныхъ работъ никому не работать! Павловъ на митингѣ томъ предсѣдательствовалъ. Братъ ко мнѣ на свиданіе приходилъ, разсказывалъ, какую онъ рѣчь держалъ. «Предателемъ и измѣнникомъ, говоритъ, тотъ будетъ, кто своей сверхъурочной работой у голоднаго товарища послѣдній кусокъ хлѣба вырываетъ!» А теперь у насъ на заводѣ почти всѣ сверхъурочныя работы работаютъ. Только тотъ и не работаетъ, кому дирекція не даетъ. А Павловъ нашъ первый же другимъ примѣръ показалъ. Вотъ и оказалась солидарность рабочаго класса! Вотъ и оказалось, какъ мы раньше говорили, что не въ одиночку бороться нужно, а всѣмъ массой!.. А то, вотъ другой примѣръ. Когда послѣ обстрѣла завода арестовали насъ, депутатовъ, рабочіе постановленіе вынесли всѣмъ нашимъ семьямъ помощь оказывать. Иначе и нельзя было: вѣдь насъ весь заводъ выбиралъ, и отъ себя мы ничего не дѣлали, все отъ завода, за всѣхъ рабочихъ. Разсчитали, что пять семействъ безъ средствъ остались. Хотѣли положить имъ столько помощи, сколько мы на заводѣ зарабатывали, да мы изъ тюрьмы написали, что можно и поменьше положить, лишь бы аккуратно каждый мѣсяцъ доставляли. Ну, тогда на каждое семейство по 25 р. въ мѣсяцъ назначили. Значитъ, на всѣхъ 125 р. собрать нужно: дастъ каждый хоть по пятаку въ получку, — и довольно будетъ. Для завода не тяжело, кажется? Ну, съ первой получки 246 рублей собрали. На второй мѣсяцъ уже 180 р. вышло, въ мартѣ еле-еле 120 р. набрали. А потомъ пошло все

меньше и меньше. Весной какъ-то съ получки 22 р. съ копейками собрали, а послѣ этого и совсѣмъ помогать перестали. Жену мою, было, кассиршей въ заводскую лавку потребителей приняли, жалованья ей 30 р. положили. Она хорошо грамотна и кассиршей свободно служить можетъ. Но приняли-то ее все же какъ бы ради помощи, чтобы не голодать ей съ дѣтьми. Прослужила она такъ съ пять мѣсяцевъ. Вдругъ ей и заявляютъ: «Съ 1-го числа на ваше мѣсто другое лицо правленіемъ назначено». И причинъ никакихъ не объяснили. А потомъ уже она узнала, что на ея мѣсто племянница Агаѳонова — предсѣдателя правленія лавочки — назначена. Когда узналъ я объ этомъ, я Агаѳонову письмо изъ тюрьмы написалъ: на волѣ мы съ нимъ пріятели были, а къ тому же Агаѳоновъ тогда и въ партіи состоялъ. Ну, на свое письмо я и до сего дня отвѣта жду. Такъ это дѣло и осталось... А доносы... Слыхали, какіе доносы теперь у насъ на заводѣ пошли? Кто что въ мастерской скажетъ, на завтра уже въ конторѣ все знаютъ. Что ни недѣля, — 5—6 человѣкъ къ расчету назначаютъ. Въ контору идутъ. «За что — спрашиваютъ: — по какой причинѣ?» А дирекція, прямо какъ въ насмѣшку, каждому объясняетъ: «Тебя — за то, что старшаго инженера «бельгійскимъ боровомъ» назвалъ. Тебя — за то, что въ рабочее время вслухъ газету читалъ. Тебя — за то, что Союзъ Русскаго Народа «шайкой хулигановъ» назвалъ». Вѣдь союзники-то въ чести теперь на заводѣ; слова про нихъ не скажи! А откуда могутъ въ конторѣ знать, что въ мастерской говорится? Ясное дѣло, наши же товарищи стараются, доносятъ! Каждый сейчасъ выслужиться хочетъ. По заводу все слухи ходятъ о предстоящихъ расчетахъ. Ну, каждый и боится свое мѣсто потерять. Многіе изъ-за страха и въ Союзъ Русскаго Народа записались, мо-

лебны служатъ, хоругвь купили... Стыдно разсказывать обо всемъ. Сволочь какая-то оказалась... А мы то кричали: сознательный пролетаріатъ! сознательный пролетаріатъ!

Я хотѣлъ возразить старику, указать ему, что онъ сгущаетъ краски, преувеличиваетъ и обобщаетъ тѣ печальныя явленія упадка, которыя совершенно неизбѣжны въ эпоху реакціи; хотѣлъ указать ему, что, сидя въ тюрьмѣ, трудно судить о томъ, что творится на волѣ. Но старикъ продолжалъ говорить все такъ же печально и вѣско, будто хороня этими словами свою старую вѣру въ товарищей:

— Массоваго движенія намъ хотѣлось. Вотъ тебѣ и массовое движеніе! Да чего отъ массы требовать, когда дорогу имъ наши же сознательные показали? Вѣдь Павловъ, Агаѳоновъ, — орлы у насъ на заводѣ были, весь заводъ за собой вели. И первые же прохвостами сдѣлались! Или еще, вотъ, Куриловичъ работалъ у насъ. Во вторую Думу его депутатомъ провести хотѣли. И прошелъ бы онъ, навѣрное, если бъ въ собраніи уполномоченныхъ тренія не возникли... Это, впрочемъ, уже послѣ моего ареста было, такъ что точно я не знаю, какія тамъ тренія были. Ну, послѣ нашего ареста Куриловичъ депутатомъ отъ всего завода былъ выбранъ, и рабочіе очень довольны имъ были. А онъ, не то изъ самолюбія работалъ, не то и впрямь былъ дѣлу преданъ, — только такъ работалъ, что лучше и желать нельзя. Такъ больше года прошло. А съ полгода тому назадъ такой вышелъ случай. Вызвалъ къ себѣ директоръ Куриловича въ контору. «Вы, говоритъ, у меня на заводѣ депутатствуете, рабочихъ мутите. Я этого допустить не могу. До политическихъ убѣжденій рабочихъ мнѣ никакого дѣла нѣтъ: я не жандармъ. Но я хозяинъ. Мнѣ ваши затѣи въ тысячи рублей влетаютъ. И вы сами бы меня

за дурака сочли, если бъ я противъ этого своихъ мѣръ не принялъ. Однимъ словомъ, говоритъ, или откажитесь отъ своего депутатства и сидите смирно, или съ завода вы въ 24 часа полетите, и дѣло не со мной будете имѣть, а съ жандармскимъ управленіемъ. Поняли»? Куриловичъ и сдрейфилъ:: «Я, говоритъ, депутатомъ не по своему желанію сталъ... отказаться мнѣ неловко было. А о томъ, будто я рабочихъ мутилъ, вамъ г. директоръ, невѣрно передали. Ничего такого не было»... Директоръ увидалъ, съ кѣмъ дѣло имѣетъ, и пошелъ ему навстрѣчу. «Вы, говоритъ, человѣкъ толковый и работникъ хорошій. Такихъ людей мы въ дѣлѣ цѣнимъ. До взглядовъ вашихъ, повторяю, мнѣ никакого нѣтъ дѣла. Я васъ охотно оставилъ бы на заводѣ и ротмистру бы въ вашу пользу словечко замолвилъ бы (ротмистръ о васъ уже два раза меня запрашивалъ)... Только вы должны дать мнѣ честное слово рабочаго, что никакими такими штуками у меня на заводѣ заниматься не будете. И депутатство свое бросьте. Обѣщаете?» Куриловичу, видно, какъ масломъ по сердцу пришлось, что директоръ съ нимъ какъ съ равнымъ разговариваетъ. Онъ и пообѣщалъ все, что только буржуй отъ него требовалъ. Въ тотъ же день въ мастерской заявилъ, что отъ своихъ депутатскихъ полномочій отказывается. Причину привелъ, что усталъ, молъ, и времени свободнаго не имѣетъ. Рабочіе на его мѣсто другого выбрали. А Куриловичъ въ сторонѣ остался и работаетъ себѣ, старается. Только глядь, — черезъ мѣсяцъ Куриловича уже бригадиромъ назначили. И пошелъ, пошелъ онъ рабочихъ жать, пошелъ старые грѣхи свои заглаживать. Его уже не проведешь: всѣ наши хитрости противъ ихнихъ хитростей онъ, какъ свои пять пальцевъ, знаетъ. Съ пробой, съ записками на матерьялъ, съ подсчетомъ часовъ при немъ ужъ ничего не сдѣлаешь. Ну и пошелъ онъ въ гору.

Теперь помощникомъ мастера служитъ. Братъ разсказывалъ, — прямо воютъ отъ него рабочіе. Убить его даже хотѣли. Такъ онъ на казенную квартиру переѣхалъ и вечеромъ изъ дому не выходитъ. А въ заводъ придетъ, — въ карманѣ непремѣнно револьверъ держитъ, какъ инженеръ какой-нибудь или полицейскій... Да одинъ ли Куриловичъ такъ дѣлаетъ?.. Петровъ, напримѣръ...

Акимъ Григорьевичъ хотѣлъ продолжать свои обличенія. Но эти безконечные примѣры старика все дальше и дальше отвлекали насъ отъ первоначальнаго вопроса о причинахъ, заставившихъ моихъ собесѣдниковъ разочароваться во всей соціалъ-демократической работѣ, какъ въ обманѣ. И, желая вернуть разговоръ къ этому вопросу, я прервалъ рѣчь старика:

— Все, о чемъ вы говорите, можетъ быть, очень печально, товарищъ, — замѣтилъ я. — Но при чемъ же здѣсь партія и партійная работа? Вѣдь вы говорили, что старое партійное дѣло обманомъ оказалось... Такъ я васъ понялъ?

— Ну да, обманомъ! Сами себя мы обманывали и людей обманывали.

— Въ чемъ же обманъ былъ? Что ваши «орлы» — Павловъ, Агаѳоновъ, Куриловичъ — слабыми людьми или хотя бы негодяями оказались? Что масса рабочая въ тяжелые годы реакціи оказалась малосознательной, недисциплинированной, недостаточно стойкой? Такъ вѣдь этого можно было наперед ожидать! Вспомните, товарищъ, давно ли у насъ массовое движеніе началось! А развѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ можно милліоны людей перевоспитать? Гдѣ же здѣсь обманъ? Къ чему вы всѣ эти исторіи приводите? Развѣ за нихъ можно винить какую бы то ни было партію и отказаться отъ работы?

Мой натискъ какъ будто смутилъ на минуту Акима Григорьевича. Потокъ его обличительныхъ воспоминаній изсякъ. Но Сеня порывисто перебилъ меня:

— Эхъ, товарищъ, знаемъ, что вы скажете! — волнуясь и спѣша заговорилъ онъ. — Больше нужно работать? Глубже массу захватывать? Это давно мы слышали. Это соціалъ-демократы еще въ пятомъ году говорили... И про сознательность тогда говорили... И про организацію... И про все, про все говорили... Да къ чему, къ чему все это? Масса всегда массой останется. Ни въ чемъ положиться на нее нельзя никогда. И соціалъ-демократы много вреда революціи принесли тѣмъ, что въ массу заставляли вѣрить, на рабочій классъ учили молиться. Кто могъ впереди идти, кто могъ самъ бороться, тѣхъ соціалъ-демократы отъ борьбы удерживали, принижаться заставляли... Все массы дожидались. А развѣ изъ рабовъ можно одними только словами сдѣлась свободныхъ людей? Масса! Галдѣть можетъ масса, на митингъ можетъ придти ушами хлопать, — и только! Можетъ масса и представителей своихъ выбрать... Поддержку имъ обѣщаетъ, а потомъ сама же ихъ выдастъ! Если массы ждать, какъ соціалъ-демократы учатъ, то ни революціи, ни соціализма не будетъ никогда! Никогда!

— По мнѣ, — вставилъ Акимъ Григорьевичъ, — погибнуть за настоящее дѣло не страшно. Только, чтобъ дѣло было нужное, дѣйствительное. Я погибну, другіе будутъ то же дѣло продолжать, и дойдутъ таки до конца. Но за слова въ петлю лѣзть? За слова, которыя, какъ отъ стѣнки горохъ, отскакиваютъ? Нѣтъ смысла въ этомъ.

— Неужели же ваше старое дѣло не было «настоящее», «нужное», «дѣйствительное»? — снова спросилъ я старика. — Вѣдь вы работали надъ тѣмъ, чтобы поднять своихъ товарищей-рабочихъ, сдѣлать ихъ болѣе сознательными, глаза имъ на жизнь раскрыть. И по вашимъ

же разсказамъ видно, что такая работа болѣе необходима, чѣмъ какое бы то ни было другое дѣло!

— Вотъ это-то и невѣрно! — возразилъ Акимъ Григорьевичъ, — съ массой вы ничего не сдѣлаете. Масса всегда такой и будетъ, пока вы для нея новыхъ условій жизни не создадите. И за то, что мы на волѣ дѣлали, за слова эти гибнуть — все равно, что самимъ въ петлю лѣзть. Ни смысла тутъ нѣтъ, ни пользы. Не то дѣлать надо... Не людей усыплять да обманывать, а напротивъ того...

Старикъ замолчалъ.

— Что же вы дѣлать будете, когда на волю выйдете? — спросилъ я.

— Я-то самъ, можетъ быть, ничего уже сказать не смогу. Старъ я. Тюрьма послѣднія силы взяла. Да и выйду ли я отсюда, еще неизвѣстно. Можетъ быть, меня раньше ногами впередъ подъ ворота вынесутъ. А молодые, кто уцѣлѣетъ, будутъ уже знать, что дѣлать. Не станутъ нашихъ ошибокъ повторять. Не будутъ массы ждать...

Я взглянулъ вопросительно на Сеню, ожидая, что онъ разъяснитъ мнѣ, наконецъ, положительную программу дѣйствій, выработанную ими.

— Если приведется намъ еще бороться, — отвѣчалъ на мой взглядъ Сеня, — мы, главное, все сами будемъ дѣлать. Нечего намъ ждать массы и нечего на массу силы тратить. Эта агитація да организація, когда не знаешь, кого агитируешь и кого въ организацію принимаешь, — не нужны они совсѣмъ. А набралось насъ въ городѣ, скажемъ, хоть — 10—12 человѣкъ, на все готовыхъ, мы уже многое можемъ сдѣлать...

— Напримѣръ?

— Можемъ отомстить! Можемъ такъ сдѣлать, что другимъ неповадно будетъ... И если въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ городѣ, — по всей странѣ такая чистка пойдетъ, правительство живо догадается, что для нихъ же выгоднѣе дать свободу. Ради собственной своей шкуры на уступки пойдутъ. И ни забастовокъ, ни возстаній никакихъ не надо будетъ.

Долго развивалъ Сеня свои планы. Красной нитью проходило въ нихъ недовѣріе къ массѣ и къ массовой культурной работѣ, съ одной стороны, а съ другой стороны — вѣра въ силы небольшой сплоченной кучки революціонеровъ-боевиковъ. Только въ дѣйствія смѣлыхъ одиночекъ въ борьбѣ съ правительствомъ вѣрили Сеня и Акимъ Григорьевичъ. И напрасно пытался я доказать имъ всю шаткость такой вѣры: ни малѣйшаго дѣйствія не оказывали ни мои доводы, ни приводимые мною историческіе примѣры. Имъ казалось, что я, какъ с.-д., возражаю имъ, такъ какъ ихъ боевая тактика отличается черезчуръ революціоннымъ характеромъ и противорѣчитъ исконной склонности всѣхъ с.-д. къ тихой и мирной массовой работѣ. Они были въ полной увѣренности, что ихъ разочарованіе въ рабочемъ движеніи отодвинуло ихъ отъ с.-демократіи *влѣво*. И хотя въ глубинѣ души они жалѣли о цѣлостности утраченной старой вѣры, все же ничто не заставило бы ихъ вернуться *направо* къ оставленнымъ позиціямъ...

Акимъ Григорьевичъ и Сеня были не единственными представителями такихъ взглядовъ у насъ въ тюрьмѣ. Мнѣ пришлось встрѣчать еще довольно много «бывшихъ с.-д.», которые разсуждали точно такимъ же образомъ.

Съ разочарованіемъ въ массовомъ, рабочемъ движеніи идейная работа отодвигалась у нихъ на задній планъ. Главное значеніе въ ихъ глазахъ пріобрѣла непосредственная борьба съ оружіемъ въ рукахъ, — всевозможные виды террора и «партизанскихъ нападеній». Сообразно съ этимъ «полѣвѣвшіе» с.-д. симпатизировали с.-р. за

ихъ боевыя дружины и террористическіе акты, симпатизировали и анархистамъ за ихъ блестящіе отстрѣлы, за экономическій терроръ и отчасти за экспропріаціи. Но окончательно не примыкали они ни къ с.-р., ни къ анархистамъ. Отъ с.-р. ихъ отталкивала народническая вѣра въ «трудовое крестьянство», — вѣра, которой они никакъ не могли принять. Отъ сліянія съ анархистами ихъ удерживало отрицательное отношеніе анархистовъ къ революціонно-демократическимъ политическимъ стремленіямъ, съ одной стороны, неопредѣленность русскаго анархизма и его внѣшняя безшабашность, — съ другой. Впрочемъ, не сливаясь ни съ с.-р., ни съ анархистами, оставаясь «безпартійными», «полѣвѣвшіе» с.-д. все же говорили объ этихъ революціонныхъ партіяхъ въ несравненно болѣе сочувственномъ тонѣ, чѣмъ о соціалъ-демократіи.

Въ общемъ же они производили впечатлѣніе растерянныхъ людей. Они какъ будто окончательно отреклись отъ своего прошлаго. Но, видно, прошлое не утратило своей власти надъ ними: и о прошломъ они вспоминали всегда съ какимъ-то увлеченіемъ, съ любовью, которая никакъ не вязалась съ ихъ убѣжденіемъ, что вся прошлая дѣятельность ихъ была обманомъ и самообманомъ.

«Полѣвѣвшихъ» с.-р. я встрѣчалъ въ тюрьмѣ меньше, чѣмъ «полѣвѣвшихъ» с.-д., но «полѣвѣніе», разрывъ съ прошлымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признаки политическаго упадничества проявлялись у нихъ несравненно рѣзче и острѣе, чѣмъ у Акима Григорьевича или Сени.

Въ 7-й камерѣ наиболѣе типичнымъ представителемъ «полѣвѣвшихъ» с.-р. былъ молодой рабочій электротехникъ, Киселевъ. Онъ былъ невысокаго роста, крѣпкій и стройный, крайне живой, подвижной, съ моложавымъ

лицомъ и упрямымъ, твердымъ взглядомъ черныхъ глазъ. По его виду трудно было опредѣлить, интеллигентъ онъ или рабочій, сколько ему лѣтъ, и кто онъ по національности. Держался онъ въ камерѣ нѣсколько странно. Почти со всѣми былъ за панибрата, принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ камерныхъ дѣлахъ, но явно избѣгалъ интеллигенціи и о политическихъ, о революціонерахъ говорилъ не иначе, какъ съ выраженіемъ насмѣшки.

Я обратилъ вниманіе на Киселева съ первыхъ же дней моего пребыванія въ 7-й камерѣ, но болѣе короткаго знакомства съ нимъ не искалъ. И только случайно мнѣ пришлось разговориться съ нимъ и познакомиться съ его политическимъ credo.

Какъ-то во время довольно скучнаго камернаго собранія у меня вышло съ Киселевымъ небольшое столкновеніе. Не помню подробностей этого столкновенія. Киселевъ задѣлъ кого-то изъ товарищей, я ему рѣзко отвѣтилъ. Онъ не остался въ долгу, и мы обмѣнялись довольно кислыми любезностями.

Вечеромъ того же дня я поздно засидѣлся надъ книгой. Въ камерѣ почти всѣ уже спали. За столомъ у лампы, кромѣ меня, остался только одинъ Киселевъ. Сидѣли мы такъ, что изъ двери надзиратель не могъ насъ видѣть, и потому ничто не мѣшало намъ заниматься. Киселевъ писалъ письмо. Я читалъ, пользуясь тѣмъ, что въ камерѣ было тихо, и ничто не развлекало моего вниманія.

Такъ прошло довольно много времени. Случайно оторвавшись отъ книги, я замѣтилъ, что Киселевъ пересталъ писать и сидитъ противъ меня за столомъ, подпершись рукой и глубоко задумавшись. Лицо у него было теперь измученное, печальное. И не было замѣтно на немъ ни обычнаго для Киселева оживленія, ни выраженія вызывающаго задора. Меня поразила эта перемѣна

въ лицѣ товарища. И почему-то явилась мысль, что это его настоящее лицо, а то, другое, къ которому мы привыкли, — только маска. Мнѣ стало непріятно, что я такъ рѣзко говорилъ съ нимъ сегодня, и, обратившись къ нему, я сказалъ.

— Товарищъ Киселевъ, мы сегодня поругались немного. Такъ вотъ, я высказалъ тогда мнѣніе о вашихъ словахъ, но оскорбить васъ я не хотѣлъ.

Киселевъ посмотрѣлъ на меня въ упоръ и сказалъ просто и искренно:

— Я сегодня пересолилъ, можетъ быть. Но думаю, что вы на меня не обидѣлись. А на ваше замѣчаніе я не въ претензіи. Вы по-своему говорили, что вы думаете. Я — по-своему, какъ я понимаю. Вѣрно вѣдь?

— Вѣрно-то вѣрно, — замѣтилъ я. — Но въ тюрьмѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, нужно съ самолюбіемъ товарищей считаться.

— Такъ васъ удивляетъ, что я съ самолюбіемъ господъ товарищей недостаточно считаюсь, а особенно съ самолюбіемъ товарищей — генераловъ отъ интеллигенціи?

Теперь въ голосѣ Киселева звучали обычныя вызывающе насмѣшливыя нотки. Но я сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаю этого.

— Да, — подтвердилъ я, — мнѣ много разъ бросалось въ глаза, что вы къ товарищамъ какъ-то странно относитесь.

— Странно? А товарищи ко мнѣ, вы думаете, не странно относились? Генералы отъ интеллигенціи, вы думаете, съ самолюбіемъ нашего брата считались, или теперь считаются? Нѣтъ, товарищъ! Если бы вы съ мое вынесли да пережили, вы бы ко всѣмъ этимъ комитетчикамъ да генераламъ еще въ тысячу разъ хуже стали бы

относиться. Я черезъ нихъ, можетъ быть, веревку получу...

— Какъ такъ «черезъ нихъ»? Вѣдь вы, я слыхалъ, работали въ партіи... Вы с.-р.?

— *Былъ* с.-р-омъ, — поправилъ меня Киселевъ.

— А теперь?

— Ушелъ изъ партіи.

— Куда ушли?

— Влѣво.

— Къ анархистамъ, что ли?

— Нн-н-ѣтъ... Я внѣ партій теперь.

— Но все же *влѣво* ушли?.. Значитъ, революціонеромъ остались?

Киселевъ утвердительно кивнулъ головой.

— Когда выйдете изъ тюрьмы, намѣрены снова за революціонную работу приняться?

— Да. Только ужъ ни съ какими партіями связываться не буду.

— Что такъ?

— Эхъ, товарищъ! Долго объ этомъ разсказывать... Вѣдь я къ этому не сразу пришелъ. Я объ этомъ долго и много думалъ. Но теперь окончательно рѣшилъ. Съ партіями ничего общаго никогда имѣть не буду. Партіи всѣ другъ друга стоятъ: одна грязь, одни подлости тамъ. Для меня теперь — что партія соціалъ-революціонеровъ, что Союзъ Русскаго Народа — все одно.

— Вы сами не знаете, что говорите, или на себя наговариваете, — замѣтилъ я. — Неужто союзники вамъ такъ же близки, какъ и революціонеры?

— Нѣтъ, я отлично знаю, что говорю, — упрямо возразилъ Киселевъ, — я не про революціонеровъ, а про партіи говорю. А съ партійными дѣлами я довольно познакомился. На всю жизнь хватитъ. И, кромѣ подлости, ничего, кажется, въ партіяхъ я не видалъ... Если

хотите, я вамъ одинъ только случай разскажу... Изъ-за этого дѣла я и партію-то къ чорту послалъ... Только разсказывать долго. Спать вамъ не хочется?

— Нѣтъ, я ночью всегда сижу. Разскажите, а я послушаю.

Закрывъ свою книгу, я приготовился слушать.

— Вы знаете, за что я арестованъ? — началъ Киселевъ.

— За какую-то партійную экспропріацію?

— Да. Экспропріація почты. Въ этомъ дѣлѣ насъ четверо участвовало: я, Сапожковъ, который со мной по дѣлу, Никитенко — его въ Одессѣ за покушеніе на пристава повѣсили, — и еще одинъ товарищъ — его при задержаніи убили. Дѣло намъ комитетъ далъ. Товарищъ представитель комитета на собраніи дружинниковъ сообщилъ, что имѣется въ виду такое-то дѣло, и предложилъ желающимъ принять въ немъ участіе. Человѣкъ восемь охотниковъ вызвалось. Изъ нихъ, въ концѣ-концовъ, насъ четверыхъ выбрали. Товарища, который убитъ теперь, — за главнаго руководителя; меня назначили, такъ какъ я въ дружинѣ лучшимъ стрѣлкомъ считался; Сапожкова да Никитенко намъ на подмогу. Дѣло у насъ какъ нельзя лучше прошло. Деньги мы сразу, безъ выстрѣла, взяли, такъ что стрѣлять только потомъ пришлось, когда погоня начался. Городового одного ранили и ушли въ полномъ порядкѣ. Однимъ словомъ, чисто сработали. Квартиры для насъ заранѣе были заготовлены въ двухъ мѣстахъ города. Я съ Сапожковымъ въ одну квартиру отступили, а тѣ два товарища — въ другую. Сумка съ деньгами у Сапожкова была подъ макинтошемъ. На квартирѣ мы, первымъ дѣломъ, деньги пересчитали. Оказалось 12.400 рублей съ небольшимъ. Сапожковъ мнѣ и говоритъ: «Ваня, бери-ка деньги и лети на комитетскую явку. А то сюда какъ бы, неровенъ часъ, не пришли за нами. Все дѣло даромъ пропадетъ». Самъ-то Сапожковъ усталъ больно или переволновался, что ли, съ непривычки. Прилегъ на кровать передохнуть, да и заснулъ, какъ убитый. Сумку я тамъ же на полъ бросилъ, деньги за пазуху засунулъ и полетѣлъ. На явкѣ, оказалось, предсѣдатель комитета Петръ Порфирьичъ дожидался. «Ну что, — спрашиваетъ, — все благополучно?». Я смѣюсь только: «Получайте счетомъ!» — «Никто не раненъ?» — «Нѣтъ, все хорошо обошлось.» — «Ай да молодцы-ребята!» Отдалъ я деньги и назадъ полетѣлъ на ту квартиру, гдѣ Сапожкова оставилъ... Совсѣмъ случайно только по противоположной сторонѣ улицы шелъ. И уже хотѣлъ черезъ улицу переходить, — глядь: въ нашей конспиративной квартирѣ въ окнѣ стекла выбиты. Догадался я, что тутъ что-то неладно. Скорехонько мимо прошелъ. Кое-какъ на окраинѣ у одного пріятеля переночевалъ, а на утро узналъ: такъ и есть! арестованъ Сапожковъ. Оказалось, и не слыхалъ онъ со сна, какъ полиція въ квартиру зашла. Успѣлъ только окно разбить: думалъ выпрыгнуть на улицу, да схватили его. И Никитенка съ товарищемъ въ тотъ же день на другомъ концѣ города схватили. Они отпоръ давали, отстрѣливались. Того товарища застрѣлили, а Никитенко всѣ заряды разстрѣлялъ и сдался.

«Теперь для насъ ясно, что въ комитетѣ у насъ провокація была, и квартиры полиція заранѣе знала. А тогда мы думали, что съ мѣста нападенія насъ выслѣдили. Ну, изъ участниковъ я одинъ на волѣ остался. Изъ комитета мнѣ 100 рублей дали, чтобы я уѣхалъ куда-нибудь изъ города на мѣсяцъ или на два, пока поиски немного затихнутъ. Я уѣхалъ. Проѣздилъ не больше трехъ недѣль, вернулся. Только вернулся, черезъ нѣсколько дней мнѣ одна дѣвица партійная отъ Сапожкова изъ тюрьмы записку передала. Оказывается, они тамъ

побѣгъ готовятъ. Дѣло вѣрное. Рѣшетка на половину взята (часть надрѣза они оставили, чтобы при выстукиваніи на повѣркѣ она къ чорту не вылетѣла). Нужно ночью во дворъ спуститься. Часовой пропустить берется. А стѣна невысокая: съ помощью кошки перелѣзть — разъ плюнуть. Требуется, значитъ, недалеко отъ тюрьмы лошадей и платье запасти, квартиру подыскать, паспортъ для отъѣзда приготовить. Да еще нужно 500 руб. передать тому человѣку, который все дѣло устроить берется. Я, разумѣется, сразу за дѣло принялся. Платье раздобылъ, кучера подыскалъ къ лошадямъ, нашелъ квартиру подходящую, паспортъ, пару маузеровъ, на всякій случай. Однимъ словомъ, задержка только за деньгами осталась. Лошадей и телѣжку покупать приходится, — на это рублей 200 нужно, да 500 руб. въ тюрьму тому человѣку, да 300 руб. про запасъ да на отъѣздъ. Всего, значитъ, нужно намъ 1000 руб. достать. Обратился я въ комитетъ. Меня на явкѣ секретарша приняла:

— «Вамъ, спрашиваетъ, товарищъ, нужно что-нибудь?

— «Да, говорю, деньги нужны до зарѣзу.

— «Вѣдь вамъ недавно 100 рублей выдали?

— «То на меня лично. Изъ тѣхъ у меня еще осталось. А теперь нужно на товарища. Освободить изъ тюрьмы нужно нашего парня.

— «Кто это? — спрашиваетъ.

«Я сказалъ, кого.

— «А много вамъ денегъ потребуется?

— «1000 рублей.

— «Вы не шутйте, — говоритъ, — серьезно, сколько вамъ нужно? 15, 20 или сколько?

«Я сказалъ, сколько. — Какія здѣсь шутки! И нужно сегодня же.

— «Ну-у, говоритъ, такихъ денегъ у насъ не водится.

— «Какъ не водится, чортъ васъ дери, когда мы же съ товарищемъ вамъ всего въ прошломъ мѣсяцѣ 12.400 р. передали!

«Замялась она.

— «Заходите, говоритъ, черезъ 3 дня. Я передамъ ваше заявленіе въ комитетъ. Какъ тамъ рѣшатъ...

«Хотѣлъ я ей сказать, что такъ изъ казенныхъ канцелярій просителей выставляютъ, да удержался. Пришелъ въ назначенный день. На этотъ разъ меня самъ генералъ нашъ принялъ, Петръ Порфирьичъ.

— «Комитетъ, говоритъ, разсмотрѣлъ ваше заявленіе, но удовлетворить его, къ сожалѣнію, не можетъ. Если хотите въ тюрьму рублей 10 передать, столько можно будетъ изъ Краснаго Креста достать.

«Я такъ взбѣсился отъ этого издѣвательства, что еле-еле могъ сдержаться.

«Что вы мнѣ голову морочите, будто у васъ денегъ нѣтъ? спрашиваю: куда же тѣ 12.400 руб. у васъ дѣлись? А?

— «Вамъ, какъ боевику, никакихъ отчетовъ комитетъ давать не обязанъ. Но какъ партійному товарищу и члену организаціи, я могу вамъ сообщить, что изъ той суммы на нужды нашей мѣстной организаціи не пошло ни копейки. Дѣло было сдѣлано по предложенію областного комитета. Туда же, въ областной комитетъ и деньги переданы на постановку техники и проч. организаціонные расходы. Поняли? Больше намъ говорить, надѣюсь, не о чемъ.

«И встаетъ: можешь, молъ, проваливать. Тутъ я уже сдержаться не могъ.

— «Вы, говорю, товарища на дѣло посылали. Теперь его, можетъ быть, висѣлица ждетъ... Вы и на висѣлицу его посылаете, потому что вамъ на рабочаго

боевика денегъ жаль. Должны вы достать денегъ! Пока не достанете, не уйду я отсюда.

«Петръ Порфирьичъ на меня:

— «Прошу васъ не кричать здѣсь! Вы своимъ крикомъ явку можете провалить. Сказалъ я вамъ, намъ больше не о чемъ разговаривать! Нѣтъ денегъ и достать негдѣ.

— «Негдѣ достать? А это чья квартира?

— «Не ваше дѣло!

«А квартира явочная самая буржуазная была. Портьеры шелковыя, бронзовая люстра посреди комнаты, на полу коверъ, каминъ какой-то рѣзной весь, мраморный, зеркала, картины. Однимъ словомъ, обстановка самая что ни на есть буржуйская. Я и говорю.

— «Мое дѣло, чья квартира! Вотъ, вотъ, какъ ваша буржуазія живетъ! Можете вы хоть у этихъ же буржуевъ нѣсколько сотенъ достать, когда отъ этого жизнь человѣка зависитъ!

— «Успокойтесь, — генералъ нашъ говоритъ, — давайте толкомъ, безъ шума разсуждать...

«Ну, мнѣ не до разсужденій тогда было. Я и говорю:

— «Чего тамъ разсуждать? Я знаю, что мнѣ теперь дѣлать. Коли вашъ комитетъ денегъ давать не желаетъ, я и самъ достать сумѣю, какъ въ тотъ разъ досталъ.

— «Что, это вы экспропріацію замышляете? Помните, что безъ разрѣшенія комитета...

— «Мнѣ разрѣшенія некогда спрашивать!

— «Вы все-таки обязаны доложить комитету, гдѣ и какъ...

— «Да вотъ здѣсь же, говорю, у буржуя-хозяина этой квартиры.

«И браунингъ изъ-за пояса вытащилъ. Я, собственно, и не думалъ тогда сразу эксъ устраивать. Хотѣлъ только

генерала нашего пугнуть. А онъ въ серьезъ принялъ. Поблѣднѣлъ весь и тоже револьверъ вытаскиваетъ.

— «Вы, говоритъ, съ ума сошли. Вы — не соціалистъ, а хулиганъ.

«Словомъ, чуть-чуть мы другъ друга не пострѣляли тамъ. Вышелъ я отъ него, какъ оплеванный. А на другой день меня арестовали»...

Все, что разсказывалъ Киселевъ, было мнѣ извѣстно. Я уже встрѣчался и раньше съ этимъ типомъ боевиковъ, и съ своеобразной логикой, въ силу которой мой собесѣдникъ, объясняя свое отрицательное отношеніе къ партіи, пустился разсказывать про свое столкновеніе съ какимъ-то Петромъ Порфирьичемъ.

Но Киселевъ все же интересовалъ меня, и я спросилъ его:

— Неужто вы порвали съ партіей изъ-за этого столкновенія съ Петромъ Порфирьичемъ?

— Нѣтъ. Только послѣ этого случая, когда я черезъ партійныхъ бюрократовъ въ тюрьму попалъ и чуть на висѣлицу не угодилъ, я сталъ болѣе самостоятельно думать. Раньше, на волѣ, слишкомъ я уже довѣрялъ имъ, слишкомъ легко подъ интеллигентскую дудку плясалъ. Въ тюрьмѣ я только понимать началъ, что собой наши партіи съ генералами-интеллигентами представляютъ... Я про тотъ случай еще не кончилъ. Вѣдь въ тюрьмѣ я узналъ, что самъ-то Петръ Порфирьичъ роднымъ племянникомъ приходится тому буржую, у котораго тогда явка была! Потому онъ такъ за него и вступился. Застрѣлить вѣдь хотѣлъ меня! Хулиганомъ, подлецомъ, назвалъ! Самъ — буржуй и защитникъ буржуазіи, а рабочихъ за собой велъ... Не диво же, что они рабочихъ отъ экономическаго террора удерживали! Если чиновниковъ бьютъ, это имъ ничего, еще даже выгодно. А когда начнутъ буржуазію щелкать, ихъ же родственникамъ да

имъ же самимъ на орѣхи попадетъ. Это имъ и не нравится. Теперь мы ихъ раскусили.

— Неужели вы можете серьезно говорить подобныя вещи!?

— А неужели вы серьезно за этихъ мерзавцевъ заступаться будете? Гдѣ они теперь, наши руководители? На волѣ гуляютъ, по заграницамъ разъѣхались, университеты кончаютъ... А кто изъ нихъ о насъ подумалъ? Кто изъ нихъ подумалъ о тѣхъ людяхъ, которые изъ-за нихъ на каторгу да на висѣлицу пошли? Помню я, какъ въ 5-мъ году, когда возстаніе началось, отъ «пролитія крови» насъ удерживали. У насъ на станціи тогда рѣшили было жандарма убить. Студентъ-ораторъ партійный отговорилъ толпу. «Зачѣмъ убивать? Не должны мы у враговъ безсмысленной жестокости учиться! Лучше разоружить его и слово съ него взять, что не будетъ онъ впредь врагамъ народа служить!». Ну, и пошелъ дуракамъ баки заколачивать [1]). А наши парни его послушали, такъ и сдѣлали. Ну, а потомъ этотъ же жандармъ на судѣ 3 парней опозналъ, которые у него шашку да револьверъ брали! Всѣхъ троихъ къ висѣлицѣ по этому самому опознанію приговорили. Двоимъ по малолѣтству на вѣчную каторгу замѣнили, а третьяго вздернули. А если бы не этотъ студентъ-руководитель партійный, если бы жандарма ухлопали тогда, кто узналъ бы виновниковъ? Значитъ, черезъ него три человѣка погибли. Да что тамъ говорить? Сколько ни видалъ я, все такъ: гдѣ сами рабочіе дѣлаютъ, хорошо выходитъ; куда партія со своимъ руководительствомъ суется, всюду плохо. И не для руководителей плохо, а для тѣхъ, кто по дурости своей за ними пошелъ...

Предвзятость сужденій Киселева была настолько очевидна, что спорить съ нимъ, пытаться переубѣдить его было бы безполезно. И я ничего не возражалъ ему, ожидая, когда перейдетъ онъ къ изображенію своей положительной программы. Но неожиданно мысль его уклонилась въ другую сторону.

[1] „Баки заколачивать" — уговаривать, опутывать словами.

— Не только въ Россіи эта подлость происходитъ, — замѣтилъ онъ, — за границей тоже не лучше. Кто во главѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи стоитъ? Кто на всѣхъ международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ предсѣдательствуетъ? Милліонеръ-заводчикъ, эксплоататоръ десятковъ тысячъ рабочихъ!

Я изумился:

— Это вы откуда взяли?

— Какъ откуда? Не Зингеръ на вашихъ съѣздахъ предсѣдательствуетъ?

— Зингеръ! Да какой же онъ «милліонеръ-заводчикъ»? У него никакого завода нѣтъ.

Киселевъ укоризненно покачалъ головой, повидимому удивляясь тому безстыдству, съ какимъ я отрицаю общеизвѣстные факты.

— А не Зингеръ на всю Европу швейныя машины поставляетъ?

— Такъ это два совершенно различныхъ Зингера! Одинъ Зингеръ на съѣздахъ предсѣдательствуетъ, а другой швейныя машины изготовляетъ! Вы спутали, товарищъ.

— Нѣтъ, раньше меня путали. А теперь-то я ничего не путаю. И другіе меня тоже теперь не опутаютъ. Теперь я подлость нашихъ партій знаю и руководить собой никому больше не дамъ.

Когда Киселевъ дошелъ до изложенія своей положительной программы, оказалось, что онъ считаетъ себя, несомнѣнно, болѣе «лѣвымъ», чѣмъ с.-р. Такъ, напримѣръ, въ отличіе отъ с.-р-овъ, онъ признавалъ самое ши-

рокое примѣненіе экономическаго террора, признавалъ экспропріаціи не только казенныя, но и частныя, считалъ излишними всѣ тѣ «бюрократическія формальности», которыя у с.-р.-овъ ограничиваютъ возможность боевыхъ актовъ и нападеній. А главное, вся борьба съ правительствомъ и съ буржуазіей рисовалась ему еще болѣе индивидуалистической, чѣмъ изображали ее «полѣвѣвшіе» с.-д., Акимъ Григорьевичъ и Сеня.

Мышленіе Киселева, основанія его выхода изъ партіи, его аргументація, его положительная программа, все это было чрезвычайно типично для всѣхъ «полѣвѣвшихъ» с.-р.-овъ. У всѣхъ ихъ мнѣ приходилось наблюдать это недовѣріе къ интеллигенціи, эту ненависть къ партіи и партійнымъ руководителямъ. И повсюду это переживанье старыхъ обидъ, пристрастные выводы изъ старыхъ личныхъ столкновеній, подозрительность и выискиванье виновниковъ каждой старой неудачи, при чемъ виновниками всегда оказывались руководители.

Во многихъ отношеніяхъ «полѣвѣвшіе» с.-р. стояли близко къ анархистамъ южно-русскаго типа. Политическій терроръ, экономическій терроръ, аграрный терроръ, тюремный терроръ; мелкія и крупныя, частныя и казенныя экспропріаціи; браунинги, маузеры, парабеллумы, ноганы; бомбы, адскія машины, мины, — таковы были основныя понятія, которыми оперировала мысль тѣхъ и другихъ. А еще болѣе сближала «полѣвѣвшихъ» с.-р.-овъ съ анархистами ихъ ненависть къ Государственной Думѣ и къ парламентаризму вообще.

Но все же съ анархистами они не сливались. Они продолжали считать себя соціалистами, но только внѣпартійными соціалистами и, кромѣ того, крайне «лѣвыми» соціалистами, болѣе лѣвыми, чѣмъ с.-р.-ы, и, подавно, болѣе «лѣвыми», чѣмъ мирные с.-д.

У бывшихъ с.-д. и с.-р., которыхъ я встрѣчалъ въ тюрьмѣ, «полѣвѣніе» принимало форму разочарованности въ массовой и партійной работѣ, ослабленіе ихъ связей съ общественной средой, съ другими людьми, съ товарищами. Это было, слѣдовательно, развитіе въ сторону крайняго индивидуализма. Но тотъ смутный анархизмъ, къ которому приходили полѣвѣвшіе с.-р., все же не представлялъ собою послѣдней, крайней ступени «полѣвѣнія». Съ этой ступени можно было еще и еще эволюціонировать «влѣво». Гдѣ началось разложеніе, тамъ оно не остановится на какой-либо точкѣ, но будетъ идти до конца. Концомъ тюремнаго индивидуалистическаго «полѣвѣнія» былъ не смутный анархизмъ бывшихъ с.-д. и с.-р., а нѣчто совершенно своеобразное, особый *хулиганскій индивидуализмъ,* означавшій уже не упадничество, а моральную смерть.

Къ этому хулиганскому индивидуализму въ конечномъ результатѣ «полѣвѣнія» приходили иногда и бывшіе с.-д., и с.-р. Но легче всего и быстрѣе всего доходили до этой точки бывшіе анархисты.

Признаннымъ главой «полѣвѣвшихъ» анархистовъ въ этой камерѣ былъ товарищъ Самуилъ, долговязый, невзрачный юноша съ довольно скуднымъ запасомъ знаній, но самоувѣренный и своеобразно краснорѣчивый. По своему соціальному положенію, онъ принадлежалъ на волѣ къ довольно распространенному на югѣ Россіи типу «вѣчныхъ экстерновъ». Жилъ то грошовыми уроками, то перепиской, то случайной конторской работой, брался за всевозможные ремесла и бился, какъ рыба объ ледъ, настойчиво стремясь къ своей цѣли — сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Самуилъ былъ неутомимымъ спорщикомъ, никогда не лазилъ за словомъ въ карманъ и осыпалъ своего противника въ спорѣ такимъ градомъ неожиданныхъ аргументовъ, возраженій и вопросовъ, что

тотъ невольно терялъ голову. Самого же Самуила сбить съ занятой имъ позиціи бывало довольно трудно, такъ какъ онъ всегда готовъ былъ отстаивать любой парадоксъ, если онъ имѣлъ видъ индивидуализма.

Постояннымъ противникомъ Самуила въ спорахъ выступалъ студентъ анархистъ Ефимъ. Онъ былъ умнѣе и образованнѣе Самуила, но спорилъ плохо, легко терялся, такъ что у сторонниковъ Самуила неизмѣнно оставалось впечатлѣніе побѣды надъ старымъ анархизмомъ. Я рѣдко принималъ участіе въ этихъ спорахъ, предпочитая роль сторонняго наблюдателя.

Споръ между ними чаще всего начинался съ вопроса о сущности анархизма и о границѣ между анархистами и буржуазными соціалистами-государственниками (с.-д. и с.-р.).

— Для меня вы, анархисты-коммунисты, ничуть не лучше, чѣмъ какіе-нибудь с.-д. или с.-р., — горячо и язвительно говорилъ Самуилъ, — чѣмъ вы, въ самомъ дѣлѣ, отъ нихъ отличаетесь? Тѣмъ, что вы въ Государственную Думу не пошли? Такъ вѣдь въ третью Думу и с.-р. не пошли! Первую Думу и с.-д. бойкотировали! Вы вѣдь ихъ анархистами не считаете за это? А въ остальномъ вы тѣ же мѣщане, тѣ же государственники, что и соціалисты, — только въ маскѣ.

— Это инсинуація! — съ возмущеніемъ возражалъ Ефимъ, — вы должны доказать, а не бросаться словами . . .

— «Инсинуація», «бросаться словами», вы говорите? Извольте, я докажу. Я могу привести тысячу доказательствъ того, что въ вашихъ группахъ нѣтъ ничего общаго съ анархизмомъ, что вы мѣщане и рабы мѣщанскаго общества . . .

— Ну, докажите, докажите! Что вы докажете, когда

вы понятія не имѣете объ анархизмѣ и анархическихъ группахъ!

— Объ этомъ не намъ судить, кто лучше анархизмъ понимаетъ. А я вотъ о чемъ васъ спрошу: въ чемъ сущность анархизма, по-вашему? Въ свободѣ личности? Да?

— Ну, конечно!

— То есть въ полномъ освобожденіи человѣческой личности отъ всякихъ путъ, отъ всякихъ цѣпей? Такъ?

— Да . . . Но къ чему вы это приводите?

— А вотъ увидите сейчасъ. Значитъ, истинный анархистъ долженъ быть не рабомъ, а свободнымъ человѣкомъ, не долженъ терпѣть надъ собой ничьей воли, ничьего закона. Я мыслю, какъ хочу, не подчиняясь ничьимъ предписаніямъ, ничьимъ велѣніямъ. Такъ же и говорю, что хочу и какъ хочу. Никакихъ цѣпей, никакихъ ограниченій! Какой я, къ чорту, анархистъ, если даже въ области мысли и слова я не умѣю быть свободнымъ и самъ налагаю на себя новыя цѣпи?

— Вы бы короче, короче, товарищъ: это всѣ знаютъ, — нетерпѣливо замѣчаетъ Ефимъ.

— Всѣ знаютъ? Тѣмъ лучше! Только это напоминать анархистамъ-коммунистамъ почаще слѣдуетъ. Такъ какъ же вы умудряетесь считать себя анархистами и въ то же время связывать себя программой и организаціей! Вѣдь вы, въ концѣ концовъ, такъ же, какъ с.-д., по программѣ думаете!

— Это неправда! У насъ никакой программы нѣтъ, и вамъ это отлично извѣстно.

— Программы у васъ нѣтъ? А вашъ «Буревѣстникъ», на который вы молитесь, какъ с.-д. на Маркса?

— Опять неправда! «Буревѣстникъ» не программа, а журналъ. Его статьи ни для кого не обязательны. Анархистъ можетъ съ ними соглашаться или не соглашаться. Это частное дѣло каждаго!

— Какъ же! Кто соглашается, тотъ для васъ а.-к. А кто не соглашается, того вы изъ организаціи, какъ зачумленную крысу, выкидываете. Вы скажете, что и ваши группы не организація, не то же самое, что у соціалистовъ ихъ комитеты? Ваши предсѣдатели, представители да секретари не чиновники? не новыя власти? Ваши заграничныя типографіи и здѣшнія подпольныя техники съ наемными профессіоналами, которыхъ вы эксплоатируете, не тѣ же лавочки, что у буржуазіи? Чѣмъ вы здѣсь отъ соціалистовъ отличаетесь? Словами, одними словами! Вы себѣ на каждомъ шагу измѣняете, а анархистъ всегда долженъ быть вѣренъ себѣ. Если я анархистъ, то я только со своей волей считаюсь. Здѣсь для меня начало и конецъ всего. Своему «я» я никогда измѣнить не могу!..

— Вы, товарищъ, «анархизмъ» съ «индивидуализмомъ», путаете. А это не одно и то же.

— Нѣтъ, вы путаете, потому что вы такіе анархисты, какъ я архіерей...

— Съ вами говорить трудно. Вы вотъ о властяхъ и чиновникахъ въ нашихъ группахъ говорите...

— Нѣтъ, погодите! Я говорю, что вы ни въ чемъ не можете вѣрны самимъ себѣ оставаться. Вѣдь вы, анархисты-коммунисты, и жениться безъ попа не можете! Сколько примѣровъ я видѣлъ! Хочетъ анархистъ жениться, — идетъ съ невѣстой въ церковь къ попу подъ благословеніе. Ребенокъ родится, — опять попа зоветъ крестить. Это — анархистъ!

— Вы теперь единичныя явленія обобщаете. Компромиссы, конечно, вы повсюду въ жизни встрѣтите. Церковь для насъ, разумѣется, не существуетъ. Если мужчина и женщина полюбили другъ друга и хотятъ жить вмѣстѣ...

— «Другъ друга»? Вы сказали: «хотятъ жить вмѣстѣ»... А если не «другъ друга», а такъ: я, напримѣръ, полюбилъ дѣвушку?.. Тогда какъ, по-вашему, анархистъ поступить долженъ?

— Вы меня перебили. Я хотѣлъ сказать: если...

— Нѣтъ, вы скажите, что, по-вашему, долженъ сдѣлать анархистъ, если онъ полюбилъ женщину и хочетъ обладать ею?

— При чемъ тутъ анархизмъ, я не понимаю!

— Я спрашиваю васъ, какъ вы, свободный человѣкъ, порвавшій всѣ свои цѣпи, именующій себя анархистомъ, поступили бы въ подобномъ случаѣ?

— Какъ я, лично, поступилъ бы?

— Ну, да!

— Обратился бы къ ней... Сказалъ бы...

— А если бы она отказала вамъ?

— Что же? Тогда подумалъ бы, какъ быть... Вѣрнѣе, всего, другую нашелъ бы... Но не понимаю, къ чему вы на этотъ вопросъ перескочили?

— Вотъ вашъ анархизмъ! Вотъ, что вы анархизмомъ называете! Вѣдь такъ же, какъ вы, и любой мѣщанинъ поступилъ бы, любой честный, благонамѣренный мѣщанинъ!

— А вы иначе поступили бы?

— Я, какъ анархистъ, повинуюсь лишь своей волѣ, лишь своему желанію! И только. Свое я возьму, ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ въ мірѣ не считаясь.

— Позвольте, позвольте! По-вашему, значитъ, анархистъ имѣетъ право изнасиловать понравившуюся ему женщину?

— Что вы меня стараетесь словами запугать? Я словъ не боюсь. Что значитъ изнасиловать? Я просто дѣлаю, что хочу! А «право»? «Имѣю право», «не имѣю права» для анархиста не существуетъ! «Право» мѣщанами создано и мѣщанъ только пугаетъ. «Право» суще-

ствуетъ вмѣстѣ съ государствомъ и вмѣстѣ съ государствомъ погибнетъ. У свободныхъ людей нѣтъ «права», а есть только возможность . . .

— То-есть вы изнасилуете женщину, потому что окажетесь сильнѣе ея?

— Потому что я такъ хочу! Мое желаніе — мой законъ!

— Но вѣдь такую свободу до сихъ поръ не анархисты осуществляли, а хулиганы во время погромовъ.

— Что же? Это только показываетъ, что вы, хваленые анархисты, болѣе мѣщане и болѣе трусы, чѣмъ даже хулиганы!

Я съ интересомъ оглядѣлъ «вѣчнаго экстерна», проповѣдывавшаго столь «крайній» анархизмъ. Въ его наружности не было ничего титаническаго или страшнаго. Длинная, жидкая фигура, узкія плечи, впалая грудь, рѣдкіе волосы надъ покатымъ прыщеватымъ лбомъ, подслѣповатые глаза. Вся его фигура ясно говорила, что не переливающаяся черезъ край сила внушила этому хилому юношѣ его дикіе взгляды, а слабость его, его вѣчная пришибленность, его подавленность условіями жизни и его окончательная растерянность подъ гнетомъ тюрьмы.

Между тѣмъ, Ефимъ еще не терялъ надежды переспорить своего противника.

— Вы, значитъ, считаете, что анархистъ *долженъ* изнасиловать понравившуюся ему женщину?

— Долженъ взять ее!

— А анархистка, которой мужчина понравился?

— Тоже! И во всемъ такъ.

— Но вы представляете себѣ, во что превратится при такихъ условіяхъ человѣческое общежитіе?

— До этого мнѣ нѣтъ дѣла. Я буду свободенъ, и это для меня всего важнѣе. И не я одинъ буду свободенъ.

Свободны будутъ всѣ, кто только захочетъ и сумѣетъ быть свободнымъ!

— Но общежитіе . . .

— Объ общежитіи вы вмѣстѣ съ соціалистами-государственниками заботьтесь. Для охраны общежитія можете полицію завести, тюрьмы настроить.

— Вы глупости говорите.

Этотъ безтолковый споръ продолжался часа два. Ефимъ едва успѣвалъ вставлять свои замѣчанія въ безудержныя рѣчи «полѣвѣвшаго» экстерна. И я дивился терпѣнію Ефима, который все же относился къ этому спору вполнѣ серьезно. Впрочемъ, чувствовалось, что у него нѣтъ полной увѣренности въ правильности защищаемой позиціи. Видно было, что онъ считаетъ Самуила болѣе крайнимъ, болѣе «лѣвымъ», чѣмъ самого себя, и потому относится къ его взглядамъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, хотя и не раздѣляетъ ихъ.

Въ 7-ой камерѣ Самуилъ обращалъ на себя вниманіе только странностью своихъ взглядовъ. Въ остальномъ онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ политическихъ и держался, «какъ всѣ», такъ что его крайняя «лѣвость» проявлялась только въ спорахъ. Позже я встрѣтился съ нимъ въ каторжной камерѣ со смѣшаннымъ составомъ заключенныхъ. И здѣсь поведеніе его поразило меня. Оказалось, что за полгода, истекшіе со времени нашего перваго знакомства, Самуилъ еще весьма замѣтно подался «влѣво».

Въ камерѣ, гдѣ мы вторично встрѣтились съ нимъ, сидѣла очень разнообразная публика. Настоящихъ «политическихъ», т. е. людей, осужденныхъ за партійныя дѣла и за возстанія 5-го года, было здѣсь не больше 15. Почти столько же было здѣсь солдатъ и матросовъ, приговоренныхъ за мятежи и неповиновеніе начальству. Группа уголовныхъ ивановъ-рецидивистовъ и обратни-

ковъ состояла изъ 8 человѣкъ. Человѣкъ 20 мелкихъ воришекъ, благоговѣвшихъ передъ обратниками, составляли постоянную свиту и придворный штабъ этихъ ивановъ. Вмѣстѣ съ иванами воришки безстыдно обирали сидѣвшихъ здѣсь же крестьянъ-аграрниковъ, которые, несмотря на то, что ихъ было около 15 человѣкъ, никогда не дерзали протестовать противъ этого грабежа. Всего многочисленнѣе были эксовики, которыхъ начальство считало «политическими» или «политико-уголовными».

Жизнь въ камерѣ была крайне неспокойная. Иваны вели систематическую войну противъ политическихъ. Воровская шпана слѣпо шла за ними. Поддерживало ихъ и большинство эксовиковъ. На сторонѣ политическихъ было лишь ничтожное меньшинство «политико-уголовныхъ» да почти всѣ солдаты и матросы.

Междоусобная война, происходившая въ камерѣ, выливалась нерѣдко въ самыя рѣзкія формы. Дѣло довольно часто доходило до кулаковъ, и въ любой моментъ могла начаться и поножевщина.

При такихъ-то условіяхъ Самуилъ неожиданно для его товарищей оказался въ коммунѣ ивановъ. Онъ сблизился съ иванами настолько, что они уложили его матрасъ въ своемъ «почетномъ» углу на нарахъ, а онъ не только пилъ чай и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, но не брезгалъ даже закусывать вмѣстѣ съ ними деревенскими колбасами и пирогами, отнятыми у крестьянъ-аграрниковъ! Теперь онъ уже говорилъ на жаргонѣ ивановъ и вмѣстѣ съ ними издѣвался надъ политикой. Но и заключительная часть продѣланной имъ эволюціи казалась ему «полѣвѣніемъ», и онъ по-старому считалъ себя истиннымъ революціонеромъ, а остальныхъ политическихъ — трусишками, жалкими лѣнтяями, прихвостнями буржуазіи.

Какъ-то при мнѣ онъ завелъ съ однимъ матросомъ-повстанцемъ разговоръ объ уголовныхъ.

— Вы этихъ людей презираете, — говорилъ онъ, — а я ихъ, какъ лучшихъ товарищей, уважаю.

— Было бъ за что уважать! — возражалъ ему матросъ.

—Я ихъ уважаю за то, что они прямо идутъ противъ существующаго строя, ломаютъ его законы, а своимъ закономъ свою волю ставятъ . . .

— Красно вы ихъ расписываете, — иронизировалъ матросъ. — Вотъ вы съ Лапшинымъ въ коммунѣ живете. Онъ въ первый разъ осужденъ былъ за изнасилованье и убійство племянницы. Вы его за это, видно, и уважаете?

— Зачѣмъ вы именно Лапшина берете? — возразилъ Самуилъ. — Вы, какъ узкій мѣщанинъ, разсуждаете и, какъ мѣщанинъ, человѣка судите. Какое мнѣ дѣло до его любовныхъ и семейныхъ дѣлъ? Развѣ я судья надъ нимъ? А уважаю я его, какъ человѣка, который къ своей цѣли твердо и смѣло идетъ. Захотѣлъ — сдѣлалъ! И никакая сила[1])! А вы думаете, наши сознательные съ ихъ аскетическими принципами хоть когда-нибудь прямо и искренне идутъ къ своей цѣли? Выдумываютъ «принципы», чтобы ими прикрыть свою трусость — и только. Имъ не хочется, и гайка не держитъ, — боятся всего . . . Что же, ихъ мнѣ уважать прикажете?

— А Верболоза вы за что уважаете? Тоже за смѣлость?

— Верболозъ что? Для васъ Верболозъ — «отравитель», «собачникъ». Какъ же! Двоихъ пассажировъ 1-го класса отравилъ . . . А, можетъ быть, ихъ, этихъ кровопійцъ, эксплоататоровъ давно задавить слѣдовало! Важность какая, что двумя сволочами на свѣтѣ меньше осталось! Это вы, мѣщане, дрожите, трясетесь всю свою жизнь, какъ бы закона не нарушить. Вы — охранители. А эти

---

[1]) „Никакая сила !“ — выраженіе тюремнаго жаргона.

люди — дѣйствительные враги существующаго строя. У васъ — сплошь компромиссы да увертки. А эти люди прямо законъ ломаютъ, свою жизнь съ бою берутъ, какъ умѣютъ: свои цѣпи рвутъ, какъ могутъ, своимъ врагамъ мстятъ, насколько силъ хватаетъ. Нечего вамъ на нихъ сверху внизъ смотрѣть. Если кто кого можетъ презирать, то не вы ихъ, а они васъ, — за вашу трусость, за іезуитство.

Самуилъ громко высказывалъ эти свои взгляды въ присутствіи уголовныхъ. И нечего говорить, что подобныя рѣчи всегда вызывали восторгъ и умиленіе среди ивановъ и среди мелкой воровской шпаны. Конечно, многихъ «тонкостей» этого карикатурнаго ницшеанства уголовные не понимали. Но они чувствовали въ Самуилѣ своего идеолога и пѣвца и всячески ухаживали за нимъ. На нашихъ глазахъ окончательно «полѣвѣвшій» анархистъ превратился въ заправскаго ивана, въ маленькаго царька блатнаго міра. Шпана убирала за него матрасъ, исполняла за него камерныя работы въ дни его дежурства, стирала ему портки, рубаху и портянки, приносили ему по его приказу табакъ, спички, кипятокъ и т. д., и т. д.

Вскорѣ Самуилъ въ спорахъ съ политическими сталъ отстаивать право уголовныхъ ивановъ заниматься педерастіей, — традиціонное право ивановъ, осуществляемое ими во всѣхъ тюрьмахъ.

— Это — личное дѣло каждаго, — говорилъ Самуилъ негодующимъ политическимъ. — Каждый удовлетворяетъ свои потребности такъ, какъ умѣетъ и какъ желаетъ.

Это казалось ему непререкаемо правильнымъ выводомъ изъ послѣдовательно понимаемаго анархизма. И онъ никакъ не могъ понять, какъ это анархисты не соглашаются съ нимъ въ этомъ вопросѣ. Какъ-то онъ выразилъ свое недоумѣніе по этому поводу одному товарищу-анархисту. Тотъ отвѣтилъ ему довольно рѣзко.

— Удивляюсь, что вы, считающій себя политическимъ, отстаиваете такую гнусность, къ которой даже порядочные уголовные относятся съ презрѣніемъ и негодованіемъ.

Самуилъ обидѣлся.

— Откуда вы взяли, что я считаю себя «политическимъ»?

— Не считаете, такъ тѣмъ лучше.

— Но неужто вы, анархистъ, себя считаете «политикомъ»?

— Считаю.

— Довольно странно слышать это отъ анархиста...

— То-есть?..

— А очень просто. Вѣдь анархистъ идетъ противъ всякой власти, противъ всякаго государства, противъ всякаго закона? И новой власти, новаго государства, новыхъ законовъ анархисты создавать не намѣрены? Такъ? Значитъ, на кой чортъ намъ политическіе перевороты, политическія революціи, политическая борьба? Это — дѣло буржуазіи и ея прихвостней отъ кадетовъ до с.-д. А намъ, анархистамъ, какое дѣло до политики? Какъ можетъ анархистъ считать себя политическимъ? Если хотите быть политическими, лучше прямо признайтесь, что вы такіе анархисты, какъ изъ грязи — пуля!

Близость съ иванами, иванскія замашки по отношенію къ шпанѣ, разнузданный блатной жаргонъ — все это отталкивало отъ Самуила политическихъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые, подобно ему, неудержимо «лѣвѣли» въ тюрьмѣ, проникаясь все больше и больше духомъ «хулиганскаго индивидуализма». Но все же къ словамъ его прислушивались въ камерѣ, и ясно было, что этотъ человѣкъ пользуется большимъ моральнымъ вліяніемъ на многихъ товарищей, еще не порвавшихъ окончательно со своимъ прошлымъ, еще не сжегшихъ корабли.

На меня лично Самуилъ производилъ въ это время

двойственное впечатлѣніе. Иногда онъ казался помѣшаннымъ, такъ какъ слишкомъ уже странны были иныя его выходки, его постоянная возбужденность, его торопливая, прыгающая рѣчь.

А иногда, напротивъ, онъ казался мнѣ естественнымъ продуктомъ тюремнаго «полѣвѣнія», тѣмъ типомъ, къ которому неизбѣжно должны придти въ тюрьмѣ многіе слабые люди, развитіе которыхъ направилось въ сторону крайняго индивидуализма.

Въ каторжной камерѣ, гдѣ мы въ послѣдній разъ встрѣчались съ Самуиломъ, я просидѣлъ недолго. Вскорѣ меня перевели въ башню, и я больше не видѣлъ «вѣчнаго экстерна». Можетъ быть, онъ остался на той ступени, на которой стоялъ во время моихъ послѣднихъ встрѣчъ съ нимъ. Можетъ быть, эволюціонировалъ дальше: «хулиганскій индивидуализмъ» можетъ вѣдь развиваться и углубляться до безконечности . . .

Я описалъ рядъ прошедшихъ передъ моими глазами примѣровъ «тюремнаго полѣвѣнія». И почти жалѣю о томъ, что написалъ это. Боюсь, что написанные мною портреты могутъ показаться враждебными карикатурами. Но я далекъ отъ мысли судить и осуждать кого бы то ни было. И никогда не сталъ бы я писать карикатуры на людей, до которыхъ мое слово не дойдетъ, такъ какъ между мною и ими остались каменныя стѣны и желѣзныя рѣшетки.

Человѣкъ, опустившійся въ тюрьмѣ, дошедшій до самаго безшабашнаго хулиганскаго индивидуализма, — такая же жертва, какъ тѣ, кого повѣсили или застрѣлили, кого изувѣчилъ тюремный режимъ, голодъ, холодъ, сырость. Мнѣ скажутъ: это невѣрно, ибо не всѣ опускаются въ тюрьмѣ. Но вѣдь точно такъ же не всѣ получаютъ въ тюрьмѣ чахотку, не всѣ выходятъ оттуда калѣками. Крѣпкіе выдерживаютъ, слабые гибнутъ. И нельзя осудить человѣка за то, что онъ не богатырь, за то, что онъ средній, слабый человѣкъ!

Я и не намѣревался судить никого. Я пишу о душевномъ распадѣ, наблюдаемомъ въ тюрьмѣ, съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ раньше писалъ о смертныхъ казняхъ, о приговорахъ военныхъ судовъ, о тюремныхъ истязаніяхъ, объ арестантскихъ могилахъ. Можетъ быть, не требовалось напоминать объ этомъ? Но нѣтъ! Напомнить объ этомъ было необходимо, такъ какъ читатель, равнодушно проходящій мимо оконъ тюрьмы и не знающій, что такое тюрьма, читатель, не испытавшій въ полной мѣрѣ гнета желѣзной рѣшетки, могъ бы поставить на счетъ людей то, что въ дѣйствительности является результатомъ окружающей ихъ уродливой обстановки.

IV.

„Поправѣвшіе“.

Люди, испытавшіе въ тюрьмѣ то особое «полѣвѣніе», о которомъ я говорилъ на предыдущихъ страницахъ, эволюціонировали въ сторону своеобразнаго индивидуализма. И индивидуализмъ, къ которому они приходили, былъ настолько проникнутъ хулиганскимъ духомъ, что я не поколебался опредѣлить конечную точку его развитія, какъ моральную смерть, полное нравственное разложеніе. Но все же этотъ индивидуализмъ оставался непокорнымъ, протестующимъ. Это не было примиреніе съ тюрьмой, не было приспособленіе къ требованіямъ желѣзной рѣшетки. Въ душѣ узника продолжало горѣть пламя протеста, приведшее его въ тюрьму. Только свой протестъ узникъ не могъ уже вылить въ прежнія формы: тюрьма подсказала ему новыя формы, — уродливыя и безплодныя . . .

Совершенно иную картину представляетъ собой «поправѣніе», которое, увы! мнѣ приходилось наблюдать въ тюрьмѣ еще чаще, чѣмъ эволюцію въ сторону крайняго индивидуализма.

«Поправѣвшій» революціонеръ отказывается отъ борьбы и склоняетъ шею передъ тѣмъ, противъ чего прежде неудачно боролся. Примиряется иногда только пассивно, заглушая въ себѣ ненависть и просто воздерживаясь отъ участія въ соціальной и политической борьбѣ. А иногда начинаетъ славословить то, что раньше проклиналъ, и предаетъ проклятьямъ то, за что раньше готовъ былъ умереть. Въ душѣ «поправѣвшаго» въ концѣ-концовъ изсякаетъ самая потребность протеста, потребность движенія впередъ, къ какому бы то ни было идеалу.

Въ слѣдующей главѣ я попытаюсь намѣтить главные типы «поправѣнія».

Извѣстно, что тюремное заключеніе не для всѣхъ одинаково мучительно. Карающая рука правосудія можетъ помѣстить двухъ «преступниковъ» въ тюрьму на одинъ и тотъ же срокъ. Условія, при которыхъ будутъ отбывать наказаніе эти два узника, могутъ быть совершенно тожественны. И все же въ итогѣ одинъ изъ нихъ выйдетъ изъ тюрьмы совершенно истерзаннымъ и разбитымъ; а надъ другимъ тюрьма будетъ безсильна или почти безсильна.

Отчасти это зависитъ отъ того, что люди сами по себѣ не одинаково сильны и выносливы. Но кромѣ этого, здѣсь дѣйствуетъ еще и другое условіе. Какъ общее правило, допускающее, разумѣется, извѣстныя исключенія, можно было бы формулировать такой законъ:

«Преступникъ» тѣмъ легче переноситъ тюрьму, чѣмъ сильнѣе его «преступная» воля; заключеніе въ тюрьмѣ для «преступника» тѣмъ мучительнѣе и тяжелѣе, чѣмъ слабѣе его «преступная» воля.

Этотъ общій законъ одинаково приложимъ и къ уголовнымъ, и къ революціонерамъ. Изъ уголовныхъ лучше всего устраиваются, и всего свободнѣе чувствуютъ себя въ тюрьмѣ иваны-рецидивисты; всего сильнѣе страдаютъ и быстрѣй всего чахнутъ случайные преступники и невинно осужденные. Изъ революціонеровъ легче всего переносятъ тюрьму тѣ, у кого больше всего силы, энергіи, непримиримости; а тяжелѣе всего дается тюрьма тѣмъ, кто попалъ въ революціонеры подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія или по капризу жандармовъ, которые желали проявить чѣмъ-нибудь свою дѣятельность, но представить по начальству настоящихъ революціонеровъ не могли. Вообще, при наказаніи «преступниковъ» лишеніемъ свободы *субъективная жестокость наказанія обратно пропорціональна злой волѣ «преступника» и той опасности, которую онъ представляетъ для общества.* Въ этомъ отношеніи тюрьма, какъ наказаніе, является такимъ же абсурдомъ, какъ и смертная казнь [1]).

На различныхъ «преступниковъ» тюрьма дѣйствуетъ неодинаково тяжело, но дѣйствіе ея всегда проявляется, прежде всего, въ насильственномъ и крайне уродливомъ суженіи того міра, въ которомъ живетъ узникъ. Двигаться онъ можетъ на столько-то шаговъ влѣво, на столько-то шаговъ вправо. Передъ глазами его вѣчно однѣ и тѣ же стѣны. Въ ушахъ его вѣчно одни и тѣ же звуки. Даже воздуха отпускается ему ежедневно лишь столько, сколько абсолютно необходимо для дыханія. У него отнята воля въ мелочахъ. Вставать и ложиться, ходить и стоять, ѣсть, пить, а въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ также и отправлять свои естественныя потребности, — все долженъ онъ дѣлать по звонку, по командѣ. Короче, тюрьма стремится превратить узника въ безвольный автоматъ.

---

[1]) См. „Смертники“.

И нечего говорить, что при достаточно неуклонномъ примѣненіи этой системы силы самаго крѣпкаго человѣка рано или поздно начнутъ падать. Жизнь станетъ казаться ему какой-то безконечной и безсмысленной ненужной канителью. Это — тотъ же результатъ, къ какому приводитъ человѣка продолжительная и тяжелая болѣзнь. Но тяжелая болѣзнь, какъ извѣстно, нерѣдко вызываетъ въ человѣкѣ такую безумную, ненасытную жажду жизни, какой никогда не испытывалъ здоровый. И такую же страстную жажду жить и пользоваться жизнью нерѣдко порождаетъ въ узникахъ тюрьма.

Жизнь и воля! Жить, только бы жить на волѣ! Пусть эта жизнь будетъ сѣра и тосклива, какъ осенняя ночь! Пусть вернется та самая жизнь, которую раньше мы проклинали, про которую раньше мы говорили: «Такъ жить нельзя. Лучше умереть, чѣмъ терпѣть эту муку»... Пусть вернется даже худшая жизнь на волѣ! Но только бы не тюрьма и не могила!

Иногда съ безумной силой просыпаются въ узникѣ мечты о волѣ. Все, оставшееся за тюремными стѣнами, начинаетъ казаться необыкновенно привлекательнымъ, сказочно красивымъ. И эта страстная жажда жизни нерѣдко идетъ параллельно съ упадкомъ жизненныхъ силъ и даже съ развитіемъ отвращенія къ жизни. Узникъ стоитъ на границѣ самоубійства. И вдругъ вспыхиваетъ въ немъ это мучительное желаніе: жить, только бы жить на волѣ! А черезъ нѣсколько часовъ снова нѣтъ и слѣда отъ этого желанія, снова жизнь кажется ненужной обузой.

Это находитъ какъ-то полосами.

Изъ окна камеры я, напримѣръ, часто смотрѣлъ на небо. Въ окно виденъ былъ лишь клочокъ неба, обрѣзанный снизу линіей тюремной ограды и исчирканный вдоль и поперекъ черными полосами оконной рѣшетки. И вотъ этотъ жалкій клочокъ синевы казался такимъ глубокимъ,

сіяющимъ! Я вспоминалъ голубой шатеръ, которымъ любовался когда-то въ совершенно иной обстановкѣ, на южномъ берегу Крыма и въ Италіи. Но то небо никогда не было такъ чарующе прекрасно, какъ этотъ клочокъ надъ пыльнымъ дворомъ нашей губернской тюрьмы! И то же самое чувство читалось въ глазахъ моихъ товарищей по заключенію.

Какъ-то ранней весной, во время прогулки, я нашелъ во дворѣ кустикъ зеленой травки. Тайкомъ отъ надзирателя я сорвалъ эту травку, осторожно спряталъ ее подъ бушлатомъ и принесъ съ собой въ камеру. Травка почти не помялась. Въ камерѣ мы бережно разсматривали нѣжные зеленые стебельки. И эти слабенькіе ростки, которые на волѣ мы безжалостно и безучастно растоптали бы ногами, здѣсь, въ тюрьмѣ, казались такими трогательно прекрасными. Каждый мечталъ про себя о душистой, усѣянной цвѣтами лужайкѣ съ развѣсистымъ тѣнистымъ деревомъ. Лежать бы на травѣ, среди цвѣтовъ, прислушиваясь къ тому, что говорятъ листья, любуясь летящими надъ головой облаками! Какое счастье было бы провести такъ хотя бы одинъ часъ! Какъ природный горожанинъ, я относился равнодушно къ весенней зелени луговъ, говору листьевъ, къ полету облаковъ въ небесной вышинѣ. И только въ тюрьмѣ почувствовалъ я, сколько прелести скрыто во всемъ этомъ...

Помню, какъ-то въ весенній вечеръ наблюдали мы изъ башни грозу. День былъ необыкновенно душный, и эта духота особенно тягостна была въ башнѣ съ ея вѣчнымъ запахомъ затхлости и гнили. Мы измучились за этотъ день и съ трудомъ дождались вечерней прохлады. Стемнѣло. Въ воздухѣ было совершенно тихо. И вдругъ весело забарабанили по желѣзнымъ листамъ крыши частыя, тяжелыя капли. Молнія прорѣзала тьму за окномъ. Оглушительный ударъ грома прокатился надъ самой тюрь-

мой... Ливень становился все яростнѣй и сильнѣе. Чаще и ярче сверкали молніи, и стѣны тюрьмы гудѣли отъ могучихъ раскатовъ грома... Это была чудная, живительная весенняя гроза. Мы настежь открыли окно, не думая о томъ, что вечерняя повѣрка давно уже прошла, и что за приближеніе къ окну мы можемъ легко получить пулю отъ часового. Дождь былъ косой, и въ одно мгновенье вода залила подоконникъ и побѣжала на полъ. Уже цѣлыя лужи воды стояли на асфальтовомъ полу, но намъ этого было мало. Мы прижимались къ прутьямъ оконной рѣшетки, подставляя голову, шею, раскрытую грудь подъ холодныя струйки дождя. Старались подальше вытянуть руки за рѣшетку, чтобы достать до струи, сбѣгавшей съ какого-то выступа крыши надъ окномъ, громко смѣялись, отталкивая другъ друга отъ узкаго окна. Какъ весело было намъ въ тотъ вечеръ! Хорошо, что часовой за раскатами грома не слышалъ нашего смѣха въ окнѣ и не замѣтилъ при вспышкахъ молніи нашихъ фигуръ, прижавшихся къ рѣшеткѣ. Иначе намъ пришлось бы дорогой цѣной расплатиться за минутное веселье. Впрочемъ, и такъ наше веселье быстро погасло. Каждый думалъ съ тоской о томъ, какъ хорошо теперь на вольномъ воздухѣ, гдѣ-нибудь въ полѣ или лѣсу. И при этой мысли неволя становилась такой мучительной, такой тяжелой, будто всѣ камни окружающихъ насъ толстыхъ стѣнъ разомъ навалились на грудь. Какъ хороша гроза, какъ хороша жизнь на волѣ! Какъ прекрасно все, чего насъ лишила тюрьма! Мы не говорили этого вслухъ, можетъ быть, мы сочли бы это малодушіемъ и сантиментальностью, но таковы были волновавшія всѣхъ насъ чувства. Чортъ возьми! не то нервы ослабли въ тюрьмѣ, не то на волѣ я жилъ съ закрытыми глазами, не замѣчая, какъ прекрасна жизнь. Такъ думалъ я, лежа безъ сна на своей койкѣ въ эту весеннюю ночь.

Еще сильнѣе поразилъ меня видъ города, когда послѣ годового заключенія мнѣ пришлось идти изъ тюрьмы въ судъ за полученіемъ копіи обвинительнаго акта. Много разъ проходилъ я по этимъ улицамъ еще вольнымъ человѣкомъ, и я считалъ тогда, что трудно нарочно придумать городъ болѣе сѣрый, болѣе пошлый, болѣе отвратительный. Но теперь этотъ городъ почему-то представлялся мнѣ въ совершенно иномъ видѣ. Какъ-то жадно смотрѣлъ я на дома, магазины, на попадавшихся навстрѣчу людей, на проѣзжавшіе мимо насъ вагоны трамвая и извозчичьи пролетки. И все восхищало меня. Какими свѣтлыми, какими роскошными, веселыми, шумными казались мнѣ эти улицы послѣ нашихъ тюремныхъ коридоровъ! Какой нарядной казалась уличная толпа послѣ того, какъ глазъ привыкъ къ вшивымъ арестантскимъ бушлатамъ, къ лохмотьямъ пересыльниковъ да къ выцвѣтшимъ, полинявшимъ, вѣчно пыльнымъ и засаленнымъ мундирамъ надзирателей! И лица у всѣхъ встрѣчавшихся намъ людей были здоровыя, веселыя, красивыя...

Я замѣчалъ, что такое же впечатлѣніе производилъ видъ городскихъ улицъ и на товарищей, ходившихъ изъ тюрьмы въ судъ или отправлявшихся по этапу изъ одного города въ другой, изъ одной тюрьмы въ другую. Во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ проявляется дѣйствіе общеизвѣстнаго закона контрастовъ. Днемъ мы не видимъ въ безоблачномъ небѣ ни одной звѣзды. Но стоитъ взглянуть на то же небо изъ глубокаго темнаго колодца, — и звѣзды становятся доступны нашему глазу.

Такъ и въ обыденной сѣрой жизни, оставленной нами за стѣнами тюрьмы, мы открываемъ прекрасныя, яркія звѣзды, — лишь только приходится намъ взглянуть на эту жизнь сквозь черные квадраты желѣзной рѣшетки. И это нерѣдко зажигаетъ въ сердцѣ узника такую безумную жажду жить, такое страстное желаніе хоть разъ еще оку-

нуться въ вольную жизнь, что мучительность тюрьмы становится для него невыносимой.

Здѣсь получается заколдованный кругъ.

Чѣмъ хуже въ тюрьмѣ, тѣмъ прекраснѣе кажется жизнь на волѣ. Но чѣмъ сильнѣе идеализируетъ узникъ жизнь на волѣ, чѣмъ больше стремится онъ къ ней, тѣмъ невыносимѣе становится для него лишеніе свободы.

Такимъ образомъ, страстная жажда жизни, просыпающаяся въ узникѣ, становится для него источникомъ новыхъ мученій.

Но этого мало.

Жажда жизни, даже связанная съ ея идеализаціей, сама по себѣ, является здоровымъ, положительнымъ чувствомъ. Но при уродливыхъ тюремныхъ условіяхъ она не только терзаетъ узника, но нерѣдко толкаетъ его въ сторону примиренія съ дѣйствительностью, въ сторону отказа отъ прежнихъ идеаловъ и отъ собственной личности. Это нерѣдко становится источникомъ «поправѣнія» и прямого отступничества.

Узникъ, вспоминая свою прошлую жизнь, думаетъ о томъ, что все могло бы сложиться по иному. Не сдѣлай онъ рокового шага, — онъ былъ бы теперь на волѣ, дышалъ бы вольнымъ воздухомъ, жилъ бы вольной жизнью. И этотъ роковой шагъ можетъ принять въ его глазахъ видъ глубокой ошибки. Та жизнь, какъ-никакъ, была слишкомъ хороша... Не слѣдовало рисковать... Нужно было взвѣсить всѣ послѣдствія... Нужно было предвидѣть...

Конечно, не у всякаго являются эти малодушныя мысли. Не можетъ жалѣть о своемъ шагѣ человѣкъ, для котораго и утрата свободы мучительна, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ неволѣ связаны его руки, что онъ ничѣмъ не можетъ отвѣтить торжествующимъ врагамъ.

Но слабые люди, случайные участники революціи, случайныя жертвы реакціи, жертвы судебной ошибки, преступники по несчастью, всѣ тѣ, которые составляютъ главный контингентъ населенія всѣхъ тюремъ... У этихъ людей нерѣдко приходится наблюдать глубокое сожалѣніе по поводу того шага, который привелъ ихъ въ тюрьму. Это своеобразное «раскаяніе» у уголовныхъ и политическихъ выливается въ различныя формы.

Уголовные чаще всего сожалѣютъ о той или иной технической ошибкѣ, допущенной ими при отправленіи ихъ опаснаго ремесла. Почти всегда причиной своего крушенія они считаютъ или собственную неосторожность, или какой-нибудь техническій недосмотръ: забрался въ церковь, а сторожа не прирѣзалъ, — понадѣялся на то, что тотъ спитъ; вздумалъ кассу на мѣстѣ ломать, а ее нужно бы съ собой забрать; на товарища положился, а тотъ, какъ начали его бить въ участкѣ, все и выдалъ; марухѣ [1]) слишкомъ довѣрился, — про всѣ дѣла знала и все полиціи донесла... Я почти не помню у уголовныхъ иного вида «раскаянія» въ совершенномъ преступленіи. И если тюрьма должна вызвать въ преступникѣ именно такое «раскаяніе», если подобное раскаяніе является признакомъ или предвозвѣстникомъ нравственнаго возрожденія человѣка, то сторонники современной пенитенціарной системы могутъ поздравить себя съ блестящимъ успѣхомъ!

У политиковъ «раскаяніе» выливается иногда въ форму сожалѣнія о томъ, что дешево продалъ свою свободу врагамъ. Но наиболѣе слабые, случайные политики начинаютъ сожалѣть о томъ, что вмѣшались не въ свое дѣло, приняли участіе въ борьбѣ, неудачный исходъ которой привелъ ихъ въ тюрьму.

Это есть начало тюремнаго «поправѣнія».

«Поправѣвшій» узникъ сперва только скорбитъ о сво-

---

[1]) „Маруха“ на воровскомъ жаргонѣ — любовница, жена.

емъ старомъ увлеченіи, а затѣмъ предпринимаетъ попытку исправить послѣдствія этого увлеченія. Простѣйшимъ средствомъ является подача прошенія о помилованіи. Въ прошеніи надо выразить свое полное раскаяніе и горячую готовность загладить свой грѣхъ «вѣрной службой». хорошо также попутно облить помоями прежнихъ товарищей и свалить вину за свое паденіе на жидовъ...

Когда прошеніе написано и отправлено, можно на досугѣ пересмотрѣть въ памяти всѣ событія предшествовавшія аресту и суду и въ этихъ событіяхъ не трудно найти тысячу оправданій собственнаго отступничества. Это отступничество окажется либо «военной хитростью», либо актомъ благоразумія и самосохраненія, либо маленькимъ компромиссомъ, вполнѣ допустимымъ, т. к. всѣ кругомъ «подлецы».

Впрочемъ, не слѣдуетъ обобщать этой картины «поправѣнія». Очень часто «поправѣніе» протекаетъ и въ иныхъ формахъ. Иные «правѣютъ», повидимому, вполнѣ искренно, не заботясь о томъ, чтобы оправдать какъ-нибудь свое отступничество.

Легче всего «правѣютъ»» въ тюрьмѣ и чаще всего подаютъ прошенія о помилованіи крестьяне-аграрники. Это — почти сплошь случайные люди въ тюрьмѣ, сравнительно слабо связанные съ политикой; и при низкомъ уровнѣ ихъ политической сознательности имъ не трудно эволюціонировать въ какую угодно сторону подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій тюремной жизни.

Изъ «поправѣвшихъ» аграрниковъ, которыхъ я встрѣчалъ въ тюрьмѣ, пожалуй, всѣхъ типичнѣе былъ нѣкій Гавриловъ, приговоренный къ 8 годамъ каторги за участіе въ разгромѣ какого-то графскаго завода.

Это былъ мужикъ лѣтъ 40, съ обыкновеннымъ крестьянскимъ лицомъ. Русые волосы, рыжеватая клинообразная бородка, голубые задумчивые глаза, стертые напо-

ловину зубы, тихій голосъ, медленныя движенія. Онъ не былъ похожъ ни на уголовнаго преступника, ни на революціонера, и при взглядѣ на него невольно являлась мысль о глухой русской деревнѣ, изъ которой выхватили зачѣмъ-то этого человѣка, и въ которой остались всѣ помыслы его, всѣ его заботы и привязанности.

Гавриловъ держался въ сторонѣ отъ всѣхъ, вѣчно одинокій, погруженный въ какія-то думы. Я зналъ про него, что въ 5-омъ году онъ организовалъ въ своей деревушкѣ «крестьянскій союзъ», соціалисты-революціонеры считали его «своимъ», партійнымъ, или, во всякомъ случаѣ, сочувствующимъ партіи. Больше ничего я не зналъ о немъ. И хотя меня интересовала его вѣчная глубокая задумчивость, и мнѣ хотѣлось разгадать, чѣмъ живетъ этотъ человѣкъ, столь явно не подходящій къ тюремной обстановкѣ, но не было случая разговориться съ нимъ: къ интеллигентамъ Гавриловъ относился, какъ къ «господамъ», и всячески избѣгалъ сближенія съ ними.

Но однажды онъ самъ подошелъ ко мнѣ за тѣмъ же, за чѣмъ обращались ко мнѣ въ тюрьмѣ довольно часто, — попросилъ, чтобы я написалъ ему письмо домой въ деревню.

— Сдѣлайте такую милость, господинъ, — просилъ онъ какъ-то застѣнчиво и нерѣшительно: — напишите... Самъ-то я малограмотный, не выходитъ у меня ничего.

— Съ удовольствіемъ, товарищъ. Сейчасъ же и напишемъ, а на повѣркѣ вы сможете отдать.

Мы присѣли къ столу.

— Вамъ къ кому писать? Къ сыну или къ женѣ?

— Къ женѣ бы написать...

— Хорошо! Вы какъ ее зовете?

— Марѳой...

— Ладно! Значитъ, такъ и начнемъ: «Дорогая жена Марѳа!.. А дальше что писать?

— Извѣстно, что.

Гавриловъ вздохнулъ и задумался.

— Вы говорите, а я буду писать.

— Да что говорить? Вы, господинъ, чай, лучше моего все знаете.

— Нѣтъ, какъ же я буду самъ писать? Я напишу все, — только вы говорите, о чемъ писать.

Какъ это всегда бываетъ съ малограмотными крестьянами, Гавриловъ никакъ не могъ понять, почему это я, человѣкъ «ученый», заставляю его указывать себѣ, какъ и что писать. И онъ началъ говорить, не столько диктуя мнѣ письмо, сколько попросту изливая душу, какъ бы выкладывая вслухъ свои мысли.

— Описать бы все полностью, какъ здѣсь живется-то. На прошлой недѣлѣ письмо я получилъ изъ деревни, отъ брата ейнаго. Пишетъ, безъ хлѣба сидятъ, лошадь продали. И, какъ мнѣ въ укоръ, пишетъ, что черезъ меня все врозь пошло. Тебѣ, дескать, хорошо на казенныхъ хлѣбахъ, на всемъ готовомъ. Вотъ бы и написать имъ все сполна, какъ мы здѣсь корки сухія гложемъ, да кровью своей вшей кормимъ. Безъ табаку, безъ всего... Солнышка за день-деньской не увидишь... Все сердце изныло... Помереть лучше, чѣмъ муку такую терпѣть. Они тамъ думаютъ, — у меня объ нихъ и думушки нѣтъ. А я-то и день, и ночь только о домѣ думаю. Что тамъ, да какъ? Да кто за хозяйствомъ присмотритъ, да кто работу справитъ? Жена-то у меня хворая, а у брата — своя семья, своя обуза... Только и есть думы, что о хозяйствѣ. Хлѣбъ-молъ снимать самое время... Какъ бы тамъ дня не упустили... И ни къ чему это, а все объ одномъ да объ одномъ душой болѣешь... Истомился совсѣмъ. Кабы я одинокій былъ, и тюрьма бы мнѣ тюрьмой не была. Пусть руки, ноги въ желѣза куютъ, пусть на части рвутъ, — ничего! А какъ домъ-то оставить пришлось безъ хозяина, да жену, да дѣтей, — вотъ тутъ-то и тюрьма... И то, братъ ейный правильно тогда говорилъ, что не слѣдъ мнѣ съ семьею въ такія дѣла мѣшаться. Безъ меня будто бъ дѣло не сдѣлалось бы, безъ меня будто бъ дураковъ мало! Эхъ! поздно за умъ берешься: ничего уже не подѣлаешь.

Мужикъ говорилъ монотоннымъ, тоскливымъ голосомъ, медленно и тягуче изливая свою душу въ жалобахъ. Я быстро писалъ подъ его слова.

— Напишите, господинъ, чтобъ и брату она передала: Егоръ, молъ, винится, что и впрямь дуракомъ въ ту пору былъ, что тебя не послушалъ. А еще, пусть не больно-то убивается, что хозяйство неладно идетъ. Богъ дастъ, скоро выйду я на волю, тогда поправимся какъ-нибудь...

Гавриловъ опустилъ голову и замолчалъ въ глубокомъ раздумьи.

— Какъ это, скоро выйдете на волю? — переспросилъ я. — Вѣдь срокъ у васъ еще не маленькій?

Мужикъ замялся немного, а потомъ сказалъ тихо и просительно:

— А я васъ же, господинъ, просить буду прошеньице мнѣ написать...

— Какое прошенье?

— Да о скидкѣ со срока или чтобы совсѣмъ помиловали. Семья вѣдь черезъ меня пропадаетъ...

— То-есть, прошенье на Высочайшее имя?

Опять замялся Гавриловъ, но затѣмъ сказалъ:

— Вотъ это самое, это самое. Вы же, господинъ, такое прошеньице для ротной камеры писали недавно... Я слышалъ.

Ко мнѣ нерѣдко обращались въ тюрьмѣ съ просьбами составить прошеніе о помилованіи. Подобныя просьбы уголовныхъ я удовлетворялъ всегда безъ колебанія, политикамъ же отказывалъ. Но относительно аграрниковъ, солдатъ и матросовъ иногда затруднялся рѣшить вопросъ.

И теперь я спросилъ Гаврилова:

— Вы по какому дѣлу судились? Правда, что вы были эсэромъ?

— По крестьянскому дѣлу насъ судили... А что объ эсэрахъ, такъ неправда это совсѣмъ. Какимъ я эсэромъ былъ? Я, почитай, въ тюрьмѣ-то только и узналъ, чего соціалисты хотятъ. И какъ я понимаю, совсѣмъ это для насъ, мужиковъ, неподходящее... хотя, можетъ, вамъ, какъ людямъ ученымъ, лучше все извѣстно. А что на судѣ показывали, что я тогда супротивъ помѣщиковъ и начальства шелъ, вѣрно это. Противъ я ничего не скажу. Только нужно, господинъ, и то въ разсужденіе взять, какое время-то тогда было. Вотъ и земскаго нашего начальника за эти же самыя дѣла въ тюрьму засадили. Изъ сосѣдняго уѣзда двухъ учителей да врача казеннаго въ Сибирь куда-то угнали. Помѣщика нашего, господина Малишевскаго, дочка за это же и теперь еще въ тюрьмѣ сидитъ. А образованная, въ Петербургѣ училась! Да и все вѣдь господа, образованные люди. Такая ужъ линія тогда выходила. Съ нашего брата, мужика, и спрашивать меньше съ должны, мы вѣдь по дурости своей больше, по темнотѣ...

Гавриловъ говорилъ такъ, какъ будто онъ оправдывался передо мной, стараясь убѣдить меня написать ему прошеніе о помилованьи.

Я спросилъ его:

— Что же, теперь вы считаете, что были неправы, что шли противъ помѣщиковъ и противъ начальства? Не слѣдовало этого дѣлать?

— А кто разберетъ? Можетъ, слѣдовало, а можетъ, и нѣтъ. Плохо-то живемъ мы, вѣрно это. А начальство — для кого плохое выходитъ, а для кого и хорошее. Можетъ, и правда, что тогда у насъ на сходѣ ораторъ говорилъ: по иному, молъ лучше съ жить стало... А можетъ, и хуже прежняго пошло бы... Кто разберетъ? Хочешь лучше, а оно на худшее выдетъ... Думалъ, ужъ такъ плохо, такъ плохо, что хуже и быть нельзя... А оно такъ обернулось, что тогда хорошо было, а теперь самъ себя погубилъ...

Медленно, сбивчиво и неуклюже говорилъ Гавриловъ. А затѣмъ прибавилъ увѣренно и твердо:

— Только не слѣдъ бы мнѣ, съ семьей-то на шеѣ, въ такія дѣла лѣзть. Говорили у насъ мужики въ ту пору: плохо живемъ... нужда одолѣла... голодъ... земли нѣтъ! Вотъ и сдѣлали себѣ лучше! Да мнѣ бы теперь хоть годъ такъ пожить, какъ прежде мы, до забастовокъ, жили! Кажись, не зналъ бы, какъ Бога благодарить. У насъ, бывало, говорятъ: не жизнь, молъ, у насъ, мужиковъ, а каторга. То-то и говорятъ, чего не знаютъ...

— А развѣ хорошо вамъ жилось?

— Кто скажетъ, что хорошо? А все же, какъ ни есть, а жили себѣ... А перемѣнить захотѣли, — и хуже сдѣлали. И я такъ думаю, что не спроста это такъ вышло.

— То-есть что именно?

— А все... Я по-ученому объяснить-то не умѣю. А только, намъ не напротивъ идти надо, а такъ, чтобы польза была. Напротивъ идти, — ничего не получишь. Ораторы тоже пріѣзжали. Я слушалъ, слушалъ: за насъ, кажись, говорятъ. Самое для насъ нужное. А вышло такъ, что насъ же подъ разстрѣлъ, да подъ висѣлицу, да подъ каторгу подвели. Уговорили! Тамъ противъ царя, что ли, пошли... забастовки разныя устраивать начали. Ну, и достигли. Выходитъ, я тогда дуракомъ былъ. А придись теперь случай, я бы такого оратора угостилъ...

Лицо Гаврилова приняло мрачное выраженіе, и онъ сжалъ кулакъ.

— Спасибо, дядя, что предупредилъ! — замѣтилъ я съ

укоромъ. — Коли придется мнѣ въ вашей деревнѣ бывать, въ хату Гаврилова не постучусь.

Гавриловъ сконфузился и, полагая, что лично обидѣлъ меня, постарался загладить неловкость:

— Да развѣ я, господинъ, человѣка не разберу? Развѣ мы звѣри? Вотъ вы ,дай вамъ Богъ здоровьица, письмецо моей Марѳѣ написали... Прошеньице, можетъ, тоже напишете? Развѣ я вашу милость забуду? Я только сказать не умѣю... Такъ вы темноту-то мужицкую простите.

— Да за что простить? Мнѣ на васъ обижаться не съ чего. Только не понимаю, что вамъ «ораторы» плохого сдѣлали?

— А то сдѣлали, что черезъ нихъ и смутеніе-то у насъ пошло.

— Какъ черезъ нихъ?

— Да такъ, что они разсказывать стали: то нехорошо, это нехорошо...

— А безъ нихъ вы слѣпы, что ли, были?

— А то нѣтъ? Мы люди темные, сами ничего не поймемъ.

— Значитъ, черезъ нихъ-то, по крайней мѣрѣ, поняли?

— Поняли, да не то, что нужно намъ, по нашему положенію...

— Да что же вамъ нужно?

— То нужно, что живи себѣ человѣкъ, какъ умѣешь. Другого не тронь, — и тебя не тронутъ. Смутеніемъ ты себѣ не поможешь. Хоть какъ тамъ, — а живи. Этой-то правды ораторы, небось, не сказали? А здѣсь-то она, первая правда, и есть.

Неожиданно Гавриловъ принялся разсказывать про брата своей жены.

— Степана мы тогда за послѣдняго человѣка считали за то, что онъ отъ мірского дѣла сторонился. Сколько

разъ я ему выговаривалъ: дуракъ ты, дуракъ! Ничего не смыслишь, а хочешь умнѣе образованныхъ людей быть. А онъ мнѣ все говорилъ: не я, дескать, дуракъ, что въ сторонѣ этого; а вы дураки, что впередъ лѣзете! А теперь такъ оно и вышло, что мы дураками передъ нимъ оказались... Спасибо еще, что въ бѣдѣ насъ не вовсе оставилъ, семьѣ помогаетъ!

Я слушалъ тягучія рѣчи крестьянина и думалъ о безнадежно тупой покорности судьбѣ, къ которой пришелъ этотъ человѣкъ. Одинъ разъ въ жизни осмѣлился онъ смутно мечтать о лучшей участи, и вотъ теперь проклинаетъ тѣхъ, кто зажегъ въ его душѣ эту мечту! Этотъ раскаивающійся «поправѣвшій» аграрникъ казался мнѣ воплощеніемъ вѣчной покорности. Покорность звучала въ его голосѣ, покорность смотрѣла изъ его глазъ. И ясно говорила эта покорность о крушеніи всѣхъ надеждъ, объ отчаяніи безысходномъ.

Въ концѣ концовъ, я написалъ Гаврилову прошеніе о помилованіи.

Приходилось писать такія прошенія и другимъ аграрникамъ. Иные изъ нихъ были на волѣ настолько несознательны, что ихъ никакъ нельзя было считать «поправѣвшими» въ тюрьмѣ. Другіе, наоборотъ, вполнѣ опредѣленно отрекались отъ минувшаго увлеченія, и отрекались чаще всего такъ же откровенно, такъ же рѣзко, какъ Гавриловъ. И такъ же, какъ у Гаврилова, безпомощно путалась ихъ мысль при попыткѣ опредѣлить причину постигшаго ихъ несчастья.

«Поправѣвшіе» солдаты и матросы-повстанцы были непохожи на «поправѣвшихъ» аграрниковъ. Эти тоже покорились желѣзной рѣшеткѣ, но въ ихъ покорности не было той простоты, пассивности, какъ въ «стихійной» покорности крестьянъ, въ нихъ чувствовалась какая-то глухая озлобленность, не находящая себѣ выхода.

Они легко писали прошенія о помилованіи. Получивъ отказъ на одно прошеніе, тотчасъ принимались сочинять другое, позабористѣе. Всего усерднѣе подчеркивали они въ этихъ прошеніяхъ свою готовность «вѣрной службой царю и отечеству, вѣрной защитой престола отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ загладить свою вину и великій свой грѣхъ передъ Богомъ и передъ родиной». Короче, при составленіи этихъ прошеній они пускали въ ходъ весь цвѣтистый жаргонъ полковой литературы. Иныя изъ солдатскихъ прошеній представляли собой цѣлыя произведенія искусства. Въ тюрьмѣ у нихъ были свои мастера-спеціалисты по изготовленію прошеній, работавшіе иной разъ безплатно, иной разъ за деньги. Но плату за трудъ они брали, во всякомъ случаѣ, невысокую: 1 рубль, — 50 копеекъ, рѣдко больше.

Не вполнѣ довѣряя своимъ искусникамъ, солдаты-подаванцы иной разъ приносили мнѣ свои прошенія:

— Посмотрите, дескать, товарищъ, правильно ли здѣсь все поставлено? Можетъ быть, здѣсь что-нибудь не такъ написано? . .

Чаще всего подаванцы сами стыдились немного своихъ прошеній. Бывало, просматриваю я прошеніе, а «поправѣвшій», кающійся солдатъ сидитъ здѣсь же рядомъ и поясняетъ:

— Я его не просилъ совсѣмъ писать про враговъ «внѣшнихъ и внутреннихъ». Это онъ отъ себя вставилъ. Да ничего . . . Этакъ оно лучше выходитъ. Пускай думаютъ тамъ, что совсѣмъ я на ихъ сторону перешелъ. Вѣдь на это скорѣе вниманіе обратятъ . . . Правда, товарищъ? . . А я-то, вѣдь, какимъ былъ, такой и остался. Я, товарищъ, завсегда на все готовъ. Здѣсь-то я только для нихъ поставилъ . . . Дымъ въ глаза пускаю . . .

Возвращая ему прошеніе, я указывалъ на то, что въ прошеніи много лишняго:

— На что вашъ мастеръ здѣсь столько черносотенства пустилъ: «жиды», «крамольники», «кровь свою пролить» — все это совершенно лишнее.

— А какъ же безъ этого?

— Если ужъ рѣшили писать, пишите по формѣ: о семьѣ упомяните, и только. Больше ничего не нужно.

— Да вѣдь всѣ такъ пишутъ, какъ здѣсь, вотъ, написано. Про жидовъ онъ, правда, зря написалъ . . . Но и безъ этого не знаю какъ. Измѣнить, говорите, слѣдуетъ?

— Пишите, какъ знаете. Только такое прошеніе подавать стыдно.

— Я, товарищъ, подумаю . . . Можетъ быть, иначе какъ-нибудь напишу . . . А здѣсь-то больно хорошо поставлено насчетъ того, чтобы грѣхъ загладить.

Но, въ концѣ-концовъ, солдатъ подавалъ все же прошеніе съ «жидами» и «крамольниками». И мнѣ всегда казалось, что эти конфузящіеся нерѣшительные подаванцы въ своихъ прошеніяхъ искреннѣе, чѣмъ въ своихъ оговоркахъ къ этимъ прошеніямъ. Искренни въ выраженіи своей готовности «загладить вину».

Но стоило заговорить съ ними о начальствѣ, объ офицерахъ, о судьяхъ, о правительствѣ и т. д., — куда только дѣвались ихъ лояльныя чувства! Въ ихъ рѣчахъ звучала тогда самая неподдѣльная ненависть къ тѣмъ побѣдителямъ, которые замуровали ихъ въ тюремныхъ стѣнахъ.

И здѣсь не было противорѣчія. Какой-нибудь случайный солдатъ-каторжанинъ отъ всей души ненавидѣлъ все начальство, въ которомъ видѣлъ своихъ тюремщиковъ-мучителей. Но оно было для него непобѣдимой, всемогущей силой. Только милость начальства могла вернуть ему жизнь и волю и, чтобы угодить начальству, онъ съ готовностью застрѣлилъ бы отца, перегрызъ бы горло брату.

Это было, воистину, жалкое зрѣлище.

Правда, не всѣ солдаты-подаванцы были таковы. Иные подавали прошенія о помилованіи, наполненныя выраженіями раскаянія, просто «такъ себѣ», на авось: можетъ быть, поможетъ выкрутиться. Эти тоже были «поправѣвшими», но все же у нихъ сохранялось извѣстное понятіе о чести, и они не согласились бы подписать «слишкомъ» забористое прошеніе, не согласились бы также прибѣгнуть къ доносу или предательству. Такъ далеко ихъ «поправѣніе» не шло.

Но нѣкоторые начинали заглаживать свою вину усердной борьбой съ «врагами царя и отечества» еще въ тюрьмѣ, выслѣживая крамолу среди товарищей. Это было вѣнцомъ «поправѣнія».

Попадались «поправѣвшіе» и среди массовиковъ-политиковъ, рабочихъ и разночинцевъ. Эти были всего разнообразнѣе, и въ ихъ «поправѣніи», пожалуй, всего ярче проявлялось дѣйствіе желѣзной рѣшетки на психологію узниковъ.

«Поправѣвшіе» рабочіе иногда выражали свое раскаяніе въ такихъ прошеніяхъ, что лицемѣрная лживость ихъ била въ глаза изъ каждой строчки. И если когда-нибудь историкъ нашего кошмарнаго времени будетъ разбирать архивы канцеляріи по пріему прошеній на Высочайшее имя, онъ найдетъ тамъ много матеріаловъ для характеристики этого тюремнаго «поправѣнія» и «поправѣнія» вообще.

У меня сейчасъ нѣтъ этихъ документовъ подъ рукой, а приводить ихъ на память не стоитъ, но все же я познакомлю читателя съ отрывками изъ одного такого прошенія. Авторъ его — вполнѣ интеллигентный рабочій большого механическаго завода. На волѣ онъ былъ членомъ партіи, но попалъ въ тюрьму не за партійное дѣло, а за какую-то довольно темную экспропріацію. Въ тюрьмѣ держался, какъ «непримиримый» революціонеръ, и пользовался среди товарищей большимъ уваженіемъ. И вдругъ оказалось, что этотъ «непримиримый» подалъ прошеніе о помилованьи, да еще какое прошеніе!

Обнаружилось это совершенно случайно. Одинъ изъ тюремныхъ надзирателей выругалъ политическаго площадными словами. Тотъ отправился по этому поводу къ начальнику тюрьмы объясняться. Начальникъ его принялъ довольно нелюбезно и, выслушавъ заявленіе, сказалъ:

— Ну, и выругался надзиратель! Эка важность! Надзиратели у меня въ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ не обучались! Мало и вы межъ собой ругаетесь...

— Политическіе всегда старались...

— Политическіе, политическіе! Плевать мнѣ на вашу политику! Если хотите знать цѣну вашей политикѣ... вотъ, читайте!

Начальникъ протянулъ арестанту листъ бумаги, сложенной вчетверо, какъ складываются прошенія. Смѣясь, онъ развернулъ бумагу и пододвинулъ ее по столу къ арестанту:

— Видите? Канцелярія по пріему прошеній... Руку своего товарища узнаете? Фамилію эту знаете?

Арестантъ немного смутился, но, подозрѣвая ловушку, сказалъ довольно рѣшительно:

— Намъ не о чемъ толковать. А ваши конторскія бумаги меня не интересуютъ.

И онъ двинулся къ двери. Но начальникъ остановилъ его:

— Нѣтъ, послушайте! Я, вотъ, прочту вамъ... Ей-Богу занятно. «Въ канцелярію по пріему прошеній... ссыльно-каторжнаго ...» Это все по формѣ... «Всемилостивѣйшій Государь! Августѣйшій Монархъ. Всеподданнѣйше припадая къ стопамъ»... Ишь, сволочь, и форму знаетъ... А вотъ его собственное начинается... Слушайте! «Я былъ неопытнымъ юношей, когда злодѣи увле-

кли меня на путь преступленій, усыпивъ лукавыми рѣчами мою совѣсть. Только подъ вліяніемъ рѣчей злодѣевъ-подстрекателей могъ я забыть на время, что я русскій человѣкъ, и нарушить долгъ вѣрности обожаемому монарху, который подсказывало мнѣ мое русское сердце даже въ дни самаго глубокаго моего паденія . . .» Хорошо? А? Слушайте-ка дальше — еще лучше есть . . . «Я былъ безъ работы. И злодѣи воспользовались моей растерянностью и бѣдственнымъ моимъ положеніемъ, чтобы соблазнить меня . . . Одинъ изъ рабочихъ завода, съ котораго я былъ разсчитанъ, настоящій волкъ въ овечьей шкурѣ, позвалъ меня къ себѣ. Я, какъ неопытный юноша, пошелъ къ нему. У него на квартирѣ было собраніе, первое преступное собраніе, на которое я попалъ, не подозрѣвая даже, что стремлюсь къ собственной погибели. На собраніи говорилъ рѣчь какой-то молодой человѣкъ еврейскаго типа съ длинными волосами и горящими глазами!» Ха-ха-ха! Хорошо? А? Интересно? А тутъ вотъ: «Жиды толкнули меня на путь преступленія, вложили мнѣ въ руку оружіе для убійства. Погубили меня тѣ же злодѣи, которые губятъ всю русскую землю» . . . Ну, здѣсь о старушкѣ-матери идетъ и о маленькихъ сестрахъ . . . Какъ во всѣхъ прошеніяхъ, — это неинтересно. А вотъ самый конецъ: «. . . чтобы могъ я загладить свой великій грѣхъ передъ Богомъ и людьми своей беззавѣтно вѣрной службой Престолу и борьбой съ тѣми забывшими Бога злодѣями и жидами, которые губятъ русскую землю. Всю жизнь свою отдамъ я этой борьбѣ» . . . Вотъ оно, какъ ваши товарищи пишутъ. Ха-ха-ха!

Арестантъ вышелъ изъ конторы, какъ оплеванный.

Къ вечеру вся тюрьма знала объ этомъ прошеніи, но авторъ его категорически заявилъ, что ничего подобнаго не писалъ. Пошли въ контору для выясненія этого недоразумѣнія. Начальникъ, торжествуя униженіе политическихъ, снова досталъ прошеніе и со смакомъ и чувствомъ прочелъ его вслухъ. Посмотрѣли подпись и почеркъ: сомнѣній не могло быть. Тюрьма была потрясена этимъ случаемъ. Но авторъ прошенія заявилъ рѣшительно и твердо:

— Отчета въ своихъ поступкахъ я давать никому не намѣренъ. На васъ всѣхъ и на ваши резолюціи мнѣ наплевать. А показывать вамъ мое прошеніе начальникъ не имѣлъ права.

Отъ него отвернулись, какъ отъ зачумленнаго.

Впрочемъ, этотъ случай почти исключительный. Существуютъ вѣдь и другія, болѣе скромныя формы для того, чтобы отказаться отъ старыхъ увлеченій.

Самая скромная форма «поправѣнія» — исповѣдываніе стараго русскаго правила: моя хата съ краю, ничего не знаю. Въ примѣненіи къ тюремнымъ условіямъ это правило означаетъ: на волѣ никакого касательства къ революціи я не имѣлъ; въ тюрьму посадили меня по ошибкѣ; и впредь, по выходѣ изъ тюрьмы, я буду держаться въ сторонѣ.

Зналъ я въ тюрьмѣ одного немолодого желѣзнодорожнаго служащаго. Это былъ очень маленькій человѣчекъ, слабый и хилый, но подвижной, живой, съ нѣкоторымъ огонькомъ. На волѣ онъ давалъ свою квартиру для собраній, для ночевокъ нелегальнымъ, для явокъ, для храненія литературы. Держалъ гектографъ, хранилъ одно время печать и даже взялся собирать въ пользу партіи деньги по чековой книжкѣ. Первое время послѣ ареста онъ охотно разсказывалъ о своей дѣятельности, явно гордясь своими революціонными знакомствами и тѣмъ, что онъ, маленькій человѣкъ, все же могъ «послужить великому дѣлу». Жестокій приговоръ суда поразилъ его; тюрьма давалась ему, быть можетъ, тяжелѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Цѣлыми днями ходилъ онъ по камерѣ молчаливый, за-

думчивый. Со свиданій возвращался совершенно разстроенный съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

Маленькій человѣкъ убѣдился, что послѣдствія «служенія великому дѣлу» тяжелѣе, чѣмъ онъ думалъ раньше. И вотъ начало мѣняться его отношеніе къ этому дѣлу. Онъ уже неохотно говорилъ о своихъ знакомыхъ революціонерахъ, а про свою жизнь на волѣ разсказывалъ, какъ про самое спокойное существованіе мелкаго служащаго, ни въ чемъ не «замѣшаннаго», ничѣмъ не интересующагося. Обижался и пугался, когда къ этимъ его разсказамъ относились недовѣрчиво или насмѣшливо. Мечтая о томъ, какъ придется ему жить съ семьей послѣ тюрьмы, онъ подчеркивалъ неизмѣнно, что будетъ жить такъ тихо, уединенно, и замкнуто, какъ только возможно; будетъ избѣгать всякихъ знакомствъ; не будетъ ходить ни къ кому, не будетъ никого принимать у себя; не будетъ вмѣшиваться ни въ какія «глупости»; весь уйдетъ въ заботы о семьѣ, о дѣтяхъ.

Какъ ни мучился этотъ человѣкъ въ тюрьмѣ, онъ все же не подалъ прошенія о помилованіи.

— Не поможетъ это, — говорилъ онъ женѣ своей, упрашивавшей его подать такое прошеніе: — сколько народу подавало, да почти всѣмъ отказано. Досижу какъ-нибудь!

Въ этомъ «поправѣніи» не было ни измѣны, ни ренегатства, но это было несомнѣнно проявленіе душевнаго упадка. Это было вынужденное примиреніе человѣка побѣжденнаго и обезсиленнаго.

Прямую противоположность этому «поправѣвшему» желѣзнодорожнику представлялъ сидѣвшій въ нашей тюрьмѣ сельскій учитель Кирилловъ. Худощавый и длинный, съ блѣднымъ, желтымъ лицомъ, съ безпокойными глазами и нервными порывистыми движеніями, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, сильно потрепаннаго жи-

знью. Казалось, всю жизнь свою онъ голодалъ и хворалъ, и жизнь сохранилась въ его тѣлѣ какимъ-то чудомъ.

На волѣ онъ былъ не крупнымъ, но дѣятельнымъ партійнымъ работникомъ. Служа въ глухой деревнѣ, онъ велъ пропаганду среди крестьянъ, распространялъ литературу, доставлялъ связи съ другими учителями губерніи и вѣчно организовывалъ что-нибудь — то крестьянскій союзъ, то учительскій съѣздъ, то какую-нибудь спеціальную мѣстную газетку. Въ партіи его считали человѣкомъ съ причудами, но цѣнили и уважали за беззавѣтную преданность партійному дѣлу.

Я его встрѣтилъ въ тюрьмѣ, когда онъ былъ еще подслѣдственнымъ. Слѣдствіе по его дѣлу тянулось почему-то безконечно долго. Онъ ждалъ суда уже третій годъ, и за это время тюрьма совершенно измучила его: онъ упалъ духомъ, вѣчно нервничалъ, жаловался на судьбу. Какъ человѣку до крайности экспансивному ему постоянно нуженъ былъ кто-нибудь, передъ кѣмъ онъ могъ бы изливать свою душу.

Въ числѣ другихъ, приходилось выслушивать его изліянія и мнѣ. Онъ охотно и подробно разсказывалъ о своей дѣятельности на волѣ, особенно о своихъ организаторскихъ попыткахъ. Но всѣ свои разсказы неизмѣнно кончалъ жалобами:

— Я вотъ на части разрывался, — туда, сюда, повсюду. Минуты свободной не было ... Въ городъ надо съѣздить, напримѣръ. Кому ѣхать? Тотъ занятъ, другой занятъ, у третьяго семья, у четвертаго лошади нѣтъ, у пятаго зубы болятъ ... Пусть Кирилловъ ѣдетъ! Нужно литературу въ дальнюю волость отвезти. Опять Кирилловъ! Вотъ до тюрьмы и доѣздился ... А изъ товарищей, вы думаете, хоть кто-нибудь позаботился навѣстить или помочь чѣмъ-нибудь? Никто! Я и подъ залогъ могъ выйти, и совсѣмъ

можно было бы все дѣло замять, если бы похлопоталъ кто-нибудь съ воли. Да развѣ ихъ это дѣло касается? Это урокъ мнѣ хорошій, чтобы впредь умнѣе быть. Теперь, если на волю выйду, пальцемъ о палецъ для другихъ не ударю. Довольно я поработалъ. Пусть другіе спину подставляютъ. Да-съ...

Онъ волновался, сердито брызгалъ слюной и отъ волненія мучительно кашлялъ, говоря объ этихъ «другихъ», для которыхъ онъ столько перенесъ и которые въ бѣдѣ не поддержали его. Я спросилъ:

— Кто эти «они», «другіе», на которыхъ вы все сердитесь?

— Какъ кто? Да товарищи... Хотя бы тѣ же учителя!

— А развѣ на волѣ вы для *нихъ* дѣлали что-нибудь?

— Вѣдь я говорилъ вамъ... Можетъ быть, вы моимъ словамъ не вѣрите?

— Не въ этомъ дѣло. Я только думаю: что вы дѣлали на волѣ, вы для себя дѣлали. Вамъ это доставляло удовлетвореніе, и требовать какого-нибудь особаго вниманія отъ оставшихся на волѣ товарищей вы не имѣете права.

— Ну, этой вашей философіи я не понимаю. Вы можете это какъ вамъ угодно понимать. Только будетъ съ меня этой науки. Пусть другіе дураками будутъ...

И ясно было, что это у него не пустыя слова, что, выйдя на волю, онъ спрячется въ свою скорлупу и будетъ трусливо сторониться всего, что можетъ быть принято за «общественное» дѣло.

По суду учитель получилъ ссылку на поселеніе. Прошенія о помилованіи онъ не подалъ, со средой политическихъ не порвалъ. Но вскорѣ я потерялъ его изъ виду и не знаю, что стало съ нимъ впослѣдствіи.

У этого учителя «поправѣніе» имѣло совершенно ясно выраженныя черты психологическаго упадка. Но справедливость требуетъ отмѣтить, что тюремное «поправѣніе» иногда бывало свободно отъ такого упадническаго характера. Изъ числа «поправѣвшихъ», сохранившихъ извѣстную самостоятельность, извѣстное чувство собственнаго достоинства, особенно хорошо помню я одного рабочаго, Желѣзняка.

Желѣзняку, когда я познакомился съ нимъ, было не больше 25 лѣтъ, но по виду ему можно было дать 30 или 35. Его подвижное, немного нервное лицо обличало въ немъ умъ и энергію. Въ тюрьмѣ онъ держался очень независимо, нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, много читалъ и занимался. Читалъ больше всего по естественнымъ наукамъ, занимался преимущественно математикой. Его усидчивость и способность работать въ шумной переполненной камерѣ были изумительны.

Отъ другихъ я узналъ, что Желѣзнякъ сидитъ въ тюрьмѣ уже третій годъ. Несмотря на свою молодость, онъ былъ давнишнимъ партійнымъ работникомъ: въ партійный кружокъ онъ вступилъ въ 1899 году и съ тѣхъ поръ работалъ не переставая, такъ что единственные перерывы въ его дѣятельности составляла тюрьма.

Энергичнымъ и умнымъ человѣкомъ показался мнѣ Желѣзнякъ и въ тюрьмѣ. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ бесѣдовать съ нимъ, такъ какъ онъ часто обращался ко мнѣ за разъясненіями по поводу интересовавшихъ его вопросовъ изъ физики, геологіи и т. п. Я удовлетворялъ его любопытство, какъ умѣлъ. Но меня немного удивляло, что интересы его постоянно вращаются въ кругу этихъ наукъ.

Какъ-то разъ я спросилъ его:

— Вы только естественными вопросами интересуетесь, товарищъ?

— Да, вотъ занимаюсь помаленьку естественными науками. Жалѣю, что поздно началъ.

— Въ области этихъ вопросовъ у нашего брата всегда слабовато, — замѣтилъ я, — наверстываете?

— Нѣтъ, не наверстываю. Просто на другіе рельсы сталъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Да я съ тѣхъ поръ, какъ читать научился, и до тюрьмы только политическими да общественными вопросами и интересовался. Сперва брошюры читалъ, потомъ и къ серьезнымъ книгамъ перешелъ, но все изъ этой области. По исторіи читалъ, политическую экономію проходилъ, соціологіей, антропологіей занимался ... Все больше урывками, по тюрьмамъ да въ рѣдкіе свободные часы дома. У меня, знаете, на волѣ особое отношеніе къ книгамъ выработалось: если могу я изъ книги извлечь что-нибудь для кружка или для массовки, или, скажемъ, хоть для дискуссіи, — полезная книга, стоитъ ее читать. Если такого матерьяла книга мнѣ не даетъ, — безполезная, никчемная книга, и читать ее — только время терять. Признайтесь, вѣдь такъ на книги большинство партійной публики смотритъ ... Да и вы меня спросили о моихъ занятіяхъ такъ, какъ будто удивляетесь: зачѣмъ это человѣкъ астрономіей да геологіей занимается, когда это время можно было бы потратить на изученіе IV- го тома «Капитала»? Правда вѣдь? Была у васъ эта мысль?

— Ничего подобнаго! — запротестовалъ я, — развѣ можно всегда однимъ и тѣмъ же заниматься!

— Ну, можетъ быть, вы этого и не думали. Но у другихъ партійцевъ прежде всего эта мысль явится. А знаете, какъ теперь я къ книгамъ отношусь и вообще къ наукамъ?

— Какъ?

— Я считаю, что зря потерялъ тѣ годы, когда учился только, чтобы для кружка или массовки зарядиться! И книги тѣ ненужны мнѣ были, и знанія тѣ — или вѣрнѣе

та поддѣлка подъ науку — все это было для меня лишнее. Эхъ! Если бы мнѣ съ самаго начала правильный путь указали, какъ учиться, сколько бы я уже сдѣлать успѣлъ! А теперь восемь лѣтъ жизни, и притомъ лучшіе годы, зря пропали.

— Какъ зря?

— Конечно, зря! Что я теперь знаю? Вотъ только въ тюрьмѣ, какъ слѣдуетъ, грамотно писать выучился и прошелъ кое-что. А на волѣ, что я за эти годы сдѣлалъ, что видѣлъ?

— Мнѣ передавали, что вамъ удавалось дѣлать не меньше, чѣмъ другимъ. А видѣли и пережили мы всѣ достаточно.

Желѣзнякъ скептически улыбнулся:

— Вы все на политику сворачиваете. А я вовсе не объ этомъ. Что мнѣ съ того, что я пять лѣтъ вмѣстѣ съ другими возился надъ «развитіемъ классоваго самосознанія и сплоченности пролетаріата?» Вѣдь это — не жизнь. Вѣдь есть что-то выше, значительнѣе этого. А этого настоящаго я и не замѣтилъ ...

— Вы какъ-то туманно выражаетесь. «Выше», «значительнѣе», «настоящее» ... Что это такое?

— Да сама жизнь, какъ она есть, со всѣмъ тѣмъ, что можно отъ нея взять.

— А развѣ борьба — не жизнь?

— Нѣтъ, только часть жизни! Задворки жизни, необходимое зло! Не больше этого! Я, товарищъ, знаю рабочихъ, знакомъ и съ рабочимъ движеніемъ и со всѣмъ тѣмъ, что вы, какъ соціалъ-демократъ, будете мнѣ о рабочемъ движеніи говорить. И я вотъ что скажу. Борьба для рабочихъ только потому и нужна, что безъ нея рабочій классъ въ цѣломъ не получитъ доступа къ жизни. Наука, литература, искусство, театръ — все для него закрыто. Даже лучшіе уголки земли для него закрыты.

Онъ, какъ слѣпой кротъ подъ землею, живетъ. А жизнь нужна ему. Отсюда историческая необходимость борьбы пролетаріата. Я борьбу признаю. Но она — только средство, а жизнь — цѣль. И глупо средство ставить выше цѣли и цѣнить наравнѣ съ цѣлью. Глупо ради чего бы то ни было другого отказаться отъ жизни съ ея красотой!

Желѣзнякъ говорилъ увѣренно и съ воодушевленіемъ, какъ о вещахъ, о которыхъ онъ много думалъ. Я первый разъ встрѣчался съ подобной постановкой вопроса у бывшаго революціонера-рабочаго, и потому слушалъ его съ интересомъ.

— Вѣдь я могъ, — говорилъ онъ, — прямымъ путемъ, никого не дожидаясь, вступить въ жизнь. А вмѣсто того пошелъ самымъ длиннымъ, самымъ труднымъ путемъ... жизнь прошла мимо меня, и я не видалъ ее. И сколько рабочихъ сдѣлало ту же ошибку!

— А какъ же должны были бы всѣ они поступить?

— Да мало ли есть путей? Учиться! Черезъ желѣзнодорожное училище, черезъ ремесленную школу, черезъ какое-нибудь штейгерское или электро-техническое училище можно въ люди выйти. А въ крайнемъ случаѣ — просто пошелъ бродяжить, хоть безъ гроша въ карманѣ! Трудно развѣ по образу пѣшаго хожденія всѣ страны исходить, все видѣть, все слышать! Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ! Пока у насъ будетъ революція, да конституція, да парламентъ, да борьба за соціализмъ, да пока мы до соціализма доберемся, не только насъ самихъ — дѣтей нашихъ въ живыхъ не будетъ, внуковъ нашихъ кости въ землѣ сгніютъ. Значитъ, сколько поколѣній напрасно жизнь свою отдали! Сколько людей, ради какого-то туманнаго будущаго, отъ жизни, отъ настоящаго отказались! А я жить хочу здѣсь, теперь, и ни для кого, ни для чего не откажусь я отъ этого.

— То-есть, вы проповѣдуете погоню за личнымъ мѣщанскимъ благополучіемъ?

— Я не знаю, какъ вы назовете то, что я проповѣдую, но вамъ трудно безпристрастно судить объ этомъ. Вы вѣдь въ какой обстановкѣ выросли? Вы гдѣ только не побывали, чего только не видѣли, прежде чѣмъ революціонеромъ сдѣлались. Наука, искусство, культурная жизнь — все для васъ было открыто, всего вы попробовали. Значитъ, вы отъ жизни все, что могли, получили и, когда насытились, встали изъ-за стола. Вы отъ этого отказались, чтобы больше получить. А мы? Я про себя вамъ скажу. Въ театрѣ я за всю жизнь раза два-три былъ, и то на самыхъ дурацкихъ пьесахъ. Въ книжкахъ я снимки съ картинъ знаменитыхъ художниковъ разсматриваю, а картины настоящей никогда не видалъ... Только лубки видѣлъ, да иконы. На берегу моря я никогда не былъ, горъ никогда не видѣлъ настоящихъ. Кромѣ южныхъ трехъ-четырехъ губерній, ничего, какъ есть, не видалъ. Что же изъ жизни я взялъ: дымныя улицы, мастерскія, да наше подполье! Нѣтъ, мало мнѣ этого. Я теперь читаю какую-нибудь книгу — хоть по біологіи, хоть по геологіи или по астрономіи, и прямо до слезъ обидно становится, что прошлые годы не употребилъ я на то, чтобы жить, учиться, пользоваться всѣмъ міромъ. Вѣдь могъ я это сдѣлать, а погнался за призракомъ.

Желѣзнякъ замолчалъ, но затѣмъ снова заговорилъ:

— Мнѣ не матеріальныхъ жертвъ жалко. Нѣтъ. Я бы съ радостью голодалъ, я босикомъ бы всю Европу исходилъ, чѣмъ угодно добывая себѣ кусокъ хлѣба, только бы видѣть жизнь. Мнѣ жалко безплодно потраченныхъ лѣтъ и силъ своихъ. Вѣдь ихъ не вернешь.

— Значитъ, съ революціей вы навсегда порвали? — спросилъ я Желѣзняка.

— Навсегда. Я уважаю революціонеровъ, какъ чест-

ныхъ и искреннихъ людей, уважаю ихъ за ихъ нравственную силу. Но съ вами я не пойду. Для меня вы — слѣпые люди, вы за призракомъ гонитесь, когда достаточно протянуть руку, чтобы взять все, чего хочешь... Впрочемъ васъ обращать въ свою вѣру я не намѣренъ, но и вы меня не агитируйте. У меня свой путь, у васъ, — свой. Лучше вы мнѣ здѣсь о силикатахъ объясните: въ геологіи здѣсь что-то запутанно изложено.

Переспорить его было невозможно. Въ немъ не было стремленія къ мѣщанской сытости или къ чувственнымъ наслажденіямъ жизни, и въ его страстной любви къ жизни, въ его стремленіи все взять отъ нея не было ничего пошлаго, отталкивающаго. Но все же и въ отказѣ Желѣзняка отъ борьбы, въ его желаніи не измѣнить жизнь, а взять ее такой, какова она есть, въ его своеобразномъ индивидуализмѣ мнѣ чуялось дѣйствіе желѣзной рѣшетки.

Въ этомъ человѣкѣ было много общаго съ «полѣвѣвшими» индивидуалистами, но его отличалъ отъ нихъ прямой и честный отказъ отъ революціи. И, «поправѣвъ», онъ остался человѣкомъ, увѣреннымъ въ себѣ и въ своихъ силахъ, но въ его лицѣ — еще одна голова склонилась передъ мощью желѣзной рѣшетки.

Среди бывшихъ революціонеровъ-рабочихъ встрѣчались люди, единственный пунктъ «поправѣнія» которыхъ заключался въ томъ, что они утратили вѣру въ соціализмъ. Цѣлый рядъ условій способствовалъ утратѣ этой вѣры: разочарованіе въ собственныхъ силахъ, разочарованіе въ рабочемъ движеніи, измѣненіе масштаба для измѣренія времени историческихъ событій. Нѣкоторые начинали скептически относиться къ осуществимости соціализма подъ вліяніемъ знакомства съ исторіей соціалистическихъ движеній.

— На что намъ революція, на что намъ измѣненіе политическаго строя, если рабство наемнаго труда, угнетеніе бѣдныхъ богатыми, эксплуатація и неравенство составляютъ вѣчный законъ жизни? Тысячи лѣтъ уже люди стараются установить на землѣ равенство, и всегда эти попытки кончались ничѣмъ. Гибли только тѣ, кто пытался измѣнить строй жизни, и гибли безсмысленно, безъ слѣда и безъ пользы. А мы повторяемъ теперь ихъ ошибку.

Такъ, или приблизительно такъ, разсуждали извѣрившіеся, и въ подтвержденіе своего скептическаго отношенія къ соціализму каждый изъ нихъ приводилъ свои доводы. Но сквозь всѣ ихъ разсужденія проглядывалъ одинъ невысказанный мотивъ: борьба оказалась слишкомъ трудной, жертва слишкомъ тяжелой, кремнистый путь къ будущему слишкомъ длиннымъ. И вотъ, люди, которые взялись поутру за дѣло, не взвѣсивъ своихъ силъ, останавливались въ сумерки истомленные и измученные, опускали руки къ землѣ и говорили:

— Ничего не выйдетъ. Это дѣло безнадежное.

И, какъ безнадежное, они бросали это дѣло.

Я наблюдалъ случаи, когда подъ тяжелымъ гнетомъ желѣзной рѣшетки сдавались люди сильные и смѣлые, незнакомые со страхомъ, единственное несчастье которыхъ заключалось въ томъ, что они чутко, слишкомъ болѣзненно ощущали горе и страданіе ближнихъ. Про одного такого человѣка, павшаго подъ тяжестью окружавшихъ его страданій, я хочу разсказать.

Я встрѣтился съ нимъ въ слѣдственной камерѣ N-ской тюрьмы. Съ первой же встрѣчи онъ приковалъ къ себѣ мое вниманіе.

Есть лица, которыя въ тысячной толпѣ бросаются въ глаза, которыя съ перваго же раза врѣзаются въ память, такъ что впослѣдствіи забыть ихъ невозможно. У Матвѣя было такое лицо: блѣдное, продолговатое лицо, обрамленное мягкой свѣтлой бородой, темно-каштановые длинные волосы и глаза необыкновенно красивые, глубо-

кіе, полные какой-то невыразимой нѣжной грусти. Спокойная, ласковая улыбка и эти грустные глаза какъ-то странно противорѣчили грубой тюремной обстановкѣ и царившей въ тюрьмѣ нервной озлобленности.

Это лицо напомнило мнѣ что-то. Казалось, я гдѣ-то уже видѣлъ его, но гдѣ? Я вспомнилъ, что эти глаза я видѣлъ на одной старинной итальянской картинѣ.

Матвѣй былъ однимъ изъ видныхъ анархистовъ на югѣ Россіи. За нимъ числилось нѣсколько громкихъ дѣлъ, и среди товарищей онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ. Его цѣнили, какъ человѣка необыкновенной нравственной чистоты, какъ вдумчиваго анархиста и какъ дружинника выдающейся смѣлости. Мнѣ казалось страннымъ, чтобы этотъ человѣкъ съ постоянной ласковой улыбкой на устахъ и съ этимъ нѣжнымъ взглядомъ грустныхъ глазъ могъ быть хорошимъ боевикомъ. Но мнѣ разсказывали про его дѣла, про его отстрѣлы, и оказалось, что онъ дѣйствительно способенъ былъ биться, какъ левъ.

Я никогда ни раньше, ни позже не встрѣчалъ человѣка, который относился бы къ товарищамъ съ такой добротой и мягкостью, какъ Матвѣй. Онъ умѣлъ какъ-то особенно вліять даже на самыхъ дикихъ и озлобленныхъ людей. И малокультурные экспропріаторы, относившіеся къ политикѣ враждебно и вызывающе, благоговѣли передъ нимъ.

Несмотря на полное несходство характеровъ, мы быстро сошлись, и я очень цѣнилъ бесѣды съ нимъ, такъ какъ во всемъ, что онъ говорилъ, проглядывала самостоятельная, свободная мысль.

Какъ-то я высказалъ ему свое удивленіе, какъ удается ему ладить съ совершенно дикими, нравственно-неразвитыми людьми. Онъ объяснилъ секретъ своего вліянія.

— Вы, товарищъ, какъ и всѣ, привыкли судить людей, хороши они или плохи. И, какъ судья, вы подходите къ каждому человѣку. А это озлобляетъ человѣка и дѣлаетъ его вашимъ врагомъ, хотя бы вы и ничѣмъ не оскорбили его. Судью всякій невольно ненавидитъ. Но сколько вы ни судите, вы человѣка никогда не поймете. Вы вѣдь не знаете ни того, что онъ думаетъ и чувствуетъ, ни того, какъ сталъ онъ такимъ, какимъ вы его встрѣтили. А я знаю, что никого судить я не въ силахъ и не сужу людей, какъ не сужу цвѣтовъ въ полѣ или облаковъ въ небѣ. Приговоровъ я не выношу никому, а принимаю всѣхъ людей, какъ они есть. Вѣдь хорошее что-нибудь есть въ каждомъ . . .

Въ бесѣдахъ и спорахъ со своими товарищами-анархистами Матвѣй часто возвращался къ этой темѣ: анархистъ не долженъ быть судьей, не долженъ судить человѣка.

На этой почвѣ у него выходили любопытныя разногласія съ товарищами.

Товарищи его были анархисты-коммунисты направленія заграничнаго органа «Буревѣстникъ» (довольно близкаго къ крапоткинскому ученію). Они признавали терроръ экономическій и политическій, Матвѣй же рѣшительно отрицалъ право анархистовъ прибѣгалъ къ личному террору.

— Вѣдь прежде, чѣмъ убить инженера, или пристава, или министра, вы обсуждаете его вину, вы судите его, вы выносите свой приговоръ. А судить человѣка анархистъ не можетъ. Судить человѣка—значитъ отрицать его свободу.

Но странно: исходя изъ этихъ положеній, Матвѣй не приходилъ къ отрицанію террора. Онъ признавалъ терроръ, какъ средство борьбы, но только особый и странный терроръ, который подъ названіемъ «безмотивнаго» проповѣдывался въ Россіи «бунтарцами». Проявленіе его былъ знаменитый взрывъ въ кофейнѣ Либмана въ Одессѣ.

— Здѣсь вы никого не судите, — защищалъ Матвѣй идею «безмотивнаго» террора. — Вамъ дѣла нѣтъ до Иванова, Сидорова, Карпова и до того, какіе они люди — плохіе или хорошіе. Вы боретесь съ буржуазіей вообще, вотъ гдѣ вашъ врагъ. Вы бросаете бомбу въ кофейную, въ толпу на улицѣ, въ театръ, въ вагонъ трамвая, и вамъ дѣла нѣтъ до того, кто попадетъ подъ ея осколки. Невинные пострадаютъ? Такъ что же? Вѣдь мы не судьи, передъ нами нѣтъ виновныхъ. Всѣ невинные. Развѣ Плеве или Сипягинъ виноваты, что они были такіе, а не другіе? Убивать для анархиста — самое ужасное, но если уже нужно убивать — убивай, закрывши глаза. Какъ молнія убиваетъ, а не такъ, какъ убиваетъ судья и палачъ.

Матвѣй былъ «безмотивникомъ», т. е. принадлежалъ къ самому крайнему и нелѣпому теченію русскаго анархизма. Но, когда онъ развивалъ свои крайніе взгляды, меня охватывало странное чувство: мнѣ казалось, что этому человѣку легче было бы взойти на костеръ за свои убѣжденія, чѣмъ поднять руку на ближняго, какимъ бы злодѣемъ ни былъ этотъ ближній. И все же, повинуясь велѣнію внутренняго голоса, считая, что это нужно, онъ пойдетъ въ толпу, гдѣ будутъ и старики и дѣти, и твердой рукой, не колеблясь, броситъ бомбу, хотя каждый стонъ раненаго имъ человѣка будетъ для него мучительнѣе смерти.

Въ сужденіяхъ о людяхъ, въ бесѣдахъ на общія темы Матвѣй обнаруживалъ всегда столько чуткости и оригинальности, что я считалъ его вполнѣ интеллигентнымъ человѣкомъ. Совершенно случайно открылъ я, что во многихъ вопросахъ Матвѣй невѣжественъ, какъ ребенокъ.

Я объяснялъ одному товарищу начала космографіи, говорилъ о шарообразности земли, о величинѣ солнца и звѣздъ. Матвѣй сидѣлъ тутъ же рядомъ и внимательно

слушалъ. Когда я кончилъ, онъ спросилъ меня съ выраженіемъ живого интереса:

— Неужто это правда, что земля — шаръ? Можетъ быть, это только предположеніе?

— Нѣтъ, это вполнѣ точно установлено.

— Какъ же люди могли узнать это?

Я объяснилъ. Матвѣй слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, не сводя съ меня своихъ грустныхъ, удивленныхъ глазъ. Потомъ онъ спросилъ меня:

— Разскажите еще разъ, товарищъ, что вы говорили о величинѣ земли и звѣздъ.

Я удовлетворилъ его просьбу. Когда я кончилъ, онъ сказалъ:

— Какъ странно все это! Я никогда объ этомъ не думалъ... Значитъ земля наша — совсѣмъ маленькая... А человѣкъ...

Онъ умолкъ и долго въ глубокомъ раздумьѣ ходилъ по камерѣ. Меня удивило это. Я не могъ представить себѣ, чтобы человѣкъ съ живымъ умомъ, много читавшій, много видавшій въ жизни, встрѣчавшійся постоянно съ интеллигентными людьми, никогда не слыхалъ о томъ, что такое земля.

Часа черезъ два послѣ нашего разговора Матвѣй снова подошелъ ко мнѣ.

— Я вотъ все думаю, товарищъ, о вашихъ словахъ, — сказалъ онъ. — Если все это вѣрно, то вѣдь человѣкъ — песчинка въ мірѣ. Странно!

Я спросилъ его:

— Неужели вы только отъ меня въ первый разъ узнали обо всемъ этомъ?

— Въ первый разъ... Да и то мнѣ трудно повѣрить. Я же не учился нигдѣ.

— Но развѣ въ книгахъ вы не натыкались на эти вопросы?

Матвѣй улыбнулся.

— Теперь мнѣ самому странно, что я никогда не думалъ о томъ, что такое земля. Но это такъ вышло... Меня только люди занимали, объ ихъ жизни я думалъ... А земли я какъ-то не замѣчалъ. Сегодня чуть не въ первый разъ за всю жизнь я объ этомъ задумался.

Въ тюрьмѣ Матвѣй началъ писать стихи. Эти стихи были неправильны и временами безграмотны. Но было въ этихъ стихахъ столько теплаго чувства, столько любви къ міру и столько тихой красоты, что товарищи переписывали ихъ въ тетрадки и заучивали на память.

Въ слѣдственной камерѣ я просидѣлъ вмѣстѣ съ Матвѣемъ нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ его взяли изъ камеры, переодѣли въ казенное отрепье и заковали въ кандалы, хотя судъ предстоялъ еще не скоро. Снова встрѣтилъ я его въ коридорѣ уже послѣ перехода въ башню. За то время, пока я его не видалъ, онъ сильно осунулся, исхудалъ. Въ грязномъ сѣромъ бѣльѣ, съ кандалами на ногахъ онъ какъ будто еще рѣзче выдѣлялся изъ окружающей арестантской среды. На губахъ его была прежняя добрая улыбка, а глаза смотрѣли еще печальнѣе.

Я не успѣлъ поговорить съ нимъ, но вечеромъ удалось переправить ему въ камеру маленькую записку. На другой день я получилъ отъ него отвѣтъ, который сильно удивилъ меня.

«Товарищъ, вы спрашиваете, какъ я живу. Плохо, очень плохо, дорогой товарищъ. Меня мучатъ какія-то странныя мысли, которыхъ я раньше не зналъ. Чудится, будто вся земля и эти стѣны вокругъ насъ стонутъ отъ муки, отъ страданій и преступленій, которыми люди наполнили свою жизнь. Особенно ночью, когда заснетъ тюрьма, слышенъ этотъ стонъ. Я слышу его, какъ слышу голосъ человѣка, который говоритъ со мной. Земля ропщетъ. Земля устала и не хочетъ принимать трупы,

падающіе на нее. Кровь стоитъ кругомъ лужами. Вотъ, двинешь рукой, — пальцы уйдутъ въ липкую теплую кровь. Ступишь на землю — и ноги будутъ въ крови. И надъ всѣмъ этимъ хохотъ, какой-то ужасный хохотъ, хохотъ сатаны. Этотъ хохотъ, какъ удары молота, падаетъ въ уши. Надъ нами хохочетъ сатана, надъ нами, которые хотѣли разбить его царство. Товарищъ, дорогой товарищъ! Развѣ вы не слышите этого хохота? Мое царство вѣчно, смѣется сатана. Вы не сломите его, вы только головы свои разобьете объ стѣны, которыми я окружилъ васъ. Уже тысячи лѣтъ хохочетъ сатана, и кто услышалъ его хохотъ, тотъ, какъ безумный, бросается на него и гибнетъ. И насъ всѣхъ велъ этотъ хохотъ. Насъ обманулъ этотъ хохотъ»...

Меня удивило это письмо, и первая моя мысль была, что писавшій его сошелъ съ ума. Но я вспомнилъ, какъ смотрѣлъ онъ на меня вчера на коридорѣ... Нѣтъ, онъ не сумасшедшій! Вѣроятно, онъ просто выразилъ въ аллегорической формѣ терзающую его тоску. Но что значатъ его слова о хохотѣ сатаны, который велъ и обманулъ насъ? Неужели и онъ палъ духомъ?

Опять переправилъ я ему записку, полную словъ ободренія и дружбы. Черезъ два дня пришелъ отвѣтъ.

«Вы не поняли меня, товарищъ, — писалъ Матвѣй. — Развѣ я жалѣю о томъ пути, который я выбралъ? Нѣтъ, если бы я имѣлъ тысячу жизней, я бы всѣ ихъ прожилъ такъ же, какъ провелъ я свою короткую жизнь, и пусть всѣ они кончаются висѣлицей. Пусть всѣ они будутъ полны муки, но иначе я жить не хочу. И про своихъ погибшихъ друзей я скажу то же... Вѣдь у меня было много друзей, съ которыми у меня все было общее, — и мысли, и чувства. Всѣ они погибли, и я теперь остался одинъ, ожидая своей очереди. Они должны были погибнуть. Я самъ бы отправилъ ихъ на гибель...

Однажды на дѣлѣ мнѣ пришлось пристрѣлить раненаго товарища, чтобы онъ не попался въ руки враговъ. Онъ самъ просилъ насъ объ этомъ. Но товарищамъ тяжело было сдѣлать это, а я любилъ его, какъ родного брата. Я обнялъ его, поцѣловалъ его въ послѣдній разъ, приложилъ свой маузеръ къ его виску и выстрѣлилъ. Онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза, когда я стрѣлялъ, и сказалъ: «Благодарю!» Но онъ не кончилъ слова. И я смотрѣлъ ему въ глаза и видѣлъ, какъ разлетѣлся его черепъ... Легче бы было умереть сто разъ, чѣмъ сдѣлать это. Но я и теперь бы это сдѣлалъ. Мы должны были погибнуть всѣ, такъ какъ мы услышали хохотъ сатаны, и онъ звалъ насъ. Но жизнь улучшить мы не могли. Зло въ мірѣ вѣчно, такъ какъ владыка міра сатана. И онъ вызываетъ людей на борьбу съ собою только для потѣхи. Хохотомъ вызываетъ ихъ впередъ и хохочетъ, когда они гибнутъ. Вѣдь бороться можно двумя оружіями: любовью и насиліемъ. Любовь — это оружіе Христа. А насиліе — оружіе сатаны. И когда мы слышимъ хохотъ сатаны, мы, какъ безумные, бросаемъ оружіе Христа, какъ безумные, хватаемся за оружіе сатаны. А сатана хохочетъ, видя наше безуміе. Мы же съ оружіемъ сатаны бросаемся на владыку міра, на князя насилія, и гибнемъ. И тогда опять хохочетъ сатана. И хохотъ его пробуждаетъ новыхъ борцовъ. Лучшіе юноши и дѣвушки идутъ на борьбу, и всѣ гибнутъ, такъ что земля не успѣваетъ впитывать кровь и принимать трупы. А хохотъ сатаны надъ землею съ каждымъ днемъ становится громче и громче. И скоро онъ заглушитъ всѣ звуки...»

Къ этому хохоту сатаны снова и снова возвращалась его измученная мысль. Повидимому, это была галлюцинація, преслѣдовавшая его.

Онъ еще нѣсколько разъ писалъ мнѣ и въ одномъ изъ писемъ пытался подвести итогъ своимъ измѣнившимся

взглядамъ. Къ моему изумленію оказалось, что онъ эволюціонировалъ въ сторону толстовскаго непротивленства:

«Самымъ лѣвымъ революціонеромъ, — писалъ онъ, — былъ Христосъ. И его тактика самая крайняя, самая противоположная тому, что есть. А мы, вмѣсто того, чтобы пользоваться въ борьбѣ его средствами, приняли пріемы борьбы нашихъ враговъ...»

Такимъ образомъ, террористъ-«безмотивникъ» превратился въ тюрьмѣ въ толстовца-христіанина.

Отчасти его привело къ этому развитіе его стараго правила — не судить человѣка. Но было въ его эволюціи также и нѣчто иное: и для него, сильнаго и смѣлаго, оказалась слишкомъ ужасной борьба съ ея безчисленными безплодными жертвами. Онъ, быть можетъ, не отказался бы отъ борьбы, если бы могъ на свои плечи принять всѣ жестокіе удары ея. Но душа его не выдержала, подъ конецъ, зрѣлища земли, залитой кровью. Нервы не выдержали ежедневныхъ казней и убійствъ. И смѣхъ подгулявшаго надзирателя въ коридорѣ — или, быть можетъ, смѣхъ сошедшаго съ ума смертника въ секреткѣ — смѣхъ надъ трупами породилъ въ немъ рядъ галлюцинацій. Невыносимый ужасъ жизни сломилъ его разумъ, обратилъ его къ мистикѣ и фантасмагоріямъ.

Матвѣя судили за грабежъ, въ которомъ онъ не участвовалъ. На судѣ онъ отказался отъ защиты и сказалъ всего нѣсколько словъ:

— Я не дѣлалъ этого дѣла. И вы это знаете. Но вамъ нужно повѣсить меня, какъ анархиста. Вашъ судъ — только комедія, и участвовать въ ней я не буду. Что хотите сдѣлать со мной, дѣлайте открыто и прямо.

Его, разумѣется, приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Послѣдній разъ я видѣлъ его въ окнѣ секретки наканунѣ казни. Онъ стоялъ у рѣшетки спокойный, какъ будто примиренный со всѣмъ. И когда мы

проходили мимо него, онъ смотрѣлъ на насъ своими печальными, ласковыми глазами и тихо намъ улыбался.

Я никогда не забуду ни этихъ глазъ, ни этой улыбки... Можетъ быть, именно то, что эти глаза, какъ живые, стоятъ передо мною, заставило меня такъ подробно разсказать объ этомъ загадочно-странномъ человѣкѣ.

Я припомнилъ цѣлый рядъ прошедшихъ передо мною рабочихъ, которые раньше были революціонерами, а въ тюрьмѣ эволюціонировали и рѣшили уйти отъ борьбы.

«Поправѣвшихъ» интеллигентовъ тоже встрѣчается въ тюрьмѣ не мало. И ихъ «поправѣніе» тоже принимаетъ самыя разнообразныя формы.

Чаще всего «правѣющіе» студенты, отказываясь отъ борьбы, мотивируютъ свой отказъ необходимостью или желаніемъ учиться. Иногда этотъ мотивъ выдвигается вполнѣ искренно. Иногда «ученье» и интересъ къ наукѣ служатъ лишь ширмами для прикрытія самаго обыкновеннаго желанія «пристроиться».

Болѣе бойкіе, болѣе фразистые студенты охотно мотивируютъ свой отказъ отъ борьбы и отъ всякой общественной дѣятельности ссылкой на «права личности»... Общество, молъ, не должно поглощать личности. Личность живетъ для себя, повинуясь законамъ своей воли. Я хочу жить самъ по себѣ, — значитъ такъ я и долженъ жить. Личность, достигшая извѣстной зрѣлости, просто отказывается отъ навязанныхъ ей обществомъ цѣлей и задачъ...

Все это иной разъ звучитъ гордо. Но чаще всего защитникамъ «правъ личности», которыхъ я встрѣчалъ въ тюрьмѣ, не удавалось сохранить даже внѣшней гордости, внѣшняго достоинства.

Наиболѣе дряблые изъ «поправѣвшихъ» интеллигентовъ, тѣ, у которыхъ «поправѣніе» является вмѣстѣ съ тѣмъ и отступничествомъ, самой удобной мотивировкой своей эволюціи считаютъ соображенія о «военной хитрости», о томъ, что всѣ средства хороши, чтобы обмануть врага.

V.

„Уцѣлѣвшіе“.

Въ тюрьмѣ ежедневно разыгрывались тяжелыя драмы. Не только казни и жестокіе приговоры суда, не только издѣвательства надъ заключенными, избіенія, выстрѣлы часовыхъ въ окна и вереница гробовъ, которые выносили чуть не каждый день изъ тюремной больницы, — ложились невыносимой тяжестью на душу. Еще тяжелѣе, пожалуй, были явленія психическаго упадка и разложенія, о которыхъ я говорилъ на предыдущихъ страницахъ.

Не оставалось мѣста ни для вѣры въ жизнь, ни для вѣры въ людей. Ни во что, ни въ кого нельзя было вѣрить. И это состояніе было такъ тягостно, что трудно описать его словами. Кругомъ зіяла какая-то абсолютная пустота. Люди казались призраками. И все вокругъ живыхъ и мертвыхъ, отступниковъ, предателей и людей, сохранившихъ свою стойкость и гордость — все обволакивалъ какой-то сѣро-кровавый туманъ.

Ничто уже не дѣйствовало на умъ такъ сильно, какъ прежде. Не оставалось силы ни для негодованія, ни для презрѣнія. Умирали въ груди всѣ чувства, всѣ желанія. Не оставалось ни желанія выйти на волю, ни желанія жить. Безсильно опускались руки. Пусть идетъ все такъ, какъ идетъ. Только бы скорѣе конецъ! Это было состояніе полной апатіи.

Изрѣдка оно прерывалось вспышкой мучительно страстнаго желанія жить, бороться, выйти на волю. Хотѣлось

рвать прутья желѣзной рѣшетки, зубами грызть камни стѣны. Хотѣлось рыдать отъ сознанія собственнаго безсилія. Тогда минувшее состояніе апатіи казалось малодушіемъ и смертью; мозгъ сверлила мысль, что при такомъ упадкѣ окончательная гибель неминуема. Это было чувство, которое, вѣроятно, является у человѣка, заснувшаго летаргическимъ сномъ, ошибочно принятаго за мертвеца и опущеннаго въ землю, когда онъ просыпается въ своей могилѣ. Онъ узнаетъ, что погребенъ заживо, хочетъ кричать, хочетъ вырваться изъ могилы... Но кругомъ земля... Могила не возвращаетъ своихъ жертвъ... Онъ проснулся лишь затѣмъ, чтобы со всей ясностью ощутить свою смерть... Смерть надвигается, она неизбѣжна... Вотъ-вотъ, снова погаснетъ пробудившееся въ немъ сознаніе. И легче становилось, когда эта воля къ жизни снова замирала, апатія вступала въ свои права, и сѣрый туманъ опять обволакивалъ все кругомъ.

Въ этомъ туманѣ жили въ тюрьмѣ «уцѣлѣвшіе» политики, т. е. тѣ, которые сохранили свою прежнюю идеологію, не отступили отъ нея ни влѣво — въ сторону крайняго индивидуализма, ни вправо — въ сторону примиренія со зломъ, холопства и угодничества.

Я довольно долго противостоялъ дѣйствію этого тумана, довольно долго сохранялъ бодрость и боролся съ надвигавшейся апатіей. Но затѣмъ докатилась волна и до меня. Произошло это, когда изъ общей камеры меня перевели въ башню.

Здѣсь жилось сравнительно спокойно. Рѣже, чѣмъ въ общихъ камерахъ, подвергались мы оскорбленіямъ со стороны надзирателей, и во внутренней жизни не происходило у насъ тѣхъ отвратительныхъ столкновеній и ссоръ, которыя отравляли жизнь въ общихъ камерахъ. Было здѣсь чище, просторнѣе, не приходилось и голодать. Но именно здѣсь рѣзче, чѣмъ въ общей камерѣ, бросалась въ

глаза та апатія, та безнадежная усталость, во власти которой были заключенные.

Здѣсь сидѣло, кромѣ меня, семь человѣкъ — всѣ политическіе. Какъ всегда, преобладала молодежь. Старше другихъ былъ аграрникъ Харько и вѣчный студентъ тов. Валентинъ; имъ было за 30 лѣтъ. Но былъ среди насъ и совсѣмъ молодой 17-лѣтній паренекъ, с.-р. Женя.

Харько отбывалъ роты, но его посадили съ нами, отдѣльно отъ остальныхъ аграрниковъ, такъ какъ опасались его вліянія на темныхъ крестьянъ. Это былъ добродушный и остроумный человѣкъ, упорный и твердый во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, но нѣсколько вялый и малоразвитой. Валентинъ, старый партійный работникъ с.-д., еще не судился. Его перевели въ башню изъ больницы, какъ безнадежно чахоточнаго. Мы знали всѣ, что онъ скоро умретъ, и онъ зналъ это, но держался мужественно, стараясь никого не обременять своей болѣзнью. Подъ слѣдствіемъ состоялъ еще и Женя, наивный живой юноша съ почти дѣтскимъ безусымъ личикомъ. Ему предстояло судиться не скоро, и онъ, какъ многіе въ N-ской тюрьмѣ, не зналъ точно, за что его будутъ судить, но съ достаточной степенью вѣроятности предвидѣлъ, къ какому наказанію его приговорятъ: на допросѣ слѣдователь объявилъ ему чуть ли не 10 различныхъ дѣлъ, изъ которыхъ каждое грозило ему висѣлицей; а при такомъ оборотѣ слѣдствія всегда приходится ожидать, что по 5—6 обвиненіямъ оправдаешься, 2—3 обвиненія слѣдователь самъ отстранитъ, какъ явно нелѣпыя, а по какому-нибудь одному обвиненію тебя все же вздернутъ. Этого ждали мы всѣ для Жени, этого ожидалъ для себя и онъ самъ.

Молодой рабочій-анархистъ Григорій тоже былъ вѣроятнымъ смертникомъ. Ему предъявили сперва обвиненіе въ принадлежности къ группѣ, но затѣмъ слѣдователь принялся вызывать его «на опознаніе», результаты кото-

раго оказались для Григорія печальными: одинъ почтальонъ призналъ его похожимъ на человѣка, участвовавшаго въ ограбленіи почты; двѣ чиновницы узнали въ немъ молодого человѣка, приходившаго къ нимъ за полученіемъ 100 руб. по упрожающему письму; а одинъ старикъ изъ хохловъ показалъ, что Григорій два раза проходилъ мимо окна его хаты въ тотъ день, какъ въ ихъ деревнѣ убили урядника... Быть можетъ, при иныхъ условіяхъ все это показалось бы только забавнымъ, но въ N—ской тюрьмѣ за такими опознаніями слѣдовала неизмѣнно висѣлица.

Сравнительно менѣе печально было положеніе старосты нашей башни, рабочаго Семенова. Онъ былъ приговоренъ къ 8 годамъ каторги за принадлежность къ группѣ анархистовъ-коммунистовъ, подалъ кассаціонную жалобу и ждалъ теперь разсмотрѣнія ея въ Главномъ Военномъ Судѣ.

Бундовецъ Перецъ только что получилъ четыре года каторги и тоже кассировалъ приговоръ. Но его положеніе ухудшалось тѣмъ, что жандармы раскопали какія-то старыя его дѣлишки.

Наконецъ послѣдній обитатель нашей камеры, молодой рабочій-шахтеръ Митя Птичкинъ висѣлъ между небомъ и землей. Его могли отправить въ административную ссылку, но могли и вздернуть на висѣлицу. А всего вѣроятнѣе было, что онъ не доживетъ ни до ссылки, ни до висѣлицы: онъ кашлялъ кровью, еле двигался по камерѣ и угасалъ съ каждымъ днемъ на нашихъ глазахъ: сказывались послѣдствія побоевъ, которымъ подвергли его на первомъ допросѣ, сразу послѣ ареста.

Итакъ, мы сидѣли въ башнѣ при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Сидѣли сплошь политическіе, и не было среди насъ ни ренегатовъ, ни людей, зашедшихъ слишкомъ далеко въ «полѣвѣніи», или въ усвоеніи тюремной романтики кулака. Но надъ нами вѣяла смерть. При

взглядѣ другъ на друга невольно думали мы все объ одномъ и томъ же. И о чемъ бы мы ни говорили, что бы мы ни дѣлали, все казалось ненужнымъ, лишнимъ.

Въ общихъ камерахъ, гдѣ политическіе сталкиваются съ уголовными, гдѣ революціонерамъ, уцѣлѣвшимъ среди общаго психическаго распада, приходится выдерживать стычки со своими вчерашними товарищами, отклонившимися въ сторону индивидуализма или примиренства, въ общихъ камерахъ внутренняя борьба нѣсколько прикрываетъ и ослабляетъ апатію и безнадежную усталость, владѣющую узниками. Но здѣсь, въ башнѣ, эта апатія и усталость проявлялись во всей безысходности.

Нѣтъ чувства болѣе заразительнаго, чѣмъ это пассивное отчаяніе, и вскорѣ послѣ перехода въ башню я почувствовалъ, что оно овладѣваетъ и мною.

Сперва я старался подавить въ себѣ это чувство, старался отмахнуться отъ него, какъ отъ постыднаго малодушія. И это, какъ будто, удавалось мнѣ.

Я говорилъ себѣ:

— Вѣдь не могутъ же дѣйствовать на меня матеріальныя лишенія, которымъ я подвергаюсь въ тюрьмѣ, а моральныхъ униженій тюрьма причинить не можетъ, пока я самъ себя не запятнаю. Значитъ, бѣда только въ томъ, что я оказался слишкомъ близко отъ этого очага заразы, отъ этого моря униженія и страданій, отъ этого престола смерти. Бѣда въ томъ, что я принужденъ изо дня въ день видѣть и слышать такія вещи, которыхъ, при иныхъ условіяхъ, не видѣлъ бы и не слышалъ бы. Но вѣдь это не бѣда, а, пожалуй, счастье! Человѣкъ, избравшій своимъ жизненнымъ путемъ борьбу, а орудіемъ борьбы избравшій слово — долженъ все видѣть, все слышать: я здѣсь на своемъ посту. Это своего рода командировка, и я обязанъ дать обществу отчетъ обо всемъ, что увижу и услышу здѣсь. Значитъ, я не имѣю права опускать руки. Умъ

мой долженъ сохранить свою твердость, глаза все время должны быть открыты.

Товарищи добродушно подсмѣивались надъ моей теоріей «командировки», но мнѣ лично нѣкоторое время она придавала большой запасъ силъ и энергіи. Увы! только «нѣкоторое время».

Затѣмъ, все чаще и чаще сталъ я ловить себя на мысли, что живу среди мертвецовъ. Въ это время что-то неладное началось со мной. Пошатнулось здоровье, начались какіе-то припадки сердцебіеній. Большую часть дня приходилось лежать на койкѣ, бросивъ мысль о какихъ бы то ни было занятіяхъ. Энергія быстро падала. Теорія «командировки» мнѣ самому стала тогда казаться смѣшной и нелѣпой. И, иронизируя надъ собою, я думалъ:

— Не надолго же хватило у тебя пороху! Думалъ ты, что тебя природа лѣпила изъ другого тѣста, чѣмъ остальныхъ . . . Нѣтъ, лучше не тратить зря силы, иди покорно на дно!

Правда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ здоровье у меня возстановилось, и настроеніе опять измѣнилось къ лучшему. Но вѣдь «нормальное» состояніе для тюрьмы — не здоровье и самоувѣренная бодрость, а именно болѣзнь и упадокъ духа. И потому именно во время своей болѣзни я ближе всего пережилъ господствующее въ тюрьмѣ среди «уцѣлѣвшихъ» политиковъ утомленіе жизнью. И въ это время всего лучше понялъ я душевное состояніе своихъ товарищей по заключенію . . .

Помню, какъ встрѣчали мы въ башнѣ 1-е января 1909 года.

День 31 декабря былъ необыкновенно суетливый и утомительный. Съ утра началась уборка камеръ, мыли и скребли полы, обметали стѣны, протирали стекла въ окнахъ. Наводили на все блескъ и глянецъ, — на случай, если завтра кто-либо изъ высшаго начальства вздумаетъ посѣтить тюрьму.

И едва успѣли управиться съ уборкой, началась новая суматоха, — свиданія. Собственно говоря, это не былъ день свиданій, но начальство, ради собственнаго удобства, перенесло на этотъ день завтрашнія новогоднія свиданія.

На этотъ разъ волновались въ ожиданіи свиданія еще больше, чѣмъ обыкновенно. Свиданія ожидали только трое изъ насъ: къ Григорію и къ Семенову должны были придти ихъ жены. Женя ожидалъ къ себѣ мать и сестру. Всѣ трое стояли у двери, ожидая, когда выкликнутъ ихъ фамиліи.

Вотъ вызвали Григорія, за нимъ Женю. Семеновъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица отошелъ отъ двери и легъ къ себѣ на кровать.

— Ну, ко мнѣ, значитъ, не придутъ сегодня, — сказалъ онъ. — Ольга позже 12 часу никогда не приходила. Вѣрно, дома что-нибудь случилось . . . Съ дѣтьми, можетъ быть, или съ ней самой . . . Больна, что ли, или обыскъ . . .

— Э, полно! Какой тамъ обыскъ? Просто замѣшкалась, — успокаивалъ его Харько.

Вернулся со свиданія Григорій. Лицо у него было блѣдное, разстроенное, будто онъ перенесъ только что большую непріятность. Въ глазахъ свѣтилась обида, презрѣніе, ненависть. Вошелъ въ башню, небрежно бросилъ на койку узелокъ съ бѣльемъ и передачей и, молча, не глядя ни на кого, сѣлъ къ окну.

Митя Птичкинъ съ сочувствіемъ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Что, поговорить не удалось? Или новости плохія узналъ?

— Да, — коротко отвѣтилъ Григорій.

— Что же разсказываютъ?

Григорій молча сѣлъ у окна, нервно барабаня паль-

цами по стеклу. Затѣмъ, вдругъ обернулся къ намъ и заговорилъ, спѣша и волнуясь:

— Жена у меня была. Разсказала, какъ она этотъ мѣсяцъ мѣсто себѣ искала. Раньше все вскользь упоминала, а сегодня все разсказала... У, сволочи, мерзавцы! Мнѣ бы только на волю выйти, — показалъ бы я имъ. Ее, было, прислугой въ больницу взяли. Работа тяжелая, непріятная, да она пошла. Зачислили ее. Два дня проработала, а на третій день ее старшій докторъ къ себѣ въ кабинетъ вызвалъ. — Вы, спрашиваетъ, замужняя? — Да, говоритъ. — Съ мужемъ живете, или разошлись? — Съ мужемъ. — А гдѣ теперь вашъ мужъ? — Она думаетъ, — зачѣмъ это имъ? Однако, сказала: — Въ тюрьмѣ. Докторъ говоритъ: — Это намъ извѣстно. А за какія художества твой мужъ въ тюрьму попалъ? — Сразу на «ты» перешелъ. Она ему говоритъ: — Не знаю, за что его взяли. Преступленій онъ никакихъ не сдѣлалъ...

— По уголовному дѣлу или по политическому, тоже не знаешь?

— Нѣтъ, это знаю, — по политическому.

— То-то! Такъ вотъ твой паспортъ, вотъ тебѣ рубль за два дня работы... Можешь идти. Анархистокъ намъ въ больницѣ не требуется! — Такъ и прогналъ ее, мерзавецъ. Эхъ, если бъ мнѣ его повидать... Показалъ бы я ему, что ему требуется, что не требуется.

Большими шагами ходилъ Григорій взадъ и впередъ по камерѣ, сжимая кулаки отъ бѣшенства. Затѣмъ, немного успокоившись, онъ продолжалъ:

— Ну, Настя рѣшила другого мѣста искать, хоть кухаркой. Сказали ей, что въ Еловкѣ священнику мѣстному прислуга требуется. Передъ праздниками пошла она туда. Священникъ старичокъ, ласковый такой. Разспрашивалъ ее обо всемъ. — Замужняя? — Да! — А что же отъ мужа на мѣсто поступаешь? — Жить, говоритъ, нечѣмъ. — Мужъ, значитъ, безъ работы или пьянствуетъ? — Нѣтъ, въ тюрьмѣ мужъ сидитъ. — Священникъ еще посочувствовалъ: — Ишь несчастье какое! Ну, не убивайся, говоритъ, это отъ Бога. Это со всякимъ выйти можетъ. Коли будетъ такая милость Господня, — еще съ мужемъ поживешь. А ко мнѣ хоть съ третьяго дня праздниковъ поступить можешь. — Насчетъ жалованья условились: 10 руб. въ мѣсяцъ. Однимъ словомъ попъ такимъ ей хорошимъ показался, что хоть и не попу въ пору. А вчера съ утра пришла къ нему... Онъ благословилъ ее, далъ руку поцѣловать, а тамъ и говоритъ: — Вотъ, что, голубушка. Я тогда съ тобой не толковалъ объ этомъ, но ты сама, чай, не маленькая... Я безъ жены живу, а человѣкъ еще не старый. Такъ у меня заведено, чтобы кухарка у меня не отказывалась... Потому и жалованье такое положено... — Она сперва отъ обиды слова сказать не могла, а потомъ плюнула старому чорту прямо въ рожу и убѣжала. Былъ бы я теперь на волѣ, я бы надъ этой стервой потѣшился, чтобы зналъ, какъ честныхъ женщинъ заманивать... Собака!

Пересыпая свою рѣчь непечатными словами, Григорій бѣшено грозился по адресу оскорбившаго его жену попа. И, глядя на его сведенное лицо, я думалъ, что старый сластолюбецъ въ рясѣ не обрадовался бы встрѣчѣ съ нимъ.

Затѣмъ Григорій затихъ и легъ на койку. Сжалъ зубы, закрылъ глаза и дѣлалъ видъ, будто спитъ. Казалось, онъ раскаивается въ томъ, что повторилъ передъ нами разсказъ жены. И всѣмъ было не по себѣ...

Вернулся въ башню и Женя. Онъ былъ, какъ всегда, оживленъ, веселъ.

Валентинъ встрѣтилъ его вопросомъ:

— Гдѣ ты столько времени пропадалъ? Мы думали, тебя уже въ карцеръ забрали.

— А я на лѣстницѣ три очереди ждалъ. За то новостей вамъ привезъ — съ три короба.

— На свиданіи разсказывали?

— Какъ же? на свиданіи разскажутъ, когда насъ 10 человѣкъ разомъ за рѣшетку загнали... И лицъ-то разглядѣть нельзя было... На свиданіи больше я разсказывалъ. Разсказалъ мамѣ, что жандармы обѣщали меня до начала поста выпустить. Повѣрила!

— Ну, а новости какія?

— Новости... Прежде всего вамъ, Семеновъ, новость... И не совсѣмъ пріятная.

Семеновъ поднялъ голову и насторожился:

— Что такое?

— Третьяго дня у вашей жены былъ обыскъ. Искали оружія. Захватили фотографическія карточки, какія-то письма изъ Женевы и на дворѣ, за кладовкой нашли свертокъ, кажется, съ патронами. Просили передать, что жандармы, какъ пришли, такъ сразу и отправились за кладовку. Значитъ, провокація!..

Семеновъ слушалъ съ измѣнившимся лицомъ.

— А Ольга? — спросилъ онъ глухо.

— Ольга арестована. Сидитъ въ третьей части. Просила передать вамъ, что чувствуетъ себя вполнѣ спокойно и ничего не боится. Дѣтей у тетки какой-то оставила. Вотъ и все, что я знаю.

Женя разсказывалъ это своимъ обыкновеннымъ веселымъ голосомъ, который такъ нравился всѣмъ намъ. Мы слушали объ этомъ арестѣ, какъ слушали раньше о тысячѣ подобныхъ арестовъ, но Семеновъ былъ совершенно убитъ этой новостью.

— Я такъ и зналъ, — тихо произнесъ онъ.

Снова легъ на койку и спряталъ лицо въ жесткую подушку. Валентинъ попробовалъ утѣшить его.

— Полно, Сеня, — сказалъ онъ, — авось администра-

тивной высылкой обойдется. Подержатъ полгода и выпустятъ.

Семеновъ ничего не отвѣтилъ. И всѣмъ сразу стало ясно, какъ нелѣпо оптимистическое предположеніе Валентина.

— Что же другихъ новостей не спрашиваете? — спросилъ Женя.

— А у тебя все такія? — полушутя, полусерьезно замѣтилъ Харько.

— Нѣтъ, есть и лучше: Зандерсъ и Смирновъ передъ праздниками подали прошенія!

— Не можетъ быть! — вскричалъ Валентинъ. — Я Зандерса съ 1902 года знаю... Это тюремная утка!..

— Мнѣ Костя передалъ. Онъ съ Зандерсомъ въ одной камерѣ сидитъ. Зандерсъ и не скрывалъ, что подаетъ прошеніе. Даже далъ Костѣ прочесть. Въ прошеніи нѣтъ ничего особеннаго: все, какъ водится. Костя его назвалъ прохвостомъ и измѣнникомъ.

— А онъ что?

— Онъ — ничего. А у самого Кости дѣла швахъ. Передъ праздниками получилъ копію обвинительнаго акта. 279 статья по двумъ пунктамъ.

Такого же сорта оказались и всѣ Женины новости. Въ больницѣ за ночь умерло двое. Въ секреткѣ смертниковъ еще одинъ осужденный подалъ прошеніе на палача. Въ третьей слѣдственной камерѣ произошла драка между двумя политическими (сильно «полѣвѣвшими» въ тюрьмѣ): дѣло началось изъ-за освободившагося мѣста на нарахъ, а кончилось тѣмъ, что одинъ разбилъ другому голову эмальированнымъ чайникомъ.

Разсказывалъ Женя обо всемъ одинаково живо, почти весело. Казалось, его все забавляетъ: и отступничество Зандерса, и драка, и то, что смертникъ лучше желаетъ быть палачомъ, чѣмъ самому подвергнуться повѣшенію.

Но, окончивъ свой разсказъ, онъ замѣтилъ совсѣмъ другимъ, унылымъ и печальнымъ голосомъ:

— Ну, вотъ и всѣ обычныя новости. Другихъ у насъ давно не было. Живемъ по-старому.

И на его молодомъ лицѣ обозначилась такая страдальческая складка, что, казалось, онъ сразу постарѣлъ лѣтъ на десять.

Я не принималъ участія въ этой бесѣдѣ, такъ какъ лежалъ больной, укрывшись всякимъ тряпьемъ: меня била жестокая лихорадка. Но, лежа въ сторонѣ, я внимательно прислушивался... Все одно и то же, одно и то же. Сегодня то же, что было вчера; завтра то же, что было сегодня. Къ чему все это? Скоро ли будетъ конецъ?

Въ камерѣ было тихо. Всѣ сидѣли, лежали или ходили по башнѣ, погруженные въ свои думы. Я поднялся съ койки и подошелъ къ окну. Долго смотрѣлъ на возвышающуюся за окномъ стѣну, эту мертвую лѣтопись тюрьмы. И передо мной проходили воспоминанія обо всемъ, что видѣла эта стѣна. Вонъ, между двумя кирпичными столбами, мелькаютъ имена повѣшенныхъ товарищей. Сколько ихъ было? Кого я помню изъ нихъ?.. А вонъ, крупная надпись: «Да здравствуетъ соціализмъ!» Это писалъ Филиппъ. Недавно онъ подалъ прошеніе о помилованіи. Вонъ надпись, сдѣланная Самуиломъ, который теперь корчитъ изъ себя ивана на ротномъ коридорѣ. Вонъ еще имена, еще имена... Цѣлый синодикъ погибшихъ. А вонъ, выше, надъ надписями, яркія пятна свѣжаго излома кирпичей, зазубрины, выбоины. Сюда ударялись пули... Новыя имена ужъ не появятся на этой стѣнѣ: передъ нею, въ трехъ шагахъ отъ нея, протянута колючая проволока. Даже черточками, проведенными на кирпичахъ этой стѣны, не могутъ оставить память о себѣ погибающіе... Одинъ общій памятникъ останется у нихъ — эта пропитанная кровью и плѣсенью тюрьма. Общій памятникъ надъ общей братской могилой.

Сгущались сумерки за окномъ. Уже не видно было надписей на стѣнѣ. Остался лишь мрачный силуэтъ чего-то огромнаго, тяжелаго.

— Чего безъ огня сидишь? — крикнулъ надзиратель за дверью, — зажигай лампу! На повѣрку становись.

Быстро зажгли лампу, прибрали камеру и стали въ два ряда противъ двери.

Вотъ и вечерняя повѣрка. Отворили тяжелую дверь. Въ камеру вошло человѣкъ 10 надзирателей. Спереди старшій, какъ всегда торжественный, надутый, съ краснымъ вздрагивающимъ лицомъ, съ мутными глазами, съ тщательно расчесанными длинными усами. Пересчиталъ насъ. Обвелъ глазами башню, чтобы провѣрить, все ли въ порядкѣ. Надзиратель съ тяжелымъ деревяннымъ молоткомъ подошелъ къ окну и началъ выстукивать рѣшетку. Тяжело падаютъ тупые удары на гудящія полосы желѣза. Кажется, вотъ-вотъ поддастся рѣшетка. Но нѣтъ, это только обманъ зрѣнія: уже десятки лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ построена тюрьма, каждый день, утромъ и вечеромъ выстукиваютъ вотъ такъ эти желѣзныя рѣшетки, а онѣ все держатся, будто скрыта въ нихъ какая-то таинственная вѣчная сила.

Повѣрка ушла изъ башни.

Я снова ложусь на койку и укрываюсь потеплѣе. Въ камерѣ тихо.

Харько и Женя молча играютъ въ шашки. Перецъ сосредоточенно слѣдитъ за ихъ игрой. Григорій усѣлся у лампы писать письмо, но написалъ всего двѣ строки, и дальше дѣло у него не подвигается впередъ. Валентинъ пытается сосредоточиться надъ какой-то старой книжкой, но мысли его витаютъ гдѣ-то далеко, далеко. Митя и Семеновъ лежатъ на своихъ койкахъ.

Всѣмъ скучно, всѣхъ гложетъ тоска.

Женя первый прервалъ молчаніе.

— Товарищи, — заговорилъ онъ. — Мы вѣдь чуть не забыли, какой день сегодня! Будемъ Новый Годъ встрѣчать. До 12 часовъ не ложиться! Пиръ устроимъ, рѣчи, — все какъ слѣдуетъ! Идетъ? А?

— Идетъ, — отозвался Григорій.

А Харько замѣтилъ дѣловымъ тономъ:

— Новый-то годъ встрѣтимъ. Это — ладно. Только насчетъ пира — что намъ староста скажетъ? Товарищъ Семеновъ, колбасы намъ дадите Новый Годъ встрѣтить?

— Погоди съ колбасой, хохолъ, — вмѣшался Григорій. — Нужно рѣшить, все по порядку. Товарищъ Сергѣй, вы рѣчь скажете?

— У меня не выйдетъ ничего, — отвѣтилъ я, — голова трещитъ и трясетъ всего... Какая тутъ рѣчь?

— Ну, такъ товарищъ Валентинъ не откажется.

— Отказываюсь.

— Ну, такъ и праздника у насъ не будетъ. Товарищъ Валентинъ, развѣ трудно вамъ? Васъ просятъ... Хоть пару словъ скажите.

— Ну ладно, чортъ васъ дери!..

Въ башнѣ стало какъ-то веселѣе. Начали готовиться къ празднику. Смѣялись, шутили. Покрыли столъ полотенцемъ. Харько нарѣзалъ тоненькими ломтиками фунта два колбасы и разложилъ эти ломтики звѣздой на бумагѣ. Кругомъ положилъ ломти чернаго хлѣба и отдѣльно отъ нихъ куски булки, полученной въ сегодняшнюю передачу. Все это показалось ему до того изящно, что онъ не могъ удержаться отъ выраженія восхищенія собственнымъ искусствомъ.

— Вотъ это столъ, такъ столъ! Въ буржуазныхъ домахъ лучше не бываетъ! Ты, Перецъ, лучше видалъ когда-нибудь?

— Лучше видалъ. А вотъ хуже, — не помню.

— Врешь! Ты смотри: изъ ничего вѣдь какой столъ парадный вышелъ!

Между тѣмъ, Григорій привѣсилъ надъ лампой чайникъ и кипятилъ воду, готовя чай.

— Ложись спать! — раздалась команда за дверью.

— Ложимся! — отвѣтили мы по обыкновенію.

Начали говорить шопотомъ.

— Женя, твоя койка въ прозорку видна. Устрой тамъ.

— Я туда чучело положу.

Женя свернулъ чье-то пальто, уложилъ его на своей койкѣ. Примостилъ тамъ же чайникъ и два мѣшочка съ бѣльемъ, покрылъ все одѣяломъ, а поверхъ его протянулъ сложенное полотенце.

— Вотъ это такъ чучело — ликовалъ онъ. — И съ руками, и лицо, какъ мое. Лежи смирно, тебѣ говорятъ!

Толкнувъ свое чучело ногой въ бокъ, онъ вернулся вглубь башни.

Сѣли къ столу и ждали, когда поспѣетъ чай. Подсѣлъ къ столу и Семеновъ, и Митя. Всѣмъ хотѣлось ознаменовать чѣмъ-нибудь встрѣчу Новаго Года, хотѣлось, чтобы праздникъ вышелъ возможно торжественнѣе, но каждый думалъ невольно о томъ, что принесъ намъ минувшій годъ, что несетъ намъ Новый, начинающійся. И отъ этихъ думъ у каждаго становилось на душѣ тяжело и тоскливо. Позади невозвратимыя утраты, паденія, разочарованія. Впереди — тьма безпросвѣтная, утрата того, что еще не утрачено, быть можетъ, новыя еще болѣе печальныя паденія, смерть. Хоть бы маленькій просвѣтъ, хоть бы искорка надежды впереди. Ничего, кромѣ тьмы и холода могилы!

Я тоже сидѣлъ у стола, прислонившись къ стѣнкѣ. Было такъ тяжело, что хотѣлось плакать, хотя глаза ужъ

давно отвыкли отъ слезъ. Смотрѣлъ внимательно на готовящихся къ встрѣчѣ Новаго Года товарищей.

Вотъ сидитъ, не видя ничего вокругъ себя, погруженный въ свои невеселыя думы Семеновъ. Ему сидѣть въ тюрьмѣ еще не меньше 7 лѣтъ. Что жена его получитъ каторгу, — это несомнѣнно. А мы знаемъ, что представляла для него семья. Выдержитъ ли онъ это испытаніе? Пока онъ ни въ чемъ не измѣнилъ себѣ. Но слишкомъ низко опустилъ онъ теперь свою голову. Выдержитъ ли? Можетъ быть, теперь уже зрѣетъ въ немъ рѣшеніе, которое оттолкнетъ его отъ насъ . . .

Вотъ возится около чайника Григорій. Онъ надѣется еще выдти на волю, мечтаетъ о мести, но я знаю отлично, что онъ не выйдетъ изъ тюрьмы. Его повѣсятъ. И почему-то мнѣ не жалко его. Не повѣсили бы его теперь, такъ повѣсили бы немного позже. Такихъ, какъ онъ, при мнѣ повѣсили не одинъ десятокъ. Теперь повѣсятъ еще одного . . .

Вотъ задумался надъ чѣмъ-то товарищъ Валентинъ. Его желтое лицо при свѣтѣ лампы кажется лицомъ мертвеца. О чемъ онъ думаетъ? Можетъ быть, вспоминаетъ весь пройденный жизненный путь, — рѣдкіе часы подъема, восторга и годы страданій. Это тоже конченный человѣкъ.

Конченный человѣкъ и молчаливый, скромный Перецъ. Разъ жандармы раскопали его старыя дѣла, значитъ, смертный приговоръ ему обезпеченъ. Можетъ быть, замѣнятъ висѣлицу вѣчной каторгой, но вѣдь это одно и то же.

Харько крѣпче другихъ. Можетъ быть, онъ и выживетъ, — благо и срокъ у него небольшой. Но какимъ человѣкомъ выйдетъ онъ изъ тюрьмы? На что будетъ онъ годенъ послѣ этой передѣлки?

Относительно Мити гадать нечего: онъ протянетъ не

долго: можетъ быть, съ мѣсяцъ, можетъ быть два . . . Онъ и теперь, какъ неживой.

А вотъ хлопочетъ, убирая столъ, самый молодой, самый жизнерадостный изъ насъ, Женя. Мы всѣ знаемъ, что его повѣсятъ, и онъ твердо знаетъ это. Тюрьма еще не вытравила красокъ съ его молодого, почти дѣтскаго лица, еще не потушила огня его глазъ, еще не заглушила его звонкаго голоса. Но онъ — обреченная жертва висѣлицы. На его шеѣ виднѣется иногда полоска отъ узкаго ворота, тонкая, красная полоска на нѣжной, бѣлой кожѣ. Теперь, когда онъ наклоняется надъ столомъ, я ясно вижу его шею съ краснѣющей на ней черточкой, и думаю: «Точь-въ-точь по этой полоскѣ петля придется» . . .

Я внимательно вглядываюсь въ лица готовящихся къ встрѣчѣ Новаго Года товарищей. И все яснѣе становится мнѣ, что всѣ мы уже не принадлежимъ этому міру, міру живыхъ. Люди, стоящіе одной ногой въ могилѣ . . . Люди, обреченные висѣлицѣ и смерти, — мы устраиваемъ себѣ праздникъ, встрѣчая Новый Годъ! Забавно . . .

Тоскливо тянулись минуты. Наконецъ, Григорій провозгласилъ:

— Готово, товарищи! — и торжественно поставилъ на столъ кипящій чайникъ.

Харько заварилъ чай и разлилъ его по кружкамъ.

— Ну, теперь приступимъ! — пригласилъ онъ.

Опять начались шутки и смѣхъ, скучныя шутки, невеселый смѣхъ. Казалось, будто мы нарочно стараемся поднять свое настроеніе.

— Товарищъ Валентинъ! На линію огня! Рѣчь говорите!

— Тише! слушайте!

— Что-нибудь повеселѣе! На мотивъ «Громъ побѣды раздавайся!

—Что-нибудь не философское, а агитаціонное.

Валентинъ молчалъ, и лицо его было грустное и утомленное.

— Я не буду, — сказалъ онъ серьезно и устало.

— Да ну же, вы обѣщали.

— Нельзя отказываться!

— О чемъ же говорить? — спросилъ Валентинъ.

— О чемъ угодно. О прошломъ, о настоящемъ, о будущемъ.

— Хорошо. Я скажу новогоднюю рѣчь, товарищи. Лучше высказать, чѣмъ таить про себя.

— Слушаемъ! Слушаемъ!

— О минувшемъ годѣ не буду я говорить. Минувшее всѣ мы знаемъ. И слишкомъ темно, слишкомъ печально минувшее, чтобы вспоминать все... въ такой радостный часъ, при такой веселой обстановкѣ.

Въ голосѣ Валентина слышался рыдающій сарказмъ. И медленно сползли съ лицъ его слушателей улыбки. Онъ продолжалъ:

— Я только о ближайшемъ будущемъ буду говорить. Его можно предвидѣть. Оно будетъ мрачнѣе и ужаснѣе всего пережитаго... Кровь, слезы и грязь, — вотъ что ждетъ насъ. Всего больше грязи... Черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ нѣкоторые изъ насъ опять будутъ встрѣчать Новый Годъ. Только нѣкоторые, не всѣ, далеко не всѣ. Тогда они вспомнятъ тѣхъ изъ насъ, которыхъ уже не будетъ въ живыхъ... И они позавидуютъ намъ, позавидуютъ тому, что мы лежимъ въ землѣ и ничего не видимъ, ничего не слышимъ, ничего не чувствуемъ... Товарищи! я не хочу дожить до слѣдующей встрѣчи Новаго Года и никому изъ васъ не желаю этого... Скорѣй конецъ! Вотъ моя новогодняя рѣчь, товарищи!..

Голосъ Валентина дрожалъ, все лицо его передергивалось, какъ отъ сдерживаемыхъ рыданій. Я не узналъ его, всегда столь уравновѣшеннаго, сдержаннаго. Но видно было, что его несуразная новогодняя рѣчь — стонъ, вырвавшійся изъ самой глубины его измученной души.

И всѣ, казалось, почувствовали, что Валентинъ высказалъ общую думу, общее настроеніе. Не было больше смысла шутить, смѣяться и внѣшней веселостью маскировать свою тоску. Сразу оборвались шутки. Встрѣча Новаго Года разстроилась. Мы сидѣли молча, стараясь не глядѣть другъ на друга...

Въ это время за дверью раздался сердитый окрикъ:

— Чего послѣ команды сидите? Спать ложись, сволочь!

Тихо улеглись мы каждый на свое мѣсто. И каждый думалъ про себя:

— Правъ Валентинъ. Скорѣй бы конецъ!

Эту мысль можно было прочесть и на упрямомъ морщинистомъ лицѣ Харько, и на полудѣтскомъ лицѣ Жени.

Я вспомнилъ эту встрѣчу Новаго Года въ башнѣ, когда заговорилъ о душевномъ состояніи «уцѣлѣвшихъ» въ тюрьмѣ. Вспомнилъ этотъ случай, такъ какъ онъ характеризуетъ ту безнадежную пустоту, въ которой мы жили въ разгаръ реакціи въ Н—ской тюрьмѣ.

Правда, не во всѣхъ тюрьмахъ узники встрѣчаютъ Новый Годъ съ такими безотрадными чувствами. И въ той же Н—ской тюрьмѣ 1910-й годъ мы встрѣтили въ болѣе бодромъ настроеніи. Я не хочу обобщать свои тягостныя наблюденія, не хочу сгущать краски.

Въ то время, какъ мы, «уцѣлѣвшіе», мечтали «скорѣй бы конецъ», въ это время гдѣ-нибудь другіе «уцѣлѣвшіе», быть можетъ, съ бодрой вѣрой смотрѣли впередъ... Но все же и наше положеніе въ башнѣ было не исключительное. Такъ же тогда встрѣтили 1909-й годъ многія сотни и тысячи людей и въ тюрьмахъ, и на волѣ.

Гос. Публичная Б-ка им. Ленинграда